

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт филологии

На правах рукописи

Горбунова Виктория Александровна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР
БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА
В «ПАРЕНЕСИСЕ» ЕФРЕМА СИРИНА В ПЕРЕВОДАХ XIV-XX ВВ.**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Н.Б. Кошкарева

Новосибирск
2016

Оглавление

Введение.....	6
Глава 1. Теоретические основания исследования типовых синтаксических структур пространственного типа в «Паренесиса» Ефрема Сирина.....	12
1. «Паренесис» Ефрема Сирина как объект лингвистического исследования.....	12
1.1. Место памятника в древнерусской литературной традиции и истории формирования литературного языка у восточных славян.....	12
1.2. История изучения «Паренесиса» в отечественной исторической лингвистике.....	18
2. Принципы моделирования структуры и семантики предложения	22
2.1. Предложение как двусторонняя языковая единица.....	22
2.2. Развитие теории моделирования в трудах отечественных лингвистов.....	25
2.3. Разработка понятия пропозиции в отечественной лингвистике.....	31
2.4. Структура пропозиции.....	35
2.5. Типология предикатов.....	39
2.6. Синтаксическая парадигма предложения.....	41
3. Представление о пространстве в современной лингвистике.....	50
3.1. Категория локативности.....	50
3.2. Типы пространственных отношений.....	54
Выводы	57
Глава 2. Структуры бытийно-пространственного блока в «Паренесисе» Ефрема Сирина.....	59
1. ТСС с семантикой статической локализации (существования, местонахождения, наличия).....	59
1.1. Изосемические реализации структур.....	59
1.1.1. Инэссивные модели.....	61
1.1.2. Суперэссивные модели.....	65
1.1.3. Антеэссивные модели.....	68
1.1.4. Субэссивная модель	70
1.1.5. Интерэссивные модели.....	70
1.1.6. Апудэссивные модели.....	71

1.1.7. Циркумэссивные модели.....	73
1.2. Изосемические реализации структур вне физической сферы.....	74
1.3. Неизосемические реализации структур.....	79
1.3.1. Неизосемические реализации статических ТСС в ЭПП.....	80
1.3.1.1. ЭПП с семантикой социального отношения.....	80
1.3.1.2. ЭПП с семантикой духовного состояния.....	81
1.3.2. Неизосемические реализации статических ТСС в неЭПП.....	82
1.3.2.1. НеЭПП с семантикой состояния и деятельности...	82
1.3.2.2. НеЭПП с акциональной семантикой.....	92
1.3.2.3. НеЭПП с реляционной семантикой.....	96
1) НеЭПП с семантикой ситуативного тождества.....	96
2) НеЭПП с семантикой эмоционального отношения...	96
3) НеЭПП с семантикой социального отношения.....	97
2. ТСС с семантикой движения.....	98
2.1. Изосемические реализации структур.....	98
2.1.1. ЭПП с делокативной семантикой.....	102
2.1.2. ЭПП с адлокативной семантикой.....	104
2.1.2.1. Реализации иллативных ТСС.....	104
2.1.2.2. Реализации суперлативных ТСС.....	106
2.1.2.3. Реализации апудлативных ТСС.....	108
2.1.2.4. Реализации сублативной ТСС.....	108
2.1.2.5. Реализации циркумлативной ТСС.....	109
2.1.3. ЭПП с транслокативной семантикой.....	109
2.1.4. Конструкции комбинированного типа.....	111
2.1.5. ЭПП с семантикой ориентированного движения.....	112
2.2. Изосемические реализации ТСС движения вне физической сферы.....	115
2.3. Неизосемические реализации структур.....	120
2.3.1. Неизосемические реализации ТСС движения в ЭПП.....	120
2.3.1.1. ЭПП с семантикой физиологического процесса.....	121
2.3.1.2. ЭПП с семантикой психического движения.....	121
2.3.1.3. ЭПП с семантикой социального состояния.....	123
2.3.1.4. ЭПП с семантикой духовного состояния.....	123
2.3.1.5. ЭПП с семантикой эмоционального отношения....	127
2.3.2. Неизосемические реализации статических ТСС в неЭПП.....	128
2.3.2.1. НеЭПП с семантикой состояния и деятельности...	129

2.3.2.2. НеЭПП с акциональной семантикой.....	140
2.3.2.3. НеЭПП с семантикой социального отношения.....	141
2.3.2.4. НеЭПП с семантикой трансформации.....	141
3. ТСС с семантикой каузированного движения.....	143
3.1. Изосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения.....	143
3.2. Незосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения в ЭПП.....	156
3.2.1. ЭПП с семантикой социального состояния.....	156
3.2.2. ЭПП с семантикой психического восприятия.....	157
3.2.3. ЭПП с семантикой духовного состояния.....	159
3.3. Незосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения в неЭПП.....	161
3.3.1 НеЭПП с семантикой каузированного состояния.....	161
3.3.2. НеЭПП с акциональной семантикой.....	165
Выводы.....	168
Глава 3. Структуры бытийно-пространственного блока как средство организации дискурса в «Паренсисе» Ефрема Сирина	170
1. НеЭПП, реализующие пропозиции второго порядка.....	170
2. НеЭПП с модусной-диктумной семантикой.....	176
3. Пространственные оппозиции в христианской картине мира.....	181
Выводы.....	183
Глава 4. Реализации ТСС бытийно-пространственного блока в «Творениях» Ефрема Сирина.....	184
1. Изосемические реализации статических моделей бытийно-пространственного блока.....	185
1.1. Инэссивные модели.....	185
1.2. Суперэссивные модели.....	188
1.3. Субэссивная модель.....	189
1.4. Антеэссивные модели.....	190
1.5. Апудэссивные модели.....	192
1.6. Интерэссивные модели.....	194
1.7. Циркумэссивные модели.....	195
2. Неизосемические реализации статических пространственных моделей.....	197
2.1. Неизосемические реализации статических пространственных моделей в ЭПП.....	197

2.1.1. ЭПП с семантикой социального отношения.....	197
2.1.2. ЭПП с семантикой духовного состояния.....	198
2.2. Неизосемические реализации статических пространственных моделей в неЭПП.....	199
2.2.1. НеЭПП с семантикой состояния.....	199
2.2.2. НеЭПП с акциональной семантикой.....	203
3. Изосемические реализации моделей движения и каузированного движения.....	204
3.1. Модели адлокативного типа.....	204
3.1.1. Иллативные модели.....	204
3.1.2. Суперлативные модели.....	205
3.1.3. Сублативные модели.....	206
3.1.4. Антелативные модели.....	206
3.1.5. Апудлативные модели.....	207
3.1.6. Циркумлативные модели.....	208
3.2. Делокативные модели.....	208
3.2.1. Инаблативные модели.....	208
3.2.2. Супераблативные модели.....	209
3.2.3. Апудаблативные модели.....	209
3.3. Модели транслокативного типа.....	210
4. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения.....	211
4.1. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения в ЭПП.....	211
4.1.1. ЭПП с семантикой физиологического процесса.....	211
4.1.2. ЭПП с семантикой психического восприятия.....	212
4.1.3. ЭПП с семантикой духовного состояния.....	214
4.2. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения в неЭПП.....	215
4.2.1. НеЭПП с семантикой состояния.....	215
Выводы.....	220
Заключение.....	222
Список использованной литературы.....	225
Приложение. Список синтаксических символов и сокращений.....	238

Введение

Диссертационное исследование посвящено описанию структуры и семантики реализаций типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в тексте «Паренесиса» – переводного сборника учительных слов авторства Ефрема Сирина.

Объектом исследования являются простые предложения в тексте памятника, в структуру которых входит сирконстант, обязательный для смысловой и коммуникативной полноценности высказывания, выраженный именем в косвенном падеже или наречием.

Предмет исследования – структурно-семантический анализ названных типов предложений с применением метода моделирования, их описание как двусторонних языковых единиц синтаксического уровня.

Цель работы заключается в выявлении круга конкретных структурных разновидностей бытийно-пространственных гипермоделей, функционирующих в церковнославянском языке, в том виде, в каком он представлен в «Паренесисе», а также в системном исследовании круга структур, выражающих различные типы пространственных отношений, производных от них моделей, реализующих непространственные значения.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие **задачи**:

1) каталогизировать структуры, употребляющиеся в тексте памятника для описания разнообразных пространственных ситуаций;

2) определить прототипическое значение для каждой из моделей, выявить те дифференциальные признаки, на основании которых формируются крупные семантические классы, и проследить дальнейшее смысловое членение внутри классов;

3) установить системные связи между пространственными моделями, очертить границы структурно-семантического варьирования;

4) определить круг вторичных, непространственных значений, реализуемых структурами бытийно-пространственного блока в тексте «Паренесиса»;

5) соотнести конкретные структуры с типами непространственных значений, которые они способны транслировать, охарактеризовать семантические трансформации с точки зрения метафорических концептов, лежащих в основании переноса.

6) Провести аналогичное исследование бытийно-пространственных структур во фрагментах «Творений» Ефрема Сирина; сопоставить язык

древнерусского и современного переводов как текстов единой тематики, ориентированных на читателя с христианской картиной мира, однако созданных в разные периоды существования языка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В церковнославянском языке древнейшего периода, как мы можем заключить из материалов памятника, функционировало не менее 57 моделей с прототипической пространственной семантикой. Только 16 из них служат для выражения разных типов статических пространственных отношений, остальные 41 употребляются при описании динамических пространственных ситуаций. Внутри этих двух классов структурно разграничиваются соппространственные и несопространственные отношения, а также разные геометрические конфигурации позиционирования субъекта относительно локума.

2. В христианской картине мира пространственные отношения складываются не только в физической реальности, но и на том виртуальном пласте действительности, где функционируют невоплощенные сущности (Бог, ангелы, бесы). Для описания пространственных ситуаций в нематериальной сфере используется тот же набор структур, что и для физической, но в редуцированном виде: так как действующие в виртуальном мире сущности и объекты образуют замкнутый круг и, по большей части, имеют слабо выраженные геометрические характеристики, пространственные отношения, устанавливающиеся между ними, отличаются меньшим разнообразием.

3. Для церковнославянского языка характерен смешанный глагольно-именной тип выражения пространственных значений. Тип выражаемого в предложении пространственного значения определяется семантикой глагола, формой имени, выступающего в роли локализатора, и, как правило, значением сопутствующего ему предлога. Частотны морфосинтаксические процессы – распространенный метод редукции в тексте памятника, – в результате которых предлог встраивается в словообразовательную структуру глагола в виде приставки.

4. Внутри семантических классов между пространственными моделями складываются парадигматические отношения структурной вариативности и синонимии. Структурная вариативность обусловлена, во-первых, ненормированностью графического облика отдельных предлогов, во-вторых, функционированием ряда моделей в предложном и беспредложном вариантах.

5. Структуры бытийно-пространственного блока регулярно употребляются в тексте для выражения непространственных значений. Для статических структур характерны вторичные значения состояния, действия, эмоционального и социального отношения, ситуативного тождества; для динамических – вторичные значения состояния, действия, психического восприятия, эмоционального отношения и трансформации. Некоторые из перечисленных значений (духовного и социального состояния, психического восприятия, эмоционального отношения) могут реализовываться в элементарных простых предложениях, прочие же связаны с осложнением плана содержания.

6. Наиболее подвержены семантическим трансформациям пространственные структуры инэссивного, иллативного, инаблативного, суперлативного и апудлативного типов.

7. Помимо передачи пропозиционных значений неЭПП, реализующие структуры бытийно-пространственного блока используются в целях установления темпоральных, каузальных и целевых отношений между событиями, а также для эксплицитного выражения кваликативной категории модуса.

8. Сопоставление двух переводов памятника позволяет выявить специфику языка современных текстов религиозной направленности, в котором в целях трансляции базовых, сакральных смыслов и создания специфического стиля, отражающего преемственность религиозных произведений, актуальные для современного русского языка синтаксические модели и схемы метафоризации органически сочетаются с архаическими элементами, заимствованными из церковнославянского языка.

Актуальность работы обусловлена как объектом исследования, так и подходом к его изучению. «Паренесис» на данном этапе представляет собой малоизученный памятник древнейшего периода распространения письменности и становления литературного языка у восточных славян. Активное изучение представленного лингвистического материала началось только в последнем десятилетии, и, как следствие, в исторической лингвистике пока отсутствует исчерпывающее описание разноуровневых языковых особенностей сборника. В частности, синтаксис «Паренесиса» описан крайне фрагментарно, преимущественно в традициях формального синтаксиса. В связи с этим представляется продуктивным реализовать системный подход к исследованию высшего яруса церковнославянской языковой системы и выявить те отвлеченные образцы, на базе которых

строились конструкции определенной семантики в тексте памятника. Исследование синтаксических единиц в единстве их плана выражения (структурной схемы) и содержания (пропозиции), прослеживание процессов структурно-семантического варьирования и трансформации в реализациях выявленных бытийно-пространственных моделей позволит нам составить более полное представление о специфике функционирования языковой системы как средства оформления и выражения мысли в древнейший период.

Новизна работы заключается в том, что метод моделирования синтаксических единиц впервые применяется для изучения синтаксиса церковнославянского памятника, в котором отображен литературный язык восточных славян на самых ранних стадиях его формирования. Кроме того, в фокусе исследования находится синтаксический ярус системы средств выражения пространственных значений, которая до сих пор не получала детального описания в отечественной исторической лингвистике. В работе проводится также сопоставление синтаксических систем древнего памятника и его современных переводов на русский язык.

Теоретическая значимость. Описание синтаксической подсистемы моделей с пространственным значением, репрезентированных в памятнике древнейшего периода, предоставляет богатый материал для исследования синтаксиса русского языка в диахронном аспекте. Кроме того, представленный список синтаксических моделей с пространственным значением составляет существенный вклад в обзор разноуровневых средств выражения пространственных отношений в церковнославянском языке в сравнении с современным русским языком.

Практическая значимость. Сведения, полученные в результате исследования, могут учитываться при составлении словарей церковнославянского языка (в частности, для уточнения сочетаемостных свойств глаголов и значений предлогов), использоваться для выбора наиболее точных соответствий конструкциям бытийно-пространственного блока при переводе памятников древнейшего периода на современный русский язык. Цитируемые в тексте фрагменты могут выступать в качестве иллюстративного материала при изучении грамматического и синтаксического строя в курсе старославянского / церковнославянского языка.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в виде докладов на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс»

(Новосибирский государственный университет, 2012, 2013, 2014 гг.), на Всероссийской Интернет-конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Красноярский государственный педагогический университет, 2012 г.), на научно-практической конференции «Рубежи филологии» (Новосибирский государственный университет, 2013 г.) и на Международной междисциплинарной научной конференции «Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий» (Новосибирский государственный университет, 2014 г.). По теме исследования имеется восемь публикаций, четыре из них – в реферируемых изданиях.

Материалом для исследования послужила выборка элементарных и неэлементарных простых предложений с обязательным локативным компонентом из Троицкого списка «Паренесиса» Ефрема Сирина (сер. XIV в.), включающего в себя сто пять отдельных учительных произведений. Количество рассмотренных в ходе исследования единиц превышает 6300. Отбор материала производился методом сплошной выборки из текста сборника (в качестве источника текста использовались фотокопии, опубликованные на интернет-сайте Троице-Сергиевой Лавры). Перевод контекстов на современный русский язык осуществлялся с опорой на Словарь русского языка XI–XVII вв., «Старославянский словарь» Р. М. Цейтлин, «Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам» И. И. Срезневского. В четвертой главе работы в целях сопоставительного анализа рассматриваются фрагменты из «Творений» Ефрема Сирина – сборника переводов произведений богослова на современном русском языке [Ефрем Сирин 2005].

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по структурному, семантическому и когнитивному синтаксису, а также текстологии и лингвотекстологии: Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, В. В. Виноградова, Г. А. Волохиной, М. В. Всеволодовой, В. Г. Гака, Ф. Данеша, О. Ф. Жолобова, Л. П. Жуковской, Г. А. Золотовой, Т. А. Колосовой, Т. П. Ломтева, И. А. Мельчука, А. Мустайоки, Л. Г. Панина, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, Л. Талми, Л. Теньера, Ч. Филлмора, М. И. Черемисиной, Н. Ю. Шведовой, Е. Н. Ширяева, Т. В. Шмелевой и др. Работа выполнена в рамках теории моделирования структуры и семантики элементарных простых предложений в языках разных систем, разрабатываемой сотрудниками Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Основным **методом**, применявшимся в рамках исследования, является метод моделирования структуры и семантики предложения, позволяющий представить множество фраз (речевых реализаций предложений как языковых единиц) в виде абстрактного образца, объединяющего как структурные, так и семантические свойства данного множества. Помимо этого, в работе использовались методы первичного лингвистического наблюдения, описания, сопоставления, трансформации и количественных подсчетов.

Объем и структура работы. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ПРОСТРАНСТВЕННОГО ТИПА В «ПАРЕНЕСИСА» ЕФРЕМА СИРИНА

1. «Паренесис» Ефрема Сирина как объект лингвистического исследования

1.1. Место памятника в древнерусской литературной традиции и истории формирования литературного языка у восточных славян

Значительный пласт сохранившихся для изучения русских литературных памятников составляют древнейшие рукописные книги XI–XIV вв. – важнейший источник информации о русском языке в его динамике. До нашего времени дошло около 1000 рукописных книг XI–XIV вв., и только немногие из них получили детальное текстологическое и лингвистическое описание в научных трудах. Большая часть древнейших рукописей представляет собой списки с текстов южнославянского происхождения, главным образом религиозной тематики и, в частности, богослужебных. Пробелы в их исследовании объясняются не в последнюю очередь полемикой, которая развернулась вокруг источников такого рода.

Появление и распространение кириллической письменности на Руси связано с принятием христианства в X в. и, соответственно, обслуживанием нужд религиозной сферы жизни. Первыми литературными источниками стали богослужебные книги, перевод которых был осуществлен с греческого языка братьями Кириллом и Мефодием. Исследователи выдвигают ряд гипотез об этнической принадлежности этих книжников, но сходятся на том, что они, по всей вероятности, были билингвами и свободно владели как греческим языком, так и одним из южнославянских диалектов – солунским, который и лег в основу перевода библейских книг для славян. Именно этот «единый общеславянский литературный язык средневековья», который мы находим в текстах, составляющих «обширный фон общих литературных произведений» славян, в сравнительно-исторической лингвистике принято определять как церковнославянский [Лихачев, Пиккио 1967, 1973].

По всем признакам именно церковнославянский язык следует считать первым литературным языком, сложившимся на славянской почве, в том понимании, которое изложено В. В. Виноградовым: «Литературный язык – это общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной» [Виноградов 1978: 288]. Однако по мере распространения христианства и освоения первых литературных памятников в восточнославянском ареале складывалась специфическая языковая ситуация: диалект, на котором был выполнен перевод, будучи близкородственным по отношению к восточному, все же обнаруживал в сравнении с последним существенные системные отличия на всех языковых уровнях. Циркуляцию библейских текстов в православном сообществе обеспечивали писцы при монастырях, копировавшие книги вручную. Несмотря на укрепившееся представление о неприкосновенности священных памятников, стремлении передать их содержание как можно более точно, писцы – как правило, носители восточнославянского диалекта – осознанно и неосознанно вносили в них комплекс изменений на языковом уровне, стараясь сделать текст более доступным для восприятия паствой. Во многом этому способствовало то, что на древнейшем этапе существования литературного языка понятие нормы еще не было осмыслено, и определяющим фактором при построении текста становился узус. В процессе копирования памятников (изначально – с переводов-оригиналов, впоследствии – со вторичных списков) эти изменения накапливались, пока текст не видоизменялся до такой степени, что начинал восприниматься как соответствующий фонетическому и грамматическому строю славянского языка в том варианте, в котором они сложились в данной диалектной подсистеме. Результат такой постепенной трансформации получил название *извода* – разновременного, случайного по отношению к каждому списку памятника, как правило, не нарочитого, отраженного лишь в орфографии рукописи, изменения ее языка (прежде всего фонетики и грамматики) в процессе бытования этого памятника в определенной языковой среде [Жуковская 1969: 18].

Таким образом, в период XI–XIV вв. на территории Древней Руси, наряду с живым, развившимся в процессе устного повседневно-бытового общения населения древнерусским языком, зарождается гибридная

система, которая сочетает в себе черты общеславянского наречия с исконными восточнославянскими особенностями, существует только в письменном варианте и выполняет большую часть функций литературного языка. Вопросы о статусе этих двух языковых систем относительно друг друга и их взаимодействии в диахронном аспекте являются дискуссионным среди лингвистов, занимающихся проблемами исторического развития русского языка. Так, В. М. Истрин рассматривал старославянский язык как финальный этап процесса литературной обработки древнерусского [Истрин 1922]. А. Х. Востоков считал эти два языка близкородственными, но автономными и полагал, что вплоть до Петровской эпохи Русь находилась в состоянии двуязычия. Обратной точки зрения на автономность старославянского языка придерживались А. А. Шишков и П. А. Катенин [Катенин 1981, 1989], определявшие его как функциональный стиль в составе древнерусской языковой системы. К середине XX в. в историческом языкознании стала складываться тенденция к представлению старославянского наречия как принадлежности короткого и малозначимого начального периода становления русского литературного языка, которая уже к концу XI в. была полностью вытеснена древнерусской языковой стихией, быстро проникшей и в письменные формы. Подобный подход мы находим в работах Л. П. Якубинского [Якубинский 1953], С. П. Обнорского [Обнорский 1960], П. Я. Черных [Черных 1950], Ф. П. Филина [Филин 1940, 1981], Д. С. Лихачева [Лихачев 1947, 1962, 1967, 1973, 1975]. Все эти исследователи придерживались мнения, что старославянские памятники являются второстепенным источником для изучения истории русского языка, в отличие от оригинальных древнерусских произведений, поскольку язык богослужения, тяготея к сохранению традиций, оставался постоянным и нечувствительным к изменениям в живой речи. Популяризация идеи о малой значимости того языкового материала, который предоставляют богослужебные памятники, в научной среде сказывалась на направлениях и практических результатах исследований: в частности, церковнославянские источники не использовались при составлении академического издания «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)». Этим же обстоятельством был обусловлен и тот факт, что собственно языковые особенности славяно-книжных источников были исследованы фрагментарно и в недостаточной мере.

Тем не менее, вопреки этим установкам недавнего прошлого, отечественное историческое языкознание у самих своих истоков, как и в

лучших своих достижениях в дальнейшем, опиралось на данные текстов традиционного содержания, которые привлекались в трудах А. Х. Востокова [Востоков 1842, 1843], И. И. Срезневского [Срезневский 1867, 1882а, 1882б], М. Козловского [Козловский 1885], И. В. Ягича [Ягич 1885], Р. Ф. Брандта [Брандт 1892, 1894], А. И. Соболевского [Соболевский 1888, 1897, 1907, 2004], А. А. Шахматова [Шахматов 1908, 1941, 2001, 2002], Н. Н. Дурново [Дурново 1969, 2000], С. П. Обнорского [Обнорский 1967], В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова [Кузнецов 1957, 1958], Г. А. Хабургаева [Хабургаев 1974, 1980, 1990], В. М. Маркова [Марков 1962, 1978], В. В. Колесова [Колесов 1986, 1989, 2009] и др. Постепенно в историческом языкознании снова утвердилось представление, согласно которому церковно-книжные тексты, с одной стороны, являются важнейшим источником сведений о технике древнейших переводов, с другой – содержат ценные свидетельства о живых процессах в самом древнерусском языке, о древнейших диалектных различиях в восточнославянском ареале. Сегодня можно считать доказанным, что древнейшие памятники церковно-книжного жанра являются ценнейшим, а в ряде случаев незаменимым источником для изучения не только литературно-письменных норм, но и норм русского языка в целом. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные и достаточно показательные параллели в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе современного разговорного и диалектного языка, соотносимые с соответствующими особенностями славяно-книжного языка Средневековья [Баранов 2005: 5].

В настоящее время происходит активное текстологическое и лингвистическое изучение богослужебных памятников, а также работа над их переизданием в соответствии с требованиями современной методологии и с применением комплекса усовершенствованных приемов. Одной из четких книг, интерес к которой существенно возрос вследствие выхода нового издания, является и объект нашего исследования – «Паренесис» Ефрема Сирина.

Ефрем Сирин – один из наиболее известных и влиятельных христианских богословов, поэт и оратор – жил в Месопотамии в IV в. н.э. Обширное образование, включавшее в себя знакомство с трудами как древнегреческих, так и христианских философов, мифологией, начатками естествознания и этнографии, а также талант к образному, риторическому изложению позволили ему оставить свой след во многих литературных жанрах. Наследие Ефрема Сирина составляют многочисленные

поэтические и прозаические сочинения – молитвы, стихотворения, проповеди, гимны, поучения. Определить точное их количество проблематично, так как из-за большой популярности богослова писцы, в соответствии со сложившейся традицией, нередко приписывали ему авторство анонимных сочинений. Уже при жизни Ефрема Сирина некоторые его произведения были переведены на греческий и армянский языки; впоследствии именно эти версии текстов стали основой для латинских и славянских переводов.

В Древней Руси наследие Ефрема Сирина было известно, прежде всего, по сборнику учительных слов – «Паренесису», который был переведен на церковнославянский язык с греческого приблизительно в X–XI вв. Памятник включает в себя прозаические произведения жанра поучения, обращенные к монашеству. Точное их число варьируется в сохранившихся списках: по преимуществу рукописи содержат около ста отдельных произведений, однако встречаются и сборники расширенного состава (105, 112 поучений). Большая часть сочинений определяется текстологами как подлинно принадлежащая Ефрему Сирину, однако отдельные слова, по всей видимости, следует рассматривать как вариации его наиболее популярных поучений или поздние попытки подражания анонимных авторов. Так как среди греческих памятников не было обнаружено учительного сборника аналогичного состава, следует заключить, что «Паренесис» имеет компилятивный характер, что не является редкостью для славянских рукописей древнейшего периода [Огрен 1989, 1991].

«Паренесис» получил широкое распространение в Древней Руси уже в XI в., преодолев границы предполагавшейся автором целевой аудитории. О. Ф. Жолобов отмечает, что древнейший из сохранившихся, Погодинский, список «Паренесиса» Ефрема Сирина был сделан мирянами, хотя «наказания» Ефрема Сирина предназначались монашествующим, и в них очень сильны были аскетические, мистические и эсхатологические мотивы. Причину этого автор усматривает в том, что в культуре, с которой был связан данный источник, не делалось различий между духовным наставлением монашества и религиозным воспитанием паствы, живущей в миру [Жолобов 2005]. На это указывает и то, что изначально рукопись создавалась, согласно записи, по заказу Петра, тиуна князя Владимира Васильковича, для своего сына Лаврентия, начавшего учиться книгам, т. е. для дидактического применения в мирской среде. «Паренесис» считается

одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях.

Выразительным свидетельством того, насколько органически «Паренесис» вошел в корпус старославянских прецедентных текстов, является то, что в оригинальной древнерусской литературе обнаруживаются активные процессы заимствования и многочисленные интертекстуальные отзвуки. Свойственный русской культуре немеханический, творческий, трансформирующий тип заимствования прослеживается уже в наиболее ранних произведениях, свидетельствуя о повышенном внимании к предоставленным памятником литературным образцам. Для древнерусских писателей он стал источником словесных образов и композиционных приемов, которые они не просто использовали, но и перерабатывали – в соответствии с духом творческого заимствования, свойственного уже самым ранним образцам славянской литературы (см. [Жолобов 2007: 31–33]). Видоизмененные фрагменты из «Паренесиса» входят в состав древнерусского «Сказания о Борисе и Глебе», датирующегося второй половиной XI в. Один из сюжетов «Паренесиса» нашел продолжение в религиозной истории и литературе Древней Руси, оказав влияние на такое известное произведение древнерусской книжности, как «Житие Авраамия Смоленского», содержащее разного рода текстовые переклички с «Повестью о святом Авраамии», входящей в состав «Паренесиса». Многие сочинения из «Паренесиса» в полном или переработанном виде вошли в «Измарагд» и в «Пролог»; сюжеты и идеи памятника нашли отражение и в тексте «Палеи Толковой» [Успенский 1876: 75]. И. Гошев отмечает также их влияние в «Прогласе к Евангелию» и других древнеболгарских памятниках [Гошев 1933, 1956]. Особенно популярны были слова эсхатологического содержания, отразившиеся в древнерусских сочинениях и духовных стихах [Сахаров 1879]. Приведенные случаи текстового взаимодействия показывают, что древнерусские книжники были хорошо знакомы с содержанием сборника и воспринимали его как авторитетный текст, подлежащий воспроизведению.

Влияние памятника не ограничивалось только духовно-нравственной сферой и литературной традицией. Тексты подобного рода были проводниками старославянского влияния на русскую литературную норму, являясь в то же время документальным свидетельством динамических изменений на всех уровнях языковой системы древнерусского языка. Как авторитетные книжные источники, они, кроме того, оказывали определенное стабилизирующее влияние на употребление и распределение

вариантных форм, которые были широко распространены в древнерусской письменности.

Тексты учительной литературы особенно показательны в этом отношении, так как «именно [учительные] источники... наиболее разнообразны по лексическому составу, а также менее, чем богослужебные памятники, скованы неизменным следованием письменной традиции» [Жолобов 2005]. Четких книг уцелело немного, и они представляют для палеорусистики особый интерес, предоставляя богатый материал по изучению исходного состояния древнерусской языковой системы и начального этапа в развитии книжно-литературной нормы.

Таким образом, мы можем утверждать, что списки рассматриваемого нами памятника – ценный источник разнообразной историко-лингвистической информации. В следующем параграфе нашей целью будет проследить динамику лингвотекстологического и собственно лингвистического исследования текста в отечественной науке, а также, обобщив информацию о проделанной работе, сделать выводы о степени изученности различных ярусов языковой системы в рассматриваемом нами списке.

1.2. История изучения «Паренесиса» в отечественной исторической лингвистике

Рукопись «Паренесиса» Ефрема Сирина была открыта И. И. Срезневским, который на основе данных записи, оставленной писцом, датировал ее временем не ранее 1269 и не позднее 1288 гг. [Срезневский 1867: 39–40; 1882: 212]. Исследователь установил, что так называемый «Македонский глаголический листок» является фрагментом из «Паренесиса»: в нем содержится заключительная часть одного и начало другого слова из сборника поучений Ефрема Сирина. Сравнение «Македонского листка» с древнерусскими списками книги позволило И. И. Срезневскому сделать вывод, который получил подтверждение и развитие в работах современных исследователей славянского «Паренесиса»: «Как бы то ни было, очевидно, что Ефрем Сирин был известен глаголитам вместе с Иоанном Златоустым и Епифанием Кипрским. Тому же, кто вникает в разницу между изводом Кирилловским и глаголическим, не может не быть очевидным, что оба извода суть списки одного и того же перевода, отличающиеся правописанием, описками переписчиков и очень немногими словами» [Срезневский 1867: 56].

А. И. Соболевский в «Очерках по истории русского языка» продолжил изучение памятника, составив краткий обзор палеографических особенностей одного из ранних списков в ряду других памятников галицко-волинского региона. Интерес автора к языковым особенностям памятника ограничивался выявлением круга диалектных фонетических черт для дальнейшей разработки сопоставительного аспекта. Большое внимание было уделено датировке. Предложенная А. И. Соболевским датировка относилась рукопись к 1492 г. Анализ памятника сопровождается публикацией данной записи и нескольких листов рукописи [Соболевский 1888: 50–58; 240–241].

Текст рукописи Погодинского списка был положен в основу «Паренесиса», изданного в Германии Г. Бойковским и Р. Айтцетмюллером (1984–1988 гг.), что вызвало большой интерес к этому памятнику. В следующие десятилетия вышел ряд работ, посвященных вопросам как текстологии, так и лексического состава рукописи [Огрен 1989, 1991; Voss 1994, 1995, 1997, 2001; Макариоска 2004]. Однако вследствие эволюции принципов лингвистической обработки древних текстов издание вскоре стало подвергаться критике; одним из наиболее весомых аргументов в пользу неадекватной передачи текста было то, что издатели использовали редакцию греческого текста, не соответствующую выбранной старославянской рукописи [Огрен 1989, 1991; Жолобов 2005].

Новый этап в текстологическом и научно-лингвистическом исследовании списков ознаменовало широкое применение электронно-компьютерных технологий. Списки «Паренесиса» вошли в число рукописей, цифровые фотокопии которых были выбраны для размещения в открытом доступе на сайте Троице-Сергиевой Лавры. О. Ф. Жолобов отмечает, что публикация рукописей в необработанном виде стала важным событием как для культурной, так и научной сферы жизни. «Публикация цифровых копий позволяет решить сразу три важные задачи. Во-первых, являясь весьма точной передачей оригинала, она создает новые возможности его хранения и воспроизведения; во-вторых, обеспечивает широкий доступ к памятнику, благодаря возможностям цифрового копирования и интернет-технологиям; в-третьих, при плохой сохранности каких-то фрагментов рукописи, фотокопия позволяет прибегнуть к цифровому увеличению и более детальному просмотру» [Жолобов 2008]. Впоследствии в рамках проекта РГНФ №05-04-04292а электронные фотокопии послужили материалом для создания наборной версии ряда сохранившихся древнерусских списков «Паренесиса», многие из которых

ранее не публиковались в текстовом формате. Разработчики проекта ввели некоторые технические возможности, способствующие глубокому, многоаспектному изучению текстов, как, например, указатели словоформ. На базе современного издания активно осуществляется описание языковых особенностей памятника [Жолобов 2005, 2006; Москалева 2005, 2006а, 2006б; Новак 2005, 2006а, 2006б].

В настоящее время выявлено несколько сохранившихся древнерусских списков «Паренесиса», преимущественно относящихся к позднему периоду существования древнерусской литературы и известных под следующими условными названиями:

- РНБ, Пог. 71а (Погодинский список);
- РГАДА, Тип. 38 (Типографский список);
- БАН 31.7.2 (Академический список);
- РГАДА, Син. 38 - ЕфрСир XIII/XIV2;
- РНБ, Ф. п. I. 45 (XIV в.);
- РГБ, Тр. 7 (Троицкий список).

Текстологи приходят к выводу, что древнейшим из них является Погодинский список, который, вследствие своей близости к оригинальному переводу и диалектной природе, до сих пор привлекает внимание исследователей в большей степени, чем прочие варианты текста. Остальные списки изучены скорее фрагментарно и преимущественно в лингвотекстологическом сопоставлении друг с другом. Научные труды, в которых подробно освещались бы лексические, морфологические или синтаксические особенности той или иной рукописи, пока что немногочисленны. В частности, язык Троицкого списка, выбранного нами в качестве объекта исследования как одного из наиболее полных, рассматривается только в нескольких работах. О. Ф. Жолобов, проводя описание древнейших списков в сопоставительном аспекте, анализирует особенности выражения видовременных значений в тексте рукописи, а также выделяет в нем диалектные черты на разных языковых уровнях. Работа Е. И. Аюповой посвящена тем приемам, к которым прибегали переводчики для передачи семантики синтаксических конструкций, структурных аналогов которых не было в древнерусском языке [Аюпова 2007]. Лингвисты же прошлого века рассматривают Троицкий список «Паренесиса» преимущественно как текстологический объект, сосредотачиваясь на проблемах его датировки и географической атрибуции [Вздорнов 1980].

На основе представленного обзора мы должны заключить, что, несмотря на уникальность «Паренесиса» как авторитетного, широко распространенного памятника древнейшего периода, который, отображая сложившиеся традиции языкового употребления, способствовал их кодификации и, кроме того, привносил в узус новые элементы, сборник на сегодняшний день остается слабо изученным с лингвистической точки зрения. Детальный анализ представленных в нем особенностей фонетического, морфологического и синтаксического строя не только позволит получить более глубокое представление о синхронном состоянии языковой системы, но также предоставит возможность проследить преемственность между современным русским литературным языком и его древнейшим предтечей, возникшем при столкновении двух языковых стихий.

Целью данной работы мы полагаем изучение конкретного среза синтаксиса памятника в сопоставительном аспекте – выявление круга структур, регулярно выражающих пространственную семантику, описание разновидностей пространственного значения для каждой из них и, наконец, фиксирование наиболее характерных типов семантических трансформаций. При выполнении поставленных задач мы будем опираться на комплекс понятий, разработанный в рамках теории моделирования простого предложения, история развития и основные положения которой изложены в следующей главе.

2. Принципы моделирования структуры и семантики предложения

2.1. Предложение как двусторонняя языковая единица

Вторая половина XX в. отмечена растущим интересом к синтаксическому уровню языка в отечественной и зарубежной лингвистике: существенно расширяется проблемное поле дисциплины, зарождаются новые направления, призванные разрешить вопросы, которые ранее рассматривались как принадлежность других сфер научного знания, радикально меняется сам подход к исследованию синтаксических единиц. Именно в этот период синтаксис впервые рассматривается как полноценный ярус языковой системы, единицы которого представляют собой двусторонние сущности – знаки.

Представление о маркированности синтаксического уровня, его центральном месте в системе сложилось уже на рубеже XIX-XX вв.: «В нашей умственной жизни и деятельности наибольшая и важнейшая часть процессов речи-мысли принимает форму предложения» [Овсяннико-Куликовский 1902: 4]; «В языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений... из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления. Задачей синтаксиса является изучение... предложения, т. е. словесного выражения единицы мышления» [Шахматов 1941: 17]. Уникальная для предложения коммуникативная функция, а также тот факт, что оно является не регулярно воспроизводимым элементом, но речевым построением, обособили его от прочих языковых единиц и долгое время являлись причиной некоторой односторонности в его исследовании.

Прежде всего, это выражалось в выделении на синтаксическом уровне только речевых, но не языковых единиц. Эта точка зрения находила отражение в трудах многих лингвистов еще в середине XX в.: «Предложение – «это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [Шахматов 1941]; «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1955]. Подобный подход входил в противоречие с выдвинутым Ф. де Соссюром фундаментальным тезисом о взаимосвязи речи и языка, согласно которому

язык предстает как инвентарь, используемый для производства речевых единиц: речевые явления представляют собой частные реализации абстрактных языковых сущностей, которые могут объединять множество однотипных структурных вариантов.

Однако во второй половине XX в. представления об актуальной природе синтаксических единиц подвергаются критике. Одним из первых сделал попытку осмыслить сущность языковых абстракций синтаксического уровня А. И. Смирницкий: «В предложениях мы находим известные формулы строения, которые являются определенными единицами языка – в отличие от предложений во всей их конкретности и цельности» [Смирницкий 1957: 14]. Автор выделял предложения среди прочих языковых единиц, как наиболее содержательные в отношении языкового материала, и считал одной из приоритетных задач лингвистического изучения извлечение из них единиц самого языка и дальнейшего анализа взаимодействия между языковыми формулами и их речевыми реализациями в процессе вербального общения.

Т. П. Ломтев развивает эту точку зрения, определяя соотношение языковых и речевых единиц следующим образом: «Язык и речь – не разные явления, а разные стороны одного явления: все языковые единицы одной стороной принадлежат к языку, другой – к речи... единицами языка являются не только слова и их формы, но и свободные словосочетания и предложения. В словосочетаниях и предложениях имеется не только то, что всякий раз производится заново, но и то, что во всяком акте общения воспроизводится – это модели предложения» [Ломтев 1979: 7]. Таким образом, постепенно в отечественной лингвистике изживает себя представление о произвольности и автономности речевых построений, невозможности выделить из них непрагматический компонент, относящийся к языковой системе. Окончательному терминологическому разграничению абстрактных единиц и их актуальных реализаций способствовало введение понятия «высказывание» для обозначения речевых единиц: «Высказывание – элементарная синтаксическая единица, которая находит свою реализацию в речи, в акте коммуникации» [Русская грамматика 1979: 668].

Другой особенностью подхода ранних синтаксических учений к изучению единиц данного уровня была тенденция к ограничению его описанием формальной структуры предложения в отрыве от предаваемого значения. Смысловое наполнение синтаксических единиц мыслилось как нечто не подлежащее исследованию в рамках лингвистических дисциплин,

как принадлежность логики и психологии: «Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения. Грамматика изучает лишь структуру предложения, типические формы предложений, присущие тому или иному общенародному языку в его историческом развитии» [Виноградов 1955]. Таким образом, проблематика синтаксиса фактически сводилась к узкому кругу вопросов, связанных с особенностями плана выражения разноструктурных предложений. Между тем такого рода изолированное исследование двух сторон единого знака не может учитывать их глубинную связь и взаимообусловленность и едва ли может считаться исчерпывающим: «Языковой знак есть двусторонняя психическая сущность... Оба эти элемента теснейшим образом между собою связаны и друг друга притягивают» [Соссюр 1998: 98].

Преодоление этой тенденции в отечественной лингвистике было связано с введением понятия модели предложения как двусторонней единицы языка, имеющей план выражения (означающее, структурную схему) и план содержания (означаемое, пропозицию). Впервые оно появляется в уже упоминавшемся труде Т. П. Ломтева: «Модель предложения – это образец, по которому строится не одно данное предложение, а множество различных предложений. Модель предложения обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется определенный характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов» [Ломтев 1969: 68]. Введение исследователем понятия модели предложения позволило свести многообразие конкретных предложений в речевой действительности к ограниченному набору типовых образцов. Сущность этих типовых образцов, как единства синтаксической структуры определенного типа и денотата, в качестве которого выступают события, ситуации, факты объективной действительности, а также правила их организации и функционирования в системе стали предметом изучения синтаксиса на современном этапе его развития.

Таким образом, в 60-е годы XX в. становится очевидной необходимость определить содержательную сторону единиц синтаксического уровня в лингвистических терминах. На современном этапе развития дисциплины эту задачу нельзя считать до конца решенной, так как предложение представляет собой комплексное, многоаспектное образование, в содержании которого сложнейшим образом сочетаются характеристики экстралингвистической действительности, ее отражение в сознании человека в виде концептуальных структур, коммуникативные

установки участников общения, а также особенности самого языка. Однако в трудах лингвистов следующих десятилетий был разработан системный подход к описанию плана содержания единиц данного уровня. Идеи, высказанные Т. П. Ломтевым, стали базисом для трех основных подходов к теории моделирования простого предложения в отечественной лингвистике – структурного, семантического и комплексного.

2.2. Развитие теории моделирования в трудах отечественных лингвистов

Структурный подход подразумевает, что все определяющие дифференциальные признаки, на основании которых должны выделяться и разграничиваться синтаксические модели, сосредоточены в плане выражения языковых единиц. Такое понимание моделирования лежит в основе субъектно-предикатной теории, разработанной Н. Ю. Шведовой и наиболее полно изложенной в «Русской грамматике» 1979 г., а также в трудах В. А. Белошапковой.

Определяя объем минимальной структурной схемы предложения, Н. Ю. Шведова оперирует понятием грамматической достаточности: показатели предикативности (компоненты, образующие предикативный минимум предложения и, соответственно, необходимые для его сохранения его целостности как грамматического единства) она противопоставляет непредикативным распространителям, которые выводятся за границы элементарной структуры, вне зависимости от их роли в формировании семантически и коммуникативно полноценной синтаксической единицы. Автор придерживается мнения, что грамматический и семантический аспекты при анализе предложения должны последовательно разграничиваться: каждый из них имеет свои собственные категории и свои минимальные образцы, так как элементарные категории семантической структуры предложения не совпадают с категориями его грамматической структуры и не всегда на них накладываются [Шведова 1973: 30]. Обобщение всего разнообразия языкового материала в закрытом списке образцов возможно только при абстрагировании от всего того, что не существенно для предложения как предикативной единицы, в частности от семантических свойств и синтагматических особенностей входящих в него компонентов.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970 г.) Н. Ю. Шведова представила список структурных схем

предложений, состоящий из 37 единиц. Выделение схем производилось с опорой на следующий комплекс дифференциальных признаков:

- 1) формальной организации, т. е. определенным образом соположенных словесных компонентов – форм слов тех или иных категорий;
- 2) отношения, возникающего между этими компонентами (при наличии более чем одного компонента);
- 3) грамматического значения, присущего схеме предложения как абстрактной языковой единице (предикативности);
- 4) системы форм (парадигме);
- 5) непарадигматических модификационных свойств [Шведова 1973: 29].

За следующее десятилетие формальный подход, разработанный Н. Ю. Шведовой, неоднократно подвергался критике как в своих практических результатах, так и в теоретических предпосылках. Так, Т. П. Ломтев отмечает, что при подобном упрощенном понимании «структура предложения не отображает структуры означаемого, то есть структуры высказывания» [Ломтев 1969: 57]. И. П. Распопов оспаривает тезис о факультативности всех распространителей предикативного ядра, утверждая, что «структурной схемой предложения является структура, обладающая не только грамматической, но и информативной достаточностью». Во многих случаях для нее оказывается необходимо присутствие второстепенных компонентов, «информативно облигаторных» в составе структурной схемы [Распопов 1976: 65].

С. И. Кокорина поддерживает принципы выделения структурных схем Н. Ю. Шведовой, применяющиеся для создания базового, «легко обозримого списка» [Кокорина 1975: 75], и разделяет мнение автора о том, что валентностные характеристики слова не должны рассматриваться как принадлежность того же уровня синтаксиса, что и строение предложения, так как попытка включить присловные связи в состав структурных схем сделает исчерпывающее описание последних практически невозможным, [Шведова 1973: 29]. Однако И. П. Распопов характеризует список элементарных структурных схем, представленный в «Грамматике», как не соответствующий лингвистической действительности, излишне морфологизированный и не учитывающей специфики синтаксического яруса языковой системы. Исследователь усматривает причину его оторванности от языковой действительности именно в отказе автора от проработки вопроса об облигаторности тех или иных элементов структуры

и связанных лексико-грамматических особенностей репрезентации сказуемого [Распопов 1976: 66].

Критика положений структурного подхода к моделированию была учтена в концепции другого представителя формального направления – В. А. Белошапковой. Сохраняя представление о субъектно-предикатном грамматическом минимуме как ключевом элементе структурной схемы, она в то же время обращает внимание и на смысловую целостность предложения как номинативной единицы. Структурная схема трактуется в ее трудах более широко – как «отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [Белошапкова 1997: 717]. Терминологическая система выстраивается в соответствии с идеей о равной значимости структурных и семантических факторов для определения объема синтаксической единицы: помимо минимальных В. А. Белошапкова выделяет также и расширенные структурные схемы. Расширенная схема включает в свой состав минимальную структуру (предикативный минимум предложения) и конструктивные компоненты, дополняющие семантическую структуру предложения до информативной достаточности. Таким образом, между минимальной и расширенной структурными схемами устанавливается отношения включения [Белошапкова 1997: 735]. При этом автор подчеркивает, что предикативный и номинативный минимумы предложения часто оказываются не тождественными по составу. Так, минимальная структурная схема может включать, помимо предикативного ядра, лексемы-распространители нескольких разновидностей:

- субстантивный компонент с субъектным значением;
- субстантивный компонент с объектным значением;
- адвербиальный компонент [Современный русский язык 1989: 636–639].

Как подчеркивает З. Д. Попова, именно расширенные структурные схемы В. А. Белошапкова определила как специфический объект исследования семантического синтаксиса, не выделявшийся лингвистами ранее. Минимальные же структурные схемы, с точки зрения автора, получили достаточное освещение в рамках формального подхода [Попова 2001: 220].

В этом заключается принципиальное различие между концепциями Н. Ю. Шведовой и В. А. Белошапковой. Если с позиций субъектно-предикатной теории элементарная структура может быть однокомпонентной (т. е. состоящей только из субъекта или предиката:

Зима! Вечерело) или двухкомпонентной (т. е. состоящей из субъекта и предиката: *Грачи прилетели, Мы вернулись домой, Ученики получили табели*), а все остальные члены предложения остаются за рамками отвлеченного языкового образца, то при расширительном понимании структурной схемы предложения типа *Мы вернулись домой, Ученики получили табели* рассматриваются как нераспространенные элементарные структуры: все члены, включая второстепенные, необходимы в них для информационной полноты высказывания.

В «Русской грамматике», изданной в Праге в 1979 г., структурный подход к моделированию простого предложения получает дальнейшее развитие. В классификации элементарных структур базовым признаком впервые становится синтаксический потенциал глагола-предиката. Прочие же члены рассматриваются как окружение, необходимое для его реализации. Их число может варьироваться в зависимости от семантики предиката: некоторые глаголы обладают нулевой валентностью (*Моросит*), другие требуют при себе наличия одного (*Он заболел*), двух (*Мы закончили работу*) или трех (*Товарищ вернул мне книгу*) распространителей [Русская грамматика 1979: 670–671]. При таком подходе посредством введения объективного, систематичного критерия разрешается поставленный И. П. Распоповым вопрос об определении и отграничении облигаторных распространителей. Впервые лексико-грамматические свойства одного из компонентов конструкции признаются определяющими для ее состава и структуры, в противоположность принципу отвлечения от частных значений компонентов, выдвинутому Н. Ю. Шведовой в рамках субъектно-предикатной теории.

То, что ключевая роль в формировании синтаксической единицы отводится именно глаголу-предикату, не случайно: представление о центральном месте глагола в предложении было отчетливо сформулировано Л. Теньером [Теньер 1988] и, получив широкое распространение в семантическом синтаксисе, легло в основу целого ряда концепций. Так, Ю. Д. Апресян [Апресян 1965; 1967], отмечая регулярную двустороннюю зависимость между семантическими и синтаксическими свойствами языковых единиц, применял эту установку для описания семантики русских глаголов через их синтаксические свойства. Результатом исследования является иерархическая система «идеальных фраз», представленная в словаре русских глаголов, содержащем 1410 словарных статей (по числу исследованных глаголов), которая

выстраивалась с опорой на ряд дистрибутивных и трансформационных глагольных признаков.

Другие лингвисты (например, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Л. Г. Бабенко), выделяя синтаксические модели, в большей степени учитывают содержание, а не форму предложения. Так, в ином преломлении идеи вербоцентрической теории прослеживаются в трудах Л. Г. Бабенко [Бабенко 1997], которая определяет синтаксическую модель как развернутую структуру типового содержания, состоящую из компонентов, типовые отношения между которыми складываются в систему с внутренней иерархией. В качестве вершины этой иерархии автор называет предикат, по отношению к которому прочие актанты занимают подчиненную, второстепенную позицию [ЭСС 2002]. Выделение классов моделей, описание мотивационных отношений между ними и построение синтаксических парадигм происходит по признаку принадлежности глагола-предиката к той или иной ЛСГ. Так, автор разделяет базовые семантические модели, представленные лексическими вариантами, опирающимися на семную структуру глаголов и согласующимися с ними именами в актантных позициях, и различные типы вторичных моделей, которые в зависимости от лексического значения глагола и особенностей его актуализации в контексте могут быть вариантными, совмещенными или образными. Таким образом, на первый план выходит семантическая составляющая синтаксической единицы, которая отождествляется с лексическим значением глагола-предиката. Полный отказ от систематизации структурных разновидностей и недостаточное разделение лексического и синтаксического уровней при описании классов моделей составляют специфику данной концепции.

Однако в большинстве своем приверженцы семантического подхода к моделированию простого предложения придерживались менее радикальной точки зрения на значимость структурных факторов. К примеру, Г. А. Золотова определяет модель как минимальное достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующих коммуникативные единицы с определенным типовым значением, живой образец, готовый к употреблению и наблюдаемый в употреблении, но взятый в своем существенном, т. е. предикативном, и в типическом значении [Золотова 1973: 124]. Подобное определение строится на сочетании семантических характеристик с особенностями формальной организации. В соответствии с этим, разбивая существующие в русском языке предложения на классы, Г. А. Золотова соотносит каждый из

представленных структурных типов с определенным типовым значением, которое некоторым образом объясняет количество компонентов:

1) однокомпонентные модели служат для выражения общего значения наличия, существования предмета, явления, времени, места, бессубъектного состояния среды, для чего достаточно одного компонента, непосредственно отнесенного к действительности;

2) общее значение двухкомпонентной модели – «предмет + его признак» в самом широком смысле (действие, состояние, качество и т. д.);

3) трехкомпонентные модели передают общее значение отношения одного предмета к другому при наличии трех компонентов в составе структурной схемы.

Применение дифференциальных признаков двух типов позволяет автору представить взаимосвязь плана выражения и плана содержания синтаксической единицы: варьирование количества обязательных компонентов определяется структурой передаваемой ситуации. Вместе с тем классификация моделей Г. А. Золотовой, как подчеркивает сам автор, строится на высоком уровне обобщения: формальное устройство предложения характеризуется только в самых общих чертах, внутреннее членение типового значения класса моделей получает более детальное освещение, но все же представлено довольно схематично.

Изложенные нами концепции отечественных лингвистов демонстрируют, как в полемике и диалоге идей происходило развитие теории моделирования в синтаксисе. От ранних концепций, в которых, в продолжение традиций формального синтаксиса, рассматривается преимущественно структурная организация предложения в отрыве от его смыслового наполнения и коммуникативной полноценности, впоследствии происходит постепенный переход к пониманию синтаксической единицы как семантической сущности. Однако для всех описанных теорий были свойственны, во-первых, недостаточно сбалансированное описание синтаксических единиц – либо преимущественно в структурном, либо только в семантическом аспекте, во-вторых, несистематический подход к описанию типового значения структур. Эти пробелы были восполнены при комплексном подходе к моделированию простого предложения, получившему отражение в трудах представителей новосибирской синтаксической школы, сформировавшейся в конце 80-х гг. прошлого века – М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой, Н. Б. Кошкаревой, Е. К. Скрибник, И. А. Невской, Н. Ч. Серээдар и др. Основные положения этой теории мы сформулируем в следующем параграфе.

2.3. Разработка понятия *пропозиция* в отечественной лингвистике

При комплексном подходе к синтаксическим выражениям понятийный аппарат строится на базе двух фундаментальных дихотомий, которые охватывают все явления языка.

Во-первых, исследователями последовательно разграничиваются единицы языка и речи – элементарное простое предложение и высказывание соответственно. Под высказыванием понимается элементарная синтаксическая единица, которая находит свою реализацию в речи, в акте коммуникации [Русская грамматика 1979: 668]. Элементарное простое предложение (в дальнейшем ЭПП) определяется как «такое простое предложение, которое состоит только из предиката, “верховного” члена предложения, и непосредственно подчиненного ему необходимого “предметно-субстантивного окружения” – актантов и локализаторов» [Черемисина, Скрибник, Сэрээдар 1996: 6]. Отметим, что ключевым для данного понятия признаком, отграничивающим его от общепринятой идеи простого предложения, является не столько минималистичность структуры, отсутствие распространяющих ее факультативных компонентов, сколько смысловая соотнесенность лишь с одной референтной ситуацией. Так, предложение *Прошлым летом мы ездили на море*, с точки зрения большинства исследователей, может считаться элементарным, несмотря на наличие временного детерминанта, который не входит в число облигаторных членов, но нераспространенное предложение *Поездка была удачной* обладает неэлементарной семантикой, объединяющей в себе две отдельные ситуации: *Мы ездили куда-то + Это было удачно*.

ЭПП является центральной единицей языковой системы. Все «неэлементарные» предложения имеют в своей основе ЭПП. Все «допредложенческие» синтаксические формы, в частности словосочетания, вычлениваются из ЭПП или из объединений ЭПП (например, группы однородных членов). Все синтаксические формы, более крупные, чем ЭПП, представляют собой продукт объединения двух и более ЭПП, подвергающихся при этом различным процессам редукционного типа. Например, ЭПП с адъективным предикатом редуцируется в непредикативное определение, ЭПП локализации – в обстоятельство места. Формула, метаязыковой знак, отображающий ЭПП как единицу языка, называется «моделью» [Черемисина, Скрибник 1996: 46].

Так как для нас представляет интерес не только использование типовых синтаксических образцов в их каноническом виде, но и те нарушения баланса между планом выражения и планом содержания, которые происходят в потоке письменной речи, мы в своем исследовании, не ограничиваясь элементарными реализациями моделей, также будем обращаться к неэлементарным простым предложениям. Последние исключены из анализа в большинстве работ, посвященных теории моделирования, так как в противоположность ЭПП не являются языковыми единицами. Чтобы обеспечить максимальный охват языковых явлений в описании, мы будем пользоваться более универсальным понятием типовой синтаксической структуры (в дальнейшем ТСС) – устойчивого синтаксического построения с прототипическим значением, своеобразного «синтаксического примитива» – базовой простейшей конструкции [Кошкарева 2007: 5].

Как и все прочие единицы высших уровней языка, ЭПП обладает знаковой природой, сочетая в себе план выражения и план содержания. Соответственно, под моделью ЭПП понимается «формула, отображающая предложение как двустороннюю синтаксическую сущность», которая «представляет собой единство структурной схемы, фиксирующей важнейшие характеристики формальной структуры предложений данного типа, и обобщенной пропозиции, отражающей тип описываемого события (т. е. внутреннюю, содержательную сторону этих предложений)» [Черемисина, Озонова 2005: 41]. Структурная схема – план выражения модели ЭПП – включает в себя все обязательные компоненты предложения. Традиционно для ее записи в работах синтаксистов используется набор условных символов, соответствующих частям речи (N – показатель имени, V – глагола и т. д.), в сочетании с дескрипторами верхнего и нижнего индекса. Дескрипторы нижнего индекса фиксируют грамматические значения (финитные и инфинитные формы глаголов – V_f , V_{inf} , сокращенные латинские наименования падежей N_{Nom} – для именительного, N_{Gen} – родительного и т. д.). Дескрипторы верхнего индекса необходимы для указания семантических ролей слов (N^{Ag} – имя в функции агенса, N^{Obj} – имя в функции объекта).

В своем базовом виде синтаксическая единица представляет собой субъектно-предикатную структуру, в которой предикативное значение как совокупность категорий модальности, темпоральности и персональности выражено во всей полноте глаголом или связочным элементом, а вся информация об участниках и обстоятельствах ситуации актуализирована

при помощи непредикатных компонентов предложения. Однако план содержания ЭПП может видоизменяться вследствие редукции. Под редукцией мы понимаем процесс преобразования ЭПП, обусловленный его вхождением в состав более сложной синтаксической единицы, а также и сам результат этого процесса [Колосова, Черемисина 1986: 15]. Непредикативные конструкции не самостоятельны: они не формируют законченного высказывания и не выражают всех предикативных категорий, однако степень грамматической и смысловой недостаточности определяется тем, какой способ свертывания был применен:

– предикатная номинализация, или редукция до «полусвернутых» инфинитных (причастных или деепричастных) конструкций, которые сохраняют способность частично передавать предикативное значение [Арутюнова 2000; Золотова 2000; Прияткина 1991];

– непредикатная номинализация – «механизм преобразования предикатных структур в именные» [Арутюнова 1980: 347]. Ее продуктом становятся так называемые «свернутые» конструкции – существительные-девербативы или деадъективы;

– В.А. Белошапкова предлагает причислять к способам свертывания также и прономинализацию – максимальную редукцию структуры до указательного местоимения, отсылающего к раннее описанной ситуации [Современный русский язык 1999: 693].

Планом содержания ЭПП является пропозиция – языковое отображение определенного типа событий, ситуаций, «положения дел», «один и тот же абстрактный инвариантный синтаксический смысл, общий для фраз, которые могут иметь совершенно разные конкретные смыслы» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 56]. Аналогичное определение пропозиции дает и Н. Д. Арутюнова: «Пропозиция – семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [Арутюнова 1990: 401]. Подобный подход к определению плана содержания предполагает следующее:

1) события действительности получают выражение в речи опосредованно, определяясь средствами ограниченного инвентаря семантических структур, соответствующих типовым ситуациям. Такая концепция значения предложения получила название денотативной, или референтной. Она ставит своей целью изучение того аспекта предложения (семантического, номинативного, денотативного или когнитивного, согласно различным терминологическим системам) уровня референции, в

котором отражена структура ситуации. Альтернативным, менее распространенным подходом, является подход, представленный в трудах таких лингвистов, как В. Г. Гак [Гак 1973], В. С. Храковский [Храковский 1998], Г. В. Валимова [Валимова 1967], В. А. Белошапкова. С их точки зрения между экстралингвистическим положением дел и языковой единицей существует прямая связь: референтом высказывания является ситуация реальной действительности, иначе говоря, совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент произнесения, которые обуславливают в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [Гак 1973: 358];

2) допускается возможность варьирования предложения в определенных пределах при условии, что связь формальной организации и типовой семантики не нарушается. Парадигматический аспект выступает на первый план в определении, которое дают пропозиции Т. А. Колосова и М. И. Черемисина: «Пропозиция – это класс семантических объектов, десигнатов, соотнесенных в плане выражения с элементарным предложением, его редукциями и номинализациями, которые могут быть предикативными и непредикативными» [Колосова, Черемисина 1986: 14].

По наблюдению Т. В. Шмелевой, введение в научный оборот понятия «пропозиция» позволяет вычленить в информационном поле предложения несколько смысловых слоев:

1) собственно пропозиитивный, описывающий собственно событие – ту экстралингвистическую ситуацию, которая была положена в основу ЭПП;

2) внутрипропозиитивный, отражающий структуру пропозиции, т. е. отношения, которые устанавливаются между предикатом и компонентами структуры, представляющими участников или обстоятельства ситуации;

3) припропозиитивный, заключающий в себе круг смыслов, внешних по отношению к пропозиции, но связанных с ней, обслуживающих ее. Этот набор смыслов составляют значения фазисности, интенсивности, количественности и негации, которые могут относиться как к пропозиции в целом, так и к отдельным ее элементам [Шмелева 1988: 9].

Внутрипропозиитивный слой, по сути, отображает внутреннюю организацию пропозиции и определяется числом и характером составляющих ее компонентов – актантов и сирконстантов. Ниже мы

подробно рассмотрим эти понятия и отношения, складывающиеся между отдельными элементами пропозиции.

2.4. Структура пропозиции

Структурный подход к определению понятия пропозиции подразумевает наличие в ней системы взаимосвязанных ситуационных элементов. Впервые составляющие и принципы построения этой системы были описаны Л. Теньером, который метафорически представил предложение как «маленькую драму», ее центром является глагольный узел: «Действительно, как в какой-нибудь драме, [в предложении] обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [Теньер 1988: 117]. Действие, актеры и обстоятельства в терминах структурного синтаксиса являются, соответственно, глаголом, актантами и сирконстантами.

Л. Теньер определяет актанта как «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного [Там же]. Сирконстанты же «выражают обстоятельства (времени, места, способа и пр.), в которых разворачивается процесс [Там же: 117–118]. Под актантом понимается предметный, как правило, обязательный участник ситуации, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом. Облигаторными компонентами, дополняющими семантику глагола, являются только актанта, в то время как сирконстанты обрисовывают факультативную ситуативную рамку. В качестве критериев разграничения актантов и сирконстантов Л. Теньер предлагает использовать морфологические критерии: во-первых, частеречную принадлежность слова и, во-вторых, его грамматическую форму. Так, актанта, по мнению автора, выражается предложно-падежной формой существительного; позиция сирконстанта же может быть заполнена только наречием. Если сирконстант выражен не наречием, а существительным, то он должен сначала с помощью предлога приобрести признаки наречия. В языках, которые не обладают развитой падежной системой, граница между актантами и сирконстантами оказывается размытой.

В дальнейшем концепция Л. Теньера легла в основу многих других классификаций пропозиционных компонентов, но в то же время была во многом углублена и переосмыслена. Так, лингвисты отказались от

однозначного противопоставления актантов и сирконстантов на основании морфологических признаков и стали избегать смешивания семантических актантов (т. е. реальных участников ситуации) с синтаксическими (членами предложения). Широкое обсуждение получил вопрос об определении актантов как обязательных участников ситуации в противоположность факультативным сирконстантам.

Так, М. И. Черемисина указывает на то обстоятельство, что состав и количество актантов и сирконстантов, необходимых для полноценного представления ситуации, в первую очередь связано с тем, к какой лексико-семантической группе принадлежит глагол-предикат. К примеру, в предложениях типа *Мы живем здесь; Дети идут в школу* появление сирконстанта – обстоятельства места в формальной структуре предложения – представляется обязательным условием полной реализации синтаксических потенций глаголов с пространственной семантикой [Черемисина 1997: 58]. Вместе с тем некоторые из актантов могут не входить в смысловое ядро предложения (ср.: *Отец принес домой апельсины – Отец принес домой апельсины для детей*). Так как коммуникативная достаточность высказывания всегда напрямую зависит от конкретного лексического наполнения структуры и синтагматической специфики, которую оно диктует, определять ту или иную позицию как заведомо облигаторную или факультативную представляется автору некорректным (ср. также [Колосова, Черемисина 1998: 8]).

Аналогичный подход реализован в работах А. Мустайоки, который, однако, для сохранения терминологической поляризации относит к актантам в том числе и обязательные элементы структуры со значениями, традиционно считающимися сирконстантными (например, обстоятельства места) [Мустайоки 2006: 170–173].

Так как ни морфологический, ни функциональный критерии, которые предлагал Л. Теньер, не оказываются универсально применимыми, сама идея о том, что система непредикатных членов структуры представляет собой простую двучленную оппозицию, подвергается сомнению. В. А. Храковский, например, придерживается мнения, что «...четкой демаркационной линии между актантами и сирконстантами провести, видимо, нельзя. Можно думать, что реально существует шкала, на одном полюсе которой располагаются стопроцентные актанты, а на другом полюсе – стопроцентные сирконстанты. Что касается промежутка между полосами, то он занят

элементами, которые связаны с предикатной системой смысловой связью различной степени жесткости» [Храковский 1998: 142–143].

Различные подходы к классификации актантов и сирконстантов представлены в работах таких исследователей, как Ч. Филлмор, Ю. Д. Апресян, Т. В. Шмелева и др. В данной работе мы будем применять классификацию непредикатных членов, разработанную М. В. Всеволодовой, в которой суммированы и дополнены результаты многих предшествующих исследований. В рамках этой классификации актанты определяются как участники события (лица, зоонимы, предметы, силы природы), распределенные по пяти основным иерархическим уровням. На каждом уровне выделяется ряд более конкретных ролей.

1. Протагонист (соответствует субъекту) – иерархически первый и единственный участник ситуации, организующий ее. М. В. Всеволодовой разработана классификация данного типа актантов в зависимости от типа пропозиции, компонентами которой они являются. Протагонист бытийно-пространственного блока получает название *экзисциенса* – субъекта бытия или местонахождения (***Все вещи на своих местах***; ***Здесь рыба не водится***).

2. Пациенс, или объект, – второй актант, на который направлены действия протагониста и в этом смысле зависимый от последнего. Объект может быть представлен следующими подтипами: пациентив (одушевленный объект действия или отношения: ***Его обвинили несправедливо***); креатив (созидаемый объект: ***Писатель заканчивает книгу***); объектив (объект, существующий до контакта с субъектом и после него: ***Мы прибрали квартиру***); элиминатив (объект, удаляемый или уничтожаемый действием субъекта: ***Буря поломала деревья***); донатив – (объект передачи: ***Мне подарили часы***); делибератив (объект передачи информации: ***Нам объяснили правила***); эврикатив (объект, вводимый в сферу человеческого знания: ***Ньютон открыл закон притяжения***).

3. Адресат – третий после протагониста и пациенса участник ситуации, не подвергающийся прямому воздействию протагониста: ***Я обратился к нему с просьбой***. Разновидностью адресата является реципиент – получатель материального объекта: ***Детям раздали сладости***.

4. Класс инструментных ролей представлен орудием (предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации: ***Дрова рубят топором***), средством (предмет или вещество, расходуемое при осуществлении ситуации: ***Мойте руки мылом***) и фабрикативом (исходное вещество, из которого создают, производят объект: ***Статуя отлита из бронзы***).

5. Отдельным классом являются ситуанты – участники ситуации, осложняющие и конкретизирующие либо основную пропозицию, либо актантную или сирконстантную роль. Конкретными разновидностями ситуантов являются авторизатор (актант субъектного типа, воспринимающий, оценивающий, комментирующий ситуацию: *У сильного всегда бессильный виноват*); критерий оценки (актант, относительно которого производится предикативная оценка субъекта или ситуации: *Он хорошо играет для начинающего*); комитатив (предмет или лицо, сопутствующий осуществлению действия: *Мимо прошел мужчина с рюкзаком*); партитив (часть любого актанта: *Она сжала мою руку*); дистрибутив (компонент, выражающий распределительные отношения: *Каждому досталось по яблоку*). В данном классе особенно часто проявляется отмеченная выше тенденция к смешанности актантных и сирконстантных ролей.

Сирконстантные компоненты представлены тремя основными классами, каждый из которых подразделяется на ряд разновидностей:

1. Пространственные сирконстанты: локатив (место, относительно которого определяется предмет или осуществление действия: *Митинг устроили на площади*); директив-старт (исходная точка, отправной пункт: *Все вышли из здания*); директив-финиш (конечная точка направленного движения: *Я вернулся домой*); транзитив (пространство между стартом и финишем, частично или полностью преодолеваемое при движении: *Дорога проходит по лесу*); локативный дименсив (преодоленное при движении пространство в количественном аспекте: *Участники кросса бежали три километра*).

2. Временные сирконстанты: темпоратив (время, не полностью занятое действием, как при одновременности названного отрезка и события: *Мы приехали вчера*); терминатив (срок завершения действия или совершения некоторого количества действия: *Работа будет выполнена к вечеру*); дименсив (временной отрезок, полностью занятый действием, состоянием и т. п.: *Мы прождали весь день*).

3. Каузальные сирконстанты: каузатив (событие, ситуация, порождающие другую ситуацию: *От холода было трудно дышать*), дестинатив (конкретная цель, предназначенность действия: *Мы купили полку для посуды*); финитив (цель, назначение действия, носящее отвлеченный характер: *Они обговорили условия для ясности*).

4. Характеризующие сирконстанты: комитатив (обстоятельство, сопутствующее совершению действия: *Он ответил со смехом*); медиатив

(качественная характеристика действия или его результата: *Он рассуждал вслух*); дименсив (количественный признак действия, мера, степень: *Для меня **крайне** важно ваше мнение*); интенсив (предельная мера, выражение полноты, исчерпанности действия, процесса или состояние, каузированное интенсивным действием, состоянием или отношением: *Растрчено было все **до копейки**; Она огорчилась **до слез***) и способ (метод, характер осуществления действия: *Он добился своего **силой***) [Всеволодова 2000: 141–153].

2.5. Типология предикатов

Предикат – это главный компонент семантической модели, который является носителем не только главной идеи, типа ситуации, но и ее существенных проявлений. Семантическая природа предиката является определяющим фактором для формирования семантики предложений. Поэтому при классификации пропозиций, как правило, учитываются два критерия: во-первых, семантические свойства предиката, во-вторых, количество актантов при предикате и их роли. Таким образом, типологии предикатов и пропозиций в трудах лингвистов нередко пересекаются или становятся основой друг для друга. Изучение классов семантических предикатов, которые соотносятся с типовыми ситуациями и формируют пропозициональные структуры, занимает в настоящее время одно из центральных мест в семантическом синтаксисе.

Как указывалось выше, Л. Теньеру как автору вербоцентрической теории предложения, принадлежит идея классификации семантических предикатов по их валентностным возможностям. Так как между семантикой предикатов и их семантической валентностью прослеживается тесная связь, можно говорить и о предопределении количеством и качеством валентностей глагола семантики предложения, которое формируется вокруг него.

Л. Теньер выделял три основных класса предикатов:

- одновалентные: *Солнце сияет*;
- двухвалентные: *Мальчик читает книгу*;
- трехвалентные: *Мальчик дал книгу бабушке*.

При этом одновалентные глаголы-предикаты чаще всего имеют значения состояний, процессов, свойств и т. п. – явлений, сосредоточенных на единственном актанте – субъекте. Глаголы с более чем одной

валентностью представляют ситуации действия, воздействия, отношения, движения, перемещения и т. п. [Теньер 1988].

Вариант классификации, базовым принципом которой является отождествление глагола-предиката и его глагольных значений с семантическим ядром предложения, был предложен Ф. Данешем. Семантическая структура предложения понимается исследователем как синтаксическое употребление структурных формул, образуемых глагольными значениями. Последние могут принадлежать к одному из трех классов:

1) глаголы, обозначающие статические ситуации, с семантикой отношений различных типов – локативного, посессивного, атрибутивного и др.;

2) глаголы, обозначающие процессы, которые определяются как динамические глагольные значения, не относящиеся к категории событий;

3) глаголы, обозначающие события. К ним относятся такие глагольные значения, которые могут быть описаны как переход от исходной ситуации к конечной [Данеш 1968: 21].

М.В. Всеволодова выделяет пять основных классов предикатов, каждый из которых объединяет в себе ряд конкретных разновидностей и соотносится с определенным типом пропозиций. Ниже мы приведем предложенную М. В. Всеволодовой типологию пропозиций, связывая каждый тип с классом или классами предикатов, реализующимися в нем.

Различают пропозиции двух классов – событийные и логические. Первые отображают действительность, являясь семантическими моделями имеющих место в мире событий и ситуаций; вторые же представляют результаты умственных операций, в результате которых утверждаются некоторые признаки и взаимоотношения субъектов.

К классу событийных пропозиций относятся следующие подтипы:

1. Бытийно-пространственные пропозиции, содержащие в себе экзистенциальные предикаты. Для структуры пропозиций этого типа обязательной является позиция локализатора. Внутри типа выделяется ряд разновидностей:

– пропозиция существования, или бытийная пропозиция: *Когда-то здесь **стоял** монумент*;

– пропозиция местонахождения, которая отличается от бытийной пропозиции вхождением локализатора в рему: *Информация **находится** на доске объявлений*;

– пропозиция движения. Для данного типа характерно наличие предиката, принадлежащего к лексико-семантической группе глаголов движения: *Мы **прошли** большую часть пути.*

2. Статальные пропозиции, структура которых ограничена субъектом и предикатом статического и процессуального состояния: *Мне **не по себе**; Огонь **разгорелся**; Здесь все **изменилось**;*

3. Акциональные пропозиции с обязательной позицией объекта в структуре и акциональным предикатом. Данный тип представлен двумя основными подтипами: пропозициями действия и инструментального воздействия, которые, в свою очередь, включают в себя многочисленные разновидности, выражающие разные виды воздействия: конструктивное, трансформационное, деструктивное и др.: *Весной повсюду **сжигают** мусор; Хорошо **расчеши** волосы; Эта теория **была разработана** группой исследователей.*

Класс логических пропозиций включает два основных подтипа:

1. Пропозиции характеристики, выражающие отношения между субъектом и его постоянными признаками при помощи характеристических предикатов (кавалитативов, фабрикативов, квалификативов и квантитативов): *Кит – это **млекопитающее**; Он **невысокого роста**.*

2. Реляционные пропозиции, выражающие отношения между двумя субъектами или разными номинациями одного и того же субъекта. Реляционные предикаты с общим значением отношения представлены большим количеством разновидностей (разные типы отношений лиц и предметов друг к другу, отношения класса и его представителя, эмоциональные отношения, отношения обладания и др.): ***Вот** моя деревня; Я хорошо с ним **знаком*** [Всеволодова 2000].

М. В. Всеволодова вводит также дополнительный фактор, обеспечивающий многообразие реализации моделей: каждый из типов предикатов соотносится с пятью возможными сферами проявления – физической, физиологической, эмоционально-психической (в данном исследовании мы будем разделять эти два типа), интеллектуально-творческой (далее интеллектуальной), социальной и духовной.

2.6. Синтаксическая парадигма предложения

Термин *парадигма*, составляющий одно из центральных понятий морфологии, был освоен синтаксистами для описания процессов

варьирования синтаксических единиц и определения их пределов. В общем смысле этот термин употребляется лингвистами в значении «любой класс языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака, <...> совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [Кубрякова 2000: 366]. В контексте описания синтаксических единиц понятие было впервые применено в середине 1960-х гг. учеными, разрабатывающими теорию трансформационной грамматики, в частности Д. Уортом [Worth 1963]. В дальнейшем оно разрабатывалось в трудах представителей Пражской школы [Зимек 1966; Грабе 1966; Адамец 1966] и со временем вошло в круг дискуссионных вопросов отечественного синтаксиса. Так как единого представления о том, на каких категориях строится парадигма предложения и что обуславливает его смысловое и грамматическое тождество самому себе, до сих пор не установилось, на современном этапе существует множество противоречивых теорий о пределах вариативности синтаксических единиц. В этом параграфе мы подробно рассмотрим только некоторые из них.

В самом общем виде все интерпретации понятия парадигмы можно разделить на две группы в зависимости от того, насколько узко или широко они определяют ее объем.

Так называемый «узкий» подход к определению синтаксической парадигмы предложения представлен, например, в работах Н. Ю. Шведовой. В научной литературе он известен также как формоизменятельный подход, так как в его рамках основное внимание уделялось внутримодельным формальным преобразованиям. Под парадигмой предложения автор предлагает понимать «совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени» [Шведова 1967: 10]. На первый план, таким образом, выходит категория предикативности, и формоизменение происходит только за счет модально-временного спряжения глагола-предиката (Е. А. Седельников, придерживающийся подобной точки зрения, говорил о формоизменятельных категориях времени и лица [Седельников 1961]). Парадигма предложения складывается из системы его форм, т. е. «всех тех видоизменений предложения, которые, не меняя его структурной основы, представляют каждое в отдельности то или иное его частное синтаксическое значение, а в своей совокупности – весь комплекс его синтаксических значений» [Шведова 1967: 15], и состоит из

восьми членов: три из них противопоставлены друг другу по характеру временного значения, еще пять выражают различные виды модальности.

Основным недостатком узкого подхода было то, что собственно синтаксические принципы выделения парадигмы предложения подменялись морфологическим критерием.

«Широкий» подход к определению синтаксической парадигмы предложения включает в себе ряд разнообразных точек зрения на то, что составляет семантический инвариант предложения и какие категории замыкают пределы допустимого варьирования.

Так, с точки зрения Т. П. Ломтева, которому принадлежала одна из первых концепций данного типа, в основании парадигматических отношений на любом из языковых уровней лежит понятие грамматической категории. Грамматические категории определяются как «различные классы лингвистических единиц и различные семантические свойства, которые выделяют и оформляют эти классы». Утверждая, что «предложения, как и слова, обладают грамматическими категориями, в которых проявляются их грамматические свойства» [Ломтев 1972], исследователь особо подчеркивает, что синтаксические единицы обладают специфическим набором категорий, не повторяющим тот набор, который выделяется на морфологическом уровне. Парадигма предложения строится из совокупности формоизменений по каждой отдельной грамматической категории. Ее члены тождественны с коммуникативной точки зрения, но могут обнаруживать семантические различия, не разрушающие единства информации» [Ломтев 1972: 61]. Единство смыслового тождества и семантической дифференциации в пределах парадигмы организуется в соответствии с тремя базовыми принципами:

1) семантическое содержание грамматической категории распространяется на некоторое множество предложений;

2) каждая грамматическая категория предложения всегда многочленна. Каждый член грамматической категории имеет свою специфику в семантике и определенные средства для ее выражения;

3) члены одной грамматической категории, образующие парадигму предложений, должны обладать некоторым семантическим тождеством.

Применяя этот комплекс критериев, Т. П. Ломтев выделяет следующие грамматические категории, по которым синтаксическая единица может варьировать, оставаясь в пределах парадигмы:

1) утвердительность – отрицательность;

2) вид общения: повествовательные, вопросительные, побудительные предложения;

3) синтаксическое время (соотнесение события с моментом речи);

4) модальность: а) реальность – гипотетичность; б) категории модуса существования (способ существования): наличность, бытие, возможность, необходимость; в) субъективная оценка истинности или ложности сообщения;

5) конвертируемость (отношения между двумя субстанциями – субъектом и объектом, при которых субъект предложения становится его объектом, например: *Коля разозлил Петю – Петя разозлился на Колю*);

6) определенность, неопределенность, обобщенность и формальность предмета (эта категория связана с классификацией предложений по наличию / отсутствию действующего лица в предложении);

7) активность – демиактивность (в современном русском языке эта категория представлена преимущественно номинативными и дативными предложениями: *Я не сплю – Мне не спится; Он поет – Ему поется*) [Там же: 62–171].

Таким образом, в основе подхода Т. П. Ломтева к парадигме предложения лежит идея о том, что синтаксические единицы имеют специфические грамматические категории, практически не пересекающиеся с грамматическими категориям слова, на которых и строится синтаксическая парадигма предложения в отличие от морфологической парадигмы слова.

Если Т. П. Ломтев исходит из тезиса об уникальности организации синтаксической парадигмы, то В. А. Белошапкова и Т. В. Шмелева предлагают выстраивать схему формоизменений предложений через ее уподобление словообразовательным процессам [Белошапкова, Шмелева 1981; Белошапкова 1999]. По мнению авторов, в парадигму предложения входят, с одной стороны, видоизменения структурной схемы предложения, включая ее возможные преобразования в другие схемы и в синтаксические единицы низшего уровня при сохранении лексической базы. Такие изменения соответствуют модификационным процессам в словообразовании.

С другой стороны, отношения между членами парадигмы могут носить и деривационный характер, обнаруживая сходство с транспозитивными отношениями в словообразовательной паре. В таких случаях производная конструкция отличается от исходной не только

изменением формы, но и осложнением смысла, однако тождество объективного содержания не нарушается. Основным критерием разграничения межсхемных парадигматических соотношений и синонимических отношений между предложениями, построенными по разным структурным схемам, является то, что в синонимическом ряду не представляется возможным выделить исходную (семантически более простую) и производную (семантически более сложную) конструкцию. К примеру, в отношениях синонимии состоят конструкции, выражающие разную степень активности субъекта (активные, пассивные и так называемые полуактивные): *Град побил посевы – Посевы побиты градом – Посевы побил градом* [Белошапкина 1999: 763].

Круг дополнительных значений, которые вводятся в предложение с помощью деривационных синтаксических операций, складывается из следующих категорий:

- 1) фазисность: *Он работает над книгой – Он начал работать над книгой*;
- 2) модальность: *Он работает над книгой – Он должен работать над книгой*;
- 3) негация: *Был дождь – Не было дождя*;
- 4) квантитативность: *Шум – Шуму!*;
- 5) оценочно-экспрессивный смысл: *Он изменился – Как он изменился!*;
- 6) авторизация: *Книга интересная – Книга показалась интересной*;
- 7) интерпретация субъекта: а) неопределенность: *Я звоню – Звонят*;
- б) обобщенность: *Мы его ждем – Вечно его ждешь!* [Белошапкина, Шмелева 1981].

Таким образом, полная парадигма простого предложения, включающая все возможные типы его вариации, имеет следующий вид:

- 1) внутрисхемные вариации:
 - а) *Я открою дверь. – Я открыл дверь; Я открыл бы дверь*;
 - б) *Открою дверь*;
 - в) *Я могу открыть дверь; Я начал открывать дверь*;
- 2) межсхемные вариации: *Я открыл дверь. – Дверь открыта мной*;
- 3) межуровневые вариации:
 - а) *Я открыл дверь. – Открывание мною двери; Открытая мною дверь*;
 - б) *Дверь, которую я открыл; Я, открывший дверь*.

Наличие двух трактовок парадигмы предложения указывает на широту и многоплановость системных синтаксических отношений. По существу, эти два направления дополняют друг друга: широкое понимание парадигмы акцентирует обширность системных соотношений, а узкое – многоплановости и, следовательно, разнородность.

Другая точка зрения находит отражение в трудах Г. А. Золотовой, которая придерживается мнения, что парадигма предложения имеет полевую организацию. «Синтаксическое поле предложения – это система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и структурно-семантические модификации и синонимические преобразования» [Золотова 1973: 201]. Периферийными по отношению к центральному, базовому предложению являются следующие типы конструкции:

- грамматические модификации;
- фазисные, модальные, семантико-грамматические модификации;
- экспрессивные, коммуникативные модификации;
- монопредикативные синонимические вариации;
- полипредикативные осложнения модели.

Этот набор вариаций Г. А. Золотова разделяет на три группы:

а) грамматические модификации подразумевают вариацию по предикативным категориям времени, модальности и синтаксического лица;

б) структурно-семантические модификации образуют разнородную группу. Внутри нее можно выделить ряд подгрупп:

– модификации моделей по линиям модально-волекативного отношения субъекта действия к действию происходят посредством наложения на основное модальное значение предложения дополнительных значений возможности, желательности, необходимости в отношениях между субъектом и его действием (*Студенты хотят, могут, стараются писать; Студенты могут быть, должны быть любознательными*);

– фазисные модификации, характеризующие действие по стадиям его производства, являются результатом введения в состав предиката неопределенных фазисных глаголов в личной форме при инфинитивной форме глагольного или именного предиката (*Ночи стали холодными*) или изменения семантики предиката словообразовательными средствами (*Я начал говорить – Я заговорил*);

- экспрессивность;

– вопросительные и отрицательные значения. Каждая из структурно-семантических модификаций предложения сохраняет свою грамматическую парадигму;

– синтаксические синонимы, представляющие разные способы выражения семантического содержания. Г. А. Золотова отмечает, что для этой единственной разновидности модификаций не характерно тождество модели и типового значения.

Таким образом, синтаксическую парадигму предложения можно образно представить как поле, через которое, перекрещиваясь, проходят разнонаправленные линии вариантных структур, сходясь в одной точке, которой является исходная конструкция – своеобразный центр поля [Золотова 1973: 201].

Позднее, в работе, написанной в соавторстве с Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой, Г. А. Золотова разрабатывает понятие коммуникативной парадигмы предложения, пытаясь учитывать все те изменения, которые привносит в реализованную в речи модель текстовый, коммуникативный, социальный, стилистический, прагматический контексты общения. В частности, вводится более дробная классификация вариаций с применением дополнительного критерия, связанного с тем, какой из членов предикативного минимума в большей степени подвергается трансформации [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

М. В. Всеволодова и О. Ю. Дементьева также рассматривают проблему парадигматических отношений в синтаксисе в коммуникативном аспекте. Исследователи ставят форму предложения в прямую зависимость по отношению к коммуникативным намерениям говорящего. Соответственно, коммуникативная парадигма предложения определяется как «совокупность объединенных общностью отражаемой ситуации предложений, каждое из которых служит решению какой-то определенной коммуникативной задачи» [Всеволодова, Дементьева 1997: 58].

Коммуникативная парадигма включает в себя два парадигматических ряда предложений:

1) актуализационную парадигму – ряд предложений одинаковой синтаксической структуры, различающихся в плане реализации отношений предикирования (порядком слов, интонацией, наличием или отсутствием топикализации);

2) ряд трансформационных парадигм для каждого варианта отношений предикирования.

При подобном понимании коммуникативная парадигма также имеет вид поля, центральным элементом которого является предложение, представляющее ситуацию наиболее корректным способом, – изосемическая конструкция. Первый слой периферии образует актуализационная парадигма, второй – совокупность наслаивающихся на нее трансформационных парадигм.

Таким образом, разные исследователи к парадигматическим категориям предложения относят различные категории, что влияет на состав членов парадигмы. Однако основополагающей чертой членов парадигмы предложения является тождество единицы языка, представленной разными членами парадигмы, самой себе.

Особая точка зрения на объем парадигмы синтаксической единицы сложилась в рамках теории моделирования ЭПП. Представители новосибирской синтаксической школы придерживаются мнения, что варьирование синтаксических единиц затрагивает обе их стороны – способностью к модификации обладают как план выражения, так и план содержания, что сообщает моделям гибкость в выражении разнообразных смысловых нюансов. Варьирование плана выражения заключается в том, что необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей, в плане же содержания варьирование связано «с категориально-лексическим наполнением той или иной предметной позиции, в частности – с тем, занимает ли ее личное имя, предметное или географическое понятие» [Черемисина, Скрибник, Сэрээдар 1996: 7].

Авторы отмечают, что модель, объединяя внутри себя круг вариативных производных, в то же время и сама может являться составной частью более крупного кластера, вступая в парадигматические отношения иного характера с подобными ей единицами синтаксического уровня: «Возможны такие случаи, когда на уровне моделей фиксируется несколько единиц, четко противопоставленных друг другу и по общему смыслу, и по характеру предиката. Каждая из этих моделей, естественно, имеет свои формальные и содержательные варианты. В то же время различающие их значения, будучи разными и противопоставленными, объединяются в некоторой более широкой категории. В таком случае мы считаем возможным использовать понятие гипермодели, которая объединяет эти модели, не лишая их статуса самостоятельных моделей, а не вариантов» [Там же: 9].

Что касается внутренней организации синтаксической парадигмы М. И. Черемисина выделяет в ней несколько слоев:

1) ядро парадигмы ЭПП представляют конструкции, демонстрирующие грамматическое варьирование, в основании которого лежат следующие элементы:

а) грамматическая парадигма глагола как части речи, основанная на грамматических категориях лица, числа, времени и наклонения;

б) грамматическая парадигма предиката, определяемая всеми грамматическими и лексико-грамматическими категориями, которые, характеризуя действие, не меняют системы его (предиката) валентностей (отрицание, аспектуальность, фазисность, акционсартность, модальность, эвиденциальность, но исключая залоговые трансформации) [Черемисина 2003: 26];

2) периферийный по отношению к нему слой включает в себе варианты ЭПП с грамматической вариативностью именных компонентов модели, которая определяется количеством и спецификой валентностей предиката. К ним относится, например, постановка имени в определенной форме, либо выбор из некоторого набора форм, либо выбор из широкого множества форм, выражающих определенный, заданный тип отношений [Там же: 27];

3) третий слой «определяется лексико-семантическими требованиями и ограничениями, которые модель предъявляет к “заместителям” каждой из позиций модели на лексико-семантическом уровне» [Там же].

Те модификации, которые вызваны функционированием предложения в речи и выполнением конкретного коммуникативного задания, не рассматриваются как составляющая синтаксической парадигмы. Подобный тип варьирования получает название актуализационного.

Для данного исследования мы принимаем концепцию парадигмы простого предложения, предложенную М. И. Черемисиной.

Кроме того, в целях выделения ядерных и периферийных единиц в блоке бытийно-пространственных ТСС мы будем опираться на понятие изосемичности/неизосемичности в том понимании, которое было сформулировано Г. А. Золотовой: «Изосемия – это соответствие между категориальными значениями структурных компонентов предложения и категориальными значениями их денотатов в реальной действительности, равновесие семантических, морфологических и синтаксических признаков» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 109].

3. Представление о пространстве в современной лингвистике

Так как в фокусе нашего исследования будут находиться ТСС бытийно-пространственного блока, семантика которых так или иначе связана с установлением местонахождения субъекта, представляется необходимым кратко изложить те понятия и теоретические положения, которые будут использоваться нами при подробном описании представленных в моделях пространственных ситуаций.

3.1. Категория локативности

Представление о пространстве составляет одну из основополагающих когнитивных категорий человеческого мышления. Оно формируется в процессе самого базового, первичного опыта взаимодействия с материальным миром, так как любая вещь, в том числе и человеческое тело, всегда соседствует с другими предметами и явлениями действительности и обладает протяженностью, т. е. имеет заданные внутренние и внешние пространственные характеристики, которые непрерывно меняются во временном потоке. Категорией пространства на разных этапах развития научного знания занимались такие науки, как геометрия, философия, физика, психология. В XX в. в связи с обострением интереса к когнитивному аспекту языка категория пространства стала активно изучаться в зарубежной и отечественной лингвистике как неотъемлемая принадлежность языковой картины мира, базис для осмысления многих других сложных явлений действительности [Лакофф, Джонсон 2004: 35].

В языкознании существуют два понимания категории пространства, также известной как категория пространственной локализации [Невская 2005], категория места [Всеволодова, Владимирский 1982], локативность [ТФГ 1996]. Ряд исследователей придерживается узкого подхода: с их точки зрения понятие *пространство* применимо только для тех ситуаций, где речь идет о местоположении объекта в физической реальности (О. Ю. Богуславская [Богуславская 1999, 2000], Р. Гжегорчикова [Гжегорчикова 2000], С. Ю. Семенова [Семенова 2000], Б. Тошович [Тошович 2006]). С другой стороны, О. Н. Селиверстова [Селиверстова 1982, 1990, 2004], Н. Н. Болдырев [Болдырев 2000], Г. В. Колшанский рассматривают материальный мир объектов лишь как одну из многих разновидностей пространств [Колшанский 1990]. Так, О. Н. Селиверстова

предлагает выделять, помимо пространств естественного мира, также пространства социального мира, пространства – продукт общества, пространства множества, пространства ситуаций и др. [Селиверстова 1990: 7–8]. В данной работе наше внимание будет сосредоточено, в первую очередь, на тех типах пространств, которые автор определяет как принадлежащие к «миру действительности»; способы их выражения представляются нам тем базисом, на основании которого формируются производные средства систематизации «мира вымысла».

Категория локативности определяется лингвистами как имеющая двойственную природу: во-первых, это «семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства», во-вторых, это «функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [ТФГ 1996: 5]. Локативность как семантическую категорию составляют частные категориальные компоненты – пространственные отношения, представляющие собой «соположение в пространстве какого-либо предмета, события, признака и некоторого пространственного ориентира» [Всеволодова, Владимирский 1982: 6]. Подобно компонентам любой другой языковой категории, пространственные отношения имеют свою внутреннюю организацию.

Воззрения на количество и состав необходимых компонентов пространственной ситуации существенно различаются, однако общепринятым можно считать мнение, что облигаторный минимум для представления отношения некоторых сущностей в пространстве составляют три компонента:

1) некоторая сущность, определение местонахождения которой является основным смыслом высказывания. В разных терминологических системах она определяется как *траектор* (Trajector) [Langacker 1987], *объект локализации* (the object to be located) [Landau & Jackendoff 1993], *тема* (theme) [Levinson 1996], *локализуемый объект* [ТФГ 1996; Невская 2005], *фигура* (Figure) [Talmy 2000], *объект* [Плунгян 2002];

2) некоторая сущность, которая принадлежит той же локативной ситуации, что и объект локализации, но отличается от него и чье местонахождение (а иногда и геометрические характеристики) предположительно известны тому, кто воспринимает высказывание. Данная сущность получает в работах лингвистов названия *локума* [Всеволодова, Владимирский 1982], *ориентира* (Landmark)

[Langacker 1987; Плунгян 2002], *референциального объекта* (the reference object) [Landau & Jackendoff 1993], *релятума* (relatum) [Levinson 1996], *локализатора* [ТФГ 1996], *фона* (Ground), или референциального объекта [Talmy 2000], *опорного локума* [Невская 2005];

3) пространственное отношение, связывающее два вышеупомянутых компонента.

В данном исследовании для обозначения первого компонента мы будем использовать термин *локум*, второй же компонент, во избежание конфликта двух терминологических систем, будет определяться как *субъект*, так как в бытийно-пространственных структурах он, за редкими исключениями, замещает именно эту позицию.

Локум и субъект локализации характеризуются специфическими наборами отличительных признаков, которые маркируют их роли в локативной ситуации. Перечень этих характеристик Л. Талми представляет в виде следующего набора оппозиций [Talmy 2000: 183]:

Объект локализации (Figure)

Обладает неизвестными пространственными характеристиками, которые необходимо определить.

Более подвижен.

Меньше (по размеру).

Рассматривается как сущность с более простой геометрией (часто как точка).

Более недавнее появление в ситуации / в сознании.

Имеет большую важность / значимость.

Отличается меньшей непосредственной воспринимаемостью.

Будучи воспринятым, более заметен.

Локум (Ground)

Выступает в качестве референциальной сущности, обладая известными характеристиками, которые могут определить неизвестные характеристики объекта локализации (Figure).

Обладает более постоянной локализацией.

Крупнее.

Рассматривается как сущность с более сложной геометрией.

Более раннее появление в ситуации / в сознании.

Имеет меньшую важность / значимость.

Отличается большей непосредственной воспринимаемостью.

После восприятия объекта локализации (Figure) в большей степени отходит на задний план.

Более зависим.

Более независим.

Как можно заключить из сопоставления списков, два участника локативной ситуации обнаруживают несимметричные наборы геометрических свойств. Под геометрическими свойствами мы понимаем определенные пространственные конфигурации, приписываемые объекту локализации и локуму грамматикализованными элементами языка, образующими закрытый класс [Талми 2000]. Если локум представляется более крупным, статичным и детализованным объектом, составляющим «фон» коммуникативной ситуации, то субъект компактен, подвижен, во многих случаях воспринимается как точка и перетягивает на себя фокус высказывания. Л. Талми считает тот факт, что грамматикализованные элементы, как правило, характеризуют геометрические свойства объекта локализации проще, чем свойства локума, закономерным следствием когнитивных особенностей мышления человека в отношении пространства. Восприятие пространства происходит посредством фиксации внимания на отдельных мелких участках более общей области, доступных для сенсорного контакта, с последующим определением пространственного отношения данного участка ко всей области в целом. Соответственно, установлению пространственного отношения между двумя объектами также предшествует выделение из обширной области пространства небольшого участка, непосредственно примыкающего к объекту. Для выделения такого участка необходимо детализованное представление геометрии локума языковыми средствами. То, какие именно геометрические свойства выделяются как наиболее характерные, зависит от особенностей конкретной языковой системы и языковой картины мира [Talmy 2000:185–187].

Подобной точки зрения придерживается М. В. Филиппенко, отмечая, что распределение геометрических характеристик между локумом и субъектом не случайно, но «обусловлено... принципами организации пространства, которые требуют, чтобы некоторый объект был встроен, помещен относительно некоторого другого объекта. Этот другой объект должен обладать свойствами, облегчающими поиск, — отсюда неподвижность, громоздкость, заметность “фона”» [Филиппенко 2000: 24].

В отечественной лингвистической литературе, затрагивающей вопросы топологии, не представлено системного описания геометрических свойств объектов локализации, в то время как американские лингвисты достаточно подробно описывают геометрию предметов, определение

местонахождения которых составляет суть высказывания.

В статье Б. Ландау и Р. Джекендоффа, посвященной проблемам лингвистической топологии, описываются следующие свойства локума:

1) локум может быть представлен как объем, плоскость, линия и точка;

2) локум обладает осевой структурой (т. е. вертикально и / или горизонтально ориентирован);

3) локум обладает количественной характеристикой, т. е. может представлять собой как единичный предмет (single object), так и множество / совокупность нескольких предметов (aggregate / collection of objects) [Landau & Jackendoff 1993: 227].

3.2. Типы пространственных отношений

Круг типов пространственных отношений варьирует от языка к языку. Система пространственных отношений, получающая отображение в той или иной языковой системе, базируется на некоторой идеальной, общепринятой в пределах языкового сообщества модели мира, которая строится на интуитивном понимании физических и геометрических закономерностей в окружающей действительности. Различия в восприятии пространственных отношений в разных культурах хорошо иллюстрирует тот факт, что для разных языков свойственно использование различных систем координат, относительно которых локализуются объекты, в различных сочетаниях.

С. Левинсон выделяет три основных подхода к локализации объекта в пространстве:

– первый из них – относительный – предполагает, что точкой, из которой исходят оси координат, является воспринимающее ситуацию лицо (к такой перспективе мы прибегаем, когда определяем объект как находящийся сзади, спереди, справа или слева от нас);

– во втором локум пространственной ситуации рассматривается как имеющий собственную, имманентную систему координат, отвечающего его геометрическим свойствам, и локализация субъекта происходит в соответствии с ней;

– третий подход называется абсолютным, так как не основывается ни на геометрических свойствах субъекта, ни на перспективе воспринимающего лица. Локализация происходит с опорой на оси координат, которые являются принадлежностью самой окружающей

действительности, выстраиваются по неподвижно закрепленным на ней ориентирам. Такими ориентирами часто бывают явно выраженные, жизненно-функциональные черты окружающего мира, как то: направления течения реки, горная местность или другие объекты природного мира, доступные для зрительного восприятия [Левинсон 1996: 111–112].

Для большинства языков, в частности и для церковнославянского, характерно применение этих способов ориентации не изолированно, но в сочетании. В церковнославянском языке на материале выборки из «Паренесиса» Ефрема Сирина мы обнаруживаем преимущественно относительный (выражаемый предложениями типа *ошюю, одѣснѣю*) и соответствующий геометрии локума (выражаемый целым рядом предложноподлежащих форм с непроизводными предложениями – *въ N_{Loc}, из N_{Gen}* и др.) типы локализации. Абсолютный тип представлен лишь эпизодически и получает выражение преимущественно лексическими средствами (как, например, сочетаниями типа *ѿ вѣстока*).

Конкретные типы пространственных отношений выделяются на основании ряда признаков: геометрических свойств объекта локализации, геометрических свойства локума, различных вариантов соотнесения объекта локализации и локума, статичности или динамичности локума [Болотина 2006: 55]. Однако в наиболее обобщенном виде классификация производится по двум критериям. Базовым основанием для выделения классов пространственных отношений нам представляется оппозиция статических и динамических локативных ситуаций.

Статические отношения между локумом и объектом локализации предполагают, что последние неподвижны по отношению друг к другу в рамках рассматриваемой ситуации. Этот класс представлен только одним типом отношений – отношениями локализации (*видиши ли ѿ члѣче пречѣстаго влѣды на крѣстѣ висима* ‘видишь ли, о человек, пречистого владыку висящим на кресте’).

Динамические пространственные отношения образуют более разнородную группу и отличаются большей сложностью, так как категория локативности в них вступает в связь с темпоральным аспектом – на пересечении этих двух категорий формируется представление о движении. С. Левинсон и Д. Уилкинс определяют движение как длительное перемещение объекта локализации вдоль протяженной траектории в течение времени. Внутри класса динамических отношений выделяется три типа, в зависимости от того, относительно какого (или каких) локума(ов) ориентировано движение объекта локализации.

И. А. Невская определяет их как отношения делокации, адлокации и транслокации:

1) делокация – это динамические пространственные отношения, которые предполагают разрушение предшествующей локативной ситуации между субъектом и локумом (огнь шедъ из дверецъ тѣхъ ‘огонь шел из тех дверей’);

2) адлокация – это динамические пространственные отношения, которые предполагают установление новой локативной ситуации между субъектом и локумом (в которы ровъ ввергъся ‘в какой ров брошусь?’);

3) транслокация – это динамические пространственные отношения, складывающиеся из цепочки последовательно сменяющих друг друга отношений адлокации и делокации – иными словами, перемещение объекта локализации по локуму-трассе от одного сегмента к другому (и степенми двери его да входить нога твоя ‘ступенями его дверей пусть входит нога твоя’).

С другой стороны, пространственные отношения могут классифицироваться также по так называемому топологическому критерию. И. А. Невская отмечает, что пространственные отношения своеобразно отражают свойства самого пространства, специфику его обозначения локализатором, диалектику пространственных и объектных характеристик обоих участников пространственного отношения – все это составляет топологический аспект пространственной ситуации [Невская 2005: 22]. Топологические характеристики присущи как субъекту и локуму, так и тому фоновому пространству, в котором они расположены.

Существует большое количество классификаций пространственных отношений, которые опираются на соотношение топологических характеристик субъекта и локума. Так, И. А. Невская считает, что частными проявлениями топологических пространственных отношений являются, в первую очередь, отношения части и целого, которые, в свою очередь, могут реализоваться в более конкретных отношениях близости, контакта и включения [Невская 2005]. В. А. Плунгян, принимая в качестве фундаментальной оппозиции противопоставление внешней и внутренней зон локума, разделяет класс внешних локализаций и внутренних локализаций, особую разновидность которых представляют контактные локализации [Плунгян 2002: 67–68]. Сходные классификационные принципы используют А. Е. Кибрик, называющий три основных типа пространственных отношений – включение (размещение внутри локума), контакт (размещение на поверхности локума) и исключение (размещение

вне локума) [Кибрик 1970: 127], а также М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский, выстраивающие классификацию пространственных ситуаций с опорой на оппозицию семантических примитивов 'пространственность / непространственность' (т. е. 'пребывание в пределах локума / пребывание вне пределов локума').

С нашей точки зрения, полная и адекватная церковнославянской языковой системе типология пространственных отношений представлена в труде И. А. Мельчука «Курс общей морфологий». Автор предлагает характеризовать частные пространственные отношения исходя из следующего ряда основных возможных способов реализации локализации:

- 'в' – ИН-;
- 'на' – СУПЕР-;
- 'под' – СУБ-;
- 'перед' – АНТЕ-;
- 'сзади' – ПОСТ-;
- 'на боку' – АД-;
- 'у / около' – АПУД-;
- 'вокруг' – ЦИРКУМ-;
- 'между / среди' – ИНТЕР- [Мельчук 1998: 54].

В дальнейшем для группирования и описания конкретных примеров мы будем опираться на классификацию, совмещающую данную типологию локализаций с оппозицией статических и динамических пространственных ситуаций.

Выводы

Троицкий список «Паренесиса» Ефрема Сирина – одного из наиболее популярных и авторитетных памятников Древней Руси, оказавшего существенное влияние на литературную норму – на сегодняшний день относится к фрагментарно изученным текстам. Детальный анализ представленных в списке особенностей синтаксического строя в сопоставительном аспекте позволит получить более глубокое представление о церковнославянской языковой системе, а также предоставит возможность проследить диахронные процессы в языке религиозных сборников.

Исследование проводится с опорой на теорию структурно-семантического моделирования простого предложения, согласно которой основной синтаксической единицей является ЭПП – предложение,

состоящее из предиката и того набора актантов и сирконстантов, который необходим для заполнения его валентностей. План выражения модели ЭПП представляет собой структурную схему, план содержания – пропозицию, языковое отображение определенного типа ситуаций. Другим базовым понятием является ТСС – устойчивое синтаксическое построение с прототипическим значением.

Классификация пропозиций производится на основании семантических свойств предиката и количества актантов при нем. Бытийно-пространственные модели, которые рассматриваются в работе, относятся к событийному блоку.

Семантика бытийно-пространственных конструкций тесно связана с категорией локативности, которая определяется как языковая интерпретация мыслительной категории пространства. Локативность складывается из частных категориальных компонентов – пространственных отношений. Обязательными участниками пространственной ситуации являются субъект, местоположение которого определяется, локум, местоположение которого известно, и пространственное отношение между ними. К базовым классификационным критериям для пространственных отношений относятся оппозиция статичности и динамичности, а также ряд топологических характеристик субъекта и локума.

Глава 2

СТРУКТУРЫ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В «ПАРЕНЕСИСЕ» ЕФРЕМА СИРИНА

В данной главе мы рассмотрим элементарные и неэлементарные предложения, реализующие пространственные ТСС в тексте «Паренесиса» Еврема Сирина. Материалом для анализа послужила выборка конструкций с обязательной позицией локализатора из текста памятника; ее объем составляет около 6300 единиц. ТСС, связанные с прототипической пространственной семантикой, согласно классификации М. В. Всеволодовой, разделяются на несколько блоков: существования, местонахождения и движения. Первый раздел главы будет посвящен описанию реализаций ТСС, обладающих статической пространственной типовой семантикой, т. е. ТСС местонахождения и существования; во втором разделе мы рассмотрим структуры движения. Кроме того, отдельный раздел будет посвящен особой разновидности динамических пространственных конструкций, возникающих на базе структур движения, – ТСС перемещения.

1. ТСС с семантикой статической локализации (существования, местонахождения, наличия)

1.1. Изосемические реализации структур

Гипермодель существования и местонахождения имеет вид $LEX^{Loc} V_f^{Ex} N_1^{Ex}$, где N_1^{Ex} (существительное в именительном падеже) – субъект-экзистенс; V_f^{Ex} (глагол в личной форме) – экзистенциальный предикат, а LEX^{Loc} (предложно-падежная форма существительного или наречие) – лексема со статической пространственной семантикой. Общее для всех трех моделей типовое значение локализации субъекта в пространстве различается только особенностями актуального членения: в высказываниях с семантикой существования актуальна информация о событии в его целостности, в то время как семантика местонахождения подразумевает, что в фокусе высказывания находятся сведения о пространственной соотнесенности субъекта и локализатора. В дальнейшем, анализируя разновидности выражаемых пространственных отношений и семантические трансформации в конкретных примерах, мы

не будем разграничивать реализации ТСС существования и местонахождения, так как случаев влияния коммуникативной организации высказываний на особенности их плана содержания в материалах выборки отмечено не было.

Одной из особенностей ТСС данного класса является то, что в речевых реализациях они часто подвергаются свертыванию до именной группы, так как предикаты с семантикой бытия легко восстанавливаются из контекста. Для примеров такого рода помимо перевода мы будем дополнительно приводить вариант конструкции, в котором восстановлены все обязательные члены структурной схемы в развернутом или полусвернутом виде. Например: в печали похвали́а 'в печали прославь Бога' > '(пребывая) в печали, прославь Бога'; в терпе́ны ва́шемь ста́жѣте 'в терпенье своем обретете' > 'вы обретете что-то, если вы будете [пребывать] в терпенье'.

Только в 47% рассмотренных нами реализаций ТСС существования и местонахождения прототипическая семантика была выражена во всей полноте, без добавочных смыслов и искажений. В данном круге примеров ситуация разворачивается в физической сфере и семантические роли заполняются канонически: в роли субъекта выступают имена со значением одушевленного существа (ѡноша, раба), предмета (ѡкира), вещества (злато, масло, хлѣба) или, в отдельных случаях, силы (ѡгнь, вода, пѣчина); в качестве локализатора также употребляются имена конкретно-вещественной семантики (ложе, рогозина, соба, чертога), реже – лица (владыка); позицию предиката заполняют глаголы с семантикой собственно бытия (жити, быти), возникновения (нарадити, възгорати), положения в пространстве (сѣдѣти, предѣстѣти, лежати) и проявления существования (имати).

Разнообразие структурных разновидностей позволяет дифференцировать типы пространственных отношений, которые устанавливаются между субъектом и локумом. В соответствии с описанной ранее классификацией способов реализации локализации И. А. Мельчука, мы выделяем девять классов моделей: инэссивные, суперэссивные, субэссивные, антеэссивные, постэссивные, адэссивные, апудэссивные, интерэссивные, циркумэссивные. Большинство из этих классов представлены в тексте памятника реализациями одной или нескольких ТСС. В параграфах 1.1.1 – 1.1.7. мы охарактеризуем каждую из групп моделей, прослеживая характерные структурные и семантические особенности на примерах.

1.1.1. Инэссивные модели

Группа инэссивных моделей представлена в тексте наиболее широко, как в количественном отношении, так и с точки зрения структурных разновидностей. Общее пространственное значение ‘субъект находится во внутренних пределах локализатора’ реализуется в четырех различных ТСС:

$$\begin{array}{l}
 N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\
 N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в } \text{внѣтрѣ/внѣтри оуду} \\
 N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}, N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ посрѣдѣ/спосрѣдѣ } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\
 N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ о } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} .
 \end{array}$$

Типичным способом передачи инэссивной семантики является форма локативного падежа существительного в сочетании с предлогом **в**: реализации ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$ составляют 80% от данного сегмента выборки и отличаются разнообразием в разновидностях локумов, с которыми у субъекта устанавливаются пространственные отношения, в то время как остальные структуры представлены ограниченным числом более однотипных контекстов.

В качестве локума может выступать объект (как правило, артефакт) с выраженными физическими границами и полым внутренним пространством, которое вмещает в себя субъект. В таких случаях особенно частотно появление в позиции локализатора имен, относящихся к лексико-семантическим группам ‘постройки’ и ‘ёмкости’:

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$: *сѣдѣхъ емѣ в чертозѣ с невестой* ‘когда он сидел в чертоге в невестой’, *но яко злато в печи* ‘но как золото в печи’, *и масла в ѣздѣхъ нашихъ възати* ‘и масла [которое находится] в сосудах наших взять’, *и помани в гробѣхъ лежащихъ* ‘и вспомни о лежащих в гробах’, *в монастыри своемъ пребываше же братъ* ‘в монастыре своем пребывал брат’, *в вѣтцихъ и поплѣхъ ходѣхъ* ‘в рубище и пепле ходящего’.

Другую разновидность ТСС образуют примеры, где локум представлен массой однородных предметов, разделенных между собой промежутками, в которых и располагается несинкретичный субъект. Характерной особенностью данной группы является разнообразие типов субъектов — собирательные существительные, одушевленные и неодушевленные конкретные существительные в форме множественного числа, наименования сил:

яко терныи и волчець в сѣмени добръѣ ‘как тернии и волчец [которые находятся] среди хороших семян’, и в частотахъ листвѣи его чада ехиднова ‘и в частой листве его [сидят] детеныши ехидны’, и разгорѣшѣи яко ѿгнь в тернии ‘и разгорелся как огонь в тернии’.

В некоторых случаях предмет, занимающий позицию локализатора, не имеет структуры вместилища, но обладает способностью выступать в роли физической границы, очерчивая ту часть пространства, в которой замкнут субъект:

ни ѿдолѣеть емѹ яко связанѹ въ веригахъ ‘не победить ему, связанному в цепях’, да не ѿвѣзнѹ в сѣти ‘да не увязну в сети’.

Отдельную группу составляют контексты, где позицию локализатора занимают соматизмы:

верьвна сѣщаго ми в очесѣ ‘бревна, находящегося у меня в глазу’, хлѣбъ в рѹкахъ ихъ ‘хлеб в их руках’, и пламы вѣдетъ въ ѹстехъ твоихъ ‘и пламя будет в устах твоих’, не во плѣти ли еси нареди ‘не во плоти ли [ты] родился’, дондеже естѣ во плоти ‘до тех пор пока [вы есть] в плоти’, въ плоти ходяще ‘в плоти ходя > некто ходит [будучи] во плоти’.

В приведенном блоке примеров в роли субъекта выступают не только наименования инородных по отношению к телу предметов и сил, но также личные местоимения и одушевленные имена в сочетании с локумом *плоть*. Допустимость таких конструкций выявляет специфическое восприятие человека в христианском мировоззрении как сущности, автономной по отношению к своей телесной оболочке и способной существовать вне ее пределов. В примерах типа *не во плѣти ли еси нареди*, *дондеже естѣ во плоти* человек в том виде, в котором он существует в осязаемой реальности, рассматривается как совокупность материального локума и нематериального духовного начала, между которыми устанавливаются пространственные отношения; таким образом, разрушается фундаментальное пресуппозиционное представление о человеке как физически-ментальной целостности. В отличие от контекстов, которые будут описаны в следующем разделе, данные ЭПП представляют собой не результат применения распространенного метафорического механизма, базирующегося на отчуждении некоторых внутренних процессов от лица, которое их испытывает, но иллюстрацию глубинной дихотомии физической и духовной реальностей, которая прослеживается по всему тексту «Паренесиса».

В приведенных выше контекстах позицию сирконстанта замещают конкретные или вещественные существительные, однако не менее

регулярны и локализаторы с более абстрактной пространственной семантикой. Границы локума в таких случаях условны и слабо вычленимы, специфическая геометрия отсутствует. Максимальную степень абстракции представляет лексема *мѣсто*, которая, как правило, сопровождается распространителями, дополняющими информацию о локации:

мы же непокорн въ тѣснѣхъ мѣстѣхъ бѣдемъ ‘мы же, непокорные, в тесных местах будем’, *в мѣстѣ лицѣ бывають* ‘[некто] в лихом месте бывает’.

Более содержательны в контексте локативной ситуации существительные, относящиеся к лексико-семантической группе ‘населенные пункты’ (*земля, страна, вѣсь*), наименования природных зон (*пѣстыня*), имена собственные, называющие географические объекты (*Содомъ*), и прочие разновидности обширных пространств, не имеющих явно определенных физических границ:

и виноградъ во инои земли ‘и виноград [который растет] в других землях’, *оуноша етеръ бѣ въ странѣ иетерѣ* ‘некоторый юноша был в некоторой стране’, *и сѣдѣшю время иетеро в пѣстыни* ‘и сидящему в пустыне некоторое время’, *неполезно вамъ исть во вѣсѣхъ ходити* ‘вредно вам ходить в лесах’, *Лотъ в содомѣ живѣше* ‘Лот в Содоме живущий’.

Наконец, следует особо выделить группу ЭПП, в которых в качестве локума выступает стихия (*огонь, вода, пѣчина*):

себе же оканьнии во огни негасимѣмъ ‘себя же, окаянных, [видя] в огне неугасимом’, *пакы же корабль в пѣчинѣ нѣсили видѣлѣ* ‘корабль [который плавает] в пучине [ты] разве не видел’, *иже зимѣ яко лѣтѣ скончавють въ водѣ* ‘и зимы, и лета проводят [находясь] в воде’.

Главной особенностью ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}}$ *внѣтрѣ оудѣ* $N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$ является ее структурная сложность: формально позиция локализатора оказывается заполненной именным словосочетанием, в котором предложнопадежная словоформа *внѣтрѣ оудѣ* управляет лексемой, несущей в себе основную информацию о локуме:

створи же инѣ келию малѣ внѣтрѣ оудѣ первыи ‘[он] сделал другую, маленькую келью внутри первой’; *и се оуже внѣтрѣ оудѣ красѣеться* ‘и это уже внутри красуется’, *яко имашн внѣтрѣ оудѣ стрѣпы* ‘у тебя внутри струпья’.

Однако расширение формальной структуры ЭПП не сопровождается осложнением плана содержания: существительное *оудѣ* (‘кусоч’, ‘часть тела, член’ [Срезневский 1989: ст. 1155–1156], ‘орган’ [Цейтлин 1994: 729–730]) в конструкциях такого типа, по всей видимости, следует считать десемантизированным. При сохранении лексического значения сочетаемость свойства существительного сделали бы его появление в

контекстах и ее уже внутри $\delta\delta$ краснотеся, створи же инд келию малл⁸ внѣтрѣ оудѣ⁸ первыи, где речь идет о помещениях и жилых пространствах, невозможным. Аналогичным образом его употребление в контексте $\text{яко имаши внѣтрѣ оудѣ}$ стѣпы допустимо, но контекстуально неоправданно. Следовательно, мы должны заключить, что осложнение структуры дополнительным элементом может объясняться внеязыковыми факторами, наиболее вероятным из которых является влияние греческого текста.

С точки зрения выражаемого пространственного значения рассмотренная группа однородна: все примеры описывают ситуацию размещения нерасчлененного субъекта во внутреннем пространстве локума, имеющего форму вместилища.

В ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{посреѣдѣ/посреѣдѣ} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$ базовое инэссивное значение, как правило, осложнено дополнительными пропозитивными или припропозитивными смыслами:

$\text{выша же двѣрца малы посреѣдѣ ен}$ ‘у нее [кельи] в середине была маленькая двѣрца’ – в данном случае, помимо констатации факта пребывания субъекта во внутренних пределах локума, определяется также и его положение относительно границ. Обобщенное значение ЭПП может быть сформулировано как ‘субъект находится в центральной части внутреннего пространства локума’.

$\text{и посреѣдѣ[ѣ] огна}$ ‘и посреди огня [некто находится]’ – локум огонь не имеет выраженных геометрических характеристик, которые позволили бы выделить в нем центральную часть, поэтому употребление предлога посреѣдѣ , вероятно, объясняется стремлением охарактеризовать количественный аспект локативной ситуации: субъект находится в огне, занимающем более обширное пространство, чем он сам, целиком, не выходит за его пределы.

ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{о} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$ представлена в тексте памятника единственным примером: $\text{яко зѣмля ѿѣана не можетъ възпитати о собѣ плодовѣ}$ ‘засеянная земля не может вскормить в себе плодов > засеянная земля не может вскормить плодов, которые [растут] в ней’, в котором между локумом-субстанцией зѣмля и субъектом плоды устанавливаются типичные для инэссивных конструкций отношения. Недостаточный объем данного сегмента выборки не позволяет выявить специфические характеристики данной структуры.

1.1.2. Суперэссивные модели

Суперэссивные модели представлены реализациями следующих ТСС:

$$\begin{array}{l} N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ на } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ вверху } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ сверху } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \end{array}$$

Две последние модели, по всей вероятности, состоят в отношениях структурной вариативности, так как их типовое значение не обнаруживает существенных различий, а планы выражения практически идентичны, за исключением одной фонемы. Общее для всех перечисленных типовых структур мы определяем как ‘субъект располагается на поверхности локума’. Как и в группе инэссивных моделей, в количественном отношении ТСС отражены в тексте памятника неравномерно: основной массив ЭПП данного типа составляют реализации ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ на } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$, в которых наиболее широко представлены возможные формы воспроизводства базового типового значения, прочие же структуры встречаются не так регулярно. Соответственно, мы сосредоточим внимание, прежде всего, на описании конструкций вида $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ на } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$, а затем кратко охарактеризуем прочие примеры.

В наиболее стандартном виде суперэссивное значение воплощается в тех случаях, когда субъект – лицо, животное или предмет – локализуется на верхней поверхности материального, геометрически детализированного в сознании носителей языка локума:

о чудо братья в... на земли лѣгании тѣла его ‘о чудо, братья, в на земле лежании его тела > братья, чудесно то, что его тело лежало на земле’, и сѣде на одрѣ ‘и сел на одре’, и рогозинѣ на ней же почиваше ‘и рогожу – на ней он спал’, на главѣ цркви снати не может ‘на куполе церкви снать не может’, иного на столпѣ стояща ‘другого, на столпе стоящего’, како стати на вышней ступени ‘как встать на самой высокой ступени’, аспида люта на гнѣздѣ своемъ ‘лютый аспид на своем гнезде’ и поставь свѣтило. и свѣци горящую на немъ ‘и поставил светильник, а на нем – горящую свечу’.

Та часть локума, которая маркируется как ‘верх’, может представлять собой плоскость (рогозина, ступень) или точку (на кѹполѣ); существенным является лишь то, что расстояние от нее до основания объекта составляет максимальное измерение предмета по вертикали. Как

правило, субъект помещается на поверхности целиком, однако зафиксированы и примеры более сложных с точки зрения пространственной конфигурации ситуаций:

видиши ли ѿ члѣче пречѣстаго влѣды на крѣстѣ висима ‘видишь ли, о человек, пречистого владыку, повешенного на кресте’.

В данном случае субъект контактирует преимущественно с одной из боковых граней локума, однако употребление глагола **висѣти**, причастная форма которого занимает позицию предиката, устанавливает и подчеркивает тот факт, что некоторая часть субъекта проходит через верхнюю грань локума, что обеспечивает фиксацию его положения в пространстве.

Однако случаи, когда субъект контактирует именно с верхней поверхностью локума, являются лишь частным проявлением типового суперэссивного значения. Нередко реализации ТСС описывают ситуации, где пространственное отношение устанавливается между субъектом и поверхностью локума в самом общем смысле, и суперэссивное значение, таким образом, складывается из совокупности соппространственности и невхождения во внутренние пределы локума. Особенно это характерно для ЭПП, в которых в роли локализатора выступают соматизмы:

и аще кто имать на лѣбѣ печать на челѣ и на десницѣ ‘и если у кого-то есть печать на лбу и на правой руке’, ищезають бо младенци на лонѣ матеремъ ‘исчезают младенцы [лежащие] на груди у матерей’, на цѣстахъ трѣпни ‘на улицах трупы’.

Как и в инэссивных конструкциях, в данной группе моделей также распространены локумы с неопределенными пространственными характеристиками. Так, в ряде контекстов встречается уже упоминавшийся семантически пустой локализатор **мѣсто**, а также **земля** (в значении ‘мир’, ‘вселенная’):

на мѣстѣ идеже прежде украдено быѥ сокровище ‘на месте, где до этого было украдено сокровище’, станѣть немилѣстивн на всакомъ мѣстѣ ‘станут немилостивые везде’, землю и иже на ней златѣ и сребро ‘землю и все золото и серебро, что на ней’.

Во избежание коммуникативной недостаточности подобных ЭПП, локумы с абстрактной семантикой, как правило, нуждаются в распространителях, конкретизирующих информацию о локации. В некоторых случаях появление распространителей сопровождается редукцией – менее информативно значимое главное слово опускается, в то время как распространяющее его прилагательное субстантивируется.

Результатом становятся конструкции, в которых локализатор выражается абстрактным именем с семантикой признака:

но кѹдѣши ꙗко ѡрелъ на высотахъ парѣ ‘но будешь как орел, парящий на высоте’.

К ним примыкают примеры, где в качестве локализаторов выступают существительные лексико-семантической группы ‘место с определенным назначением’, словообразовательная структура которых включает корень, несущий в себе информацию о действии-предназначении, и суффикс -лиц-/-лиц- – вспомогательный выразитель пространственной семантики. Редукция пространственного компонента, таким образом, происходит не на синтаксическом, но на словообразовательном уровне:

и чада на кѹпѣлицихъ [ѹмирають] ‘и дети умирают на местах для купания’, и на сѣдалици губительне сѣде ‘и сел на губительном сидении (месте для сидения)’.

В реализациях ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{верх}^{\delta} N_{Gen}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{сверх}^{\delta} N_{Gen}^{Loc}$, аналогично базовой разновидности реализаций структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на } N_{Loc}^{Loc}$, пространственные отношения в большинстве случаев устанавливаются между лицом и верхней плоскостью локума, однако принципиальное отличие заключается в необязательности наличия физического контакта между ними:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{верх}^{\delta} N_{Gen}^{Loc}$: и верхъ ихъ инѣ двѣ лицѣ ‘и сверху их другие два лица’), ѹмирають же пакѣ мѣти верхъ отроча те ‘умирает и мать поверх тех детей’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{сверх}^{\delta} N_{Gen}^{Loc}$: лице же они двѣ сверхъ сѣтыя трапезы ‘два лица же сверху от святой трапезы’.

В то же время, как можно заключить из примеров, применение этих ТСС к ситуациям, где субъект и локум соппространственны, также вполне допустимо (ѹмирають же пакѣ мѣти верхъ отроча те); более того, информация о наличии или отсутствии контакта извлекается из контекста, не получая выражения грамматическими или синтаксическими средствами. В этом единственном отношении ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{верх}^{\delta} N_{Gen}^{Loc}$ более универсальна, чем $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на } N_{Loc}^{Loc}$.

В целом, суперэссивные модели отличаются широким спектром разновидностей пространственных отношений, подпадающих под базовую типовую семантику. Большинство из них описываются ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на } N_{Loc}^{Loc}$, однако своя семантическая специфика характерна и для реализаций остальных структур.

1.1.3. Антеэссивные модели

Антеэссивное пространственное значение ‘субъект находится у передней части локума’ находит выражение в двух ТСС:

$$\begin{array}{l} N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{предз} N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} N_{\text{Dat}}^{\text{Loc}} \end{array}$$

Реализации обеих моделей встречаются в тексте регулярно, хотя конструкции вида $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{предз} N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}}$ более распространены (около 65% от общего числа примеров). Несмотря на то, что эти две ТСС обнаруживают существенные структурные различия (в одной из них локализатор выражается предложной формой инструментального падежа, в другой – беспредложной формой дательного), по сути, они могут рассматриваться как семантически равнозначные. В том и в другом случае антеэссивная семантика связана со знаковым элементом *предз*, однако если в ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{предз} N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}}$ он канонически выступает как предлог, то в ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} N_{\text{Dat}}^{\text{Loc}}$, по всей видимости, ее производной, происходит инкорпорация пространственного значения в предикат, выраженный глаголом лексико-семантической группы ‘положение в пространстве’ (*стояти* > *предзстояти*, *сидѣти* > *предзсидѣти*), путем трансформации предлога в приставку, что, в свою очередь, приводит к изменению формы существительного в позиции локализатора. С точки зрения выражаемых пространственных отношений и закономерностей в подборе участников ситуации ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{предз} N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}}$ и $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} N_{\text{Dat}}^{\text{Loc}}$ практически эквиваленты, поэтому далее мы будем описывать характерные особенности, свойственные обеим, иллюстрируя каждое наблюдение двумя блоками примеров и оговаривая различия особо.

Для установления антеэссивного отношения между субъектом и локумом необходимо наличие у локума маркированного участка, который позволил бы определить одну из граней как переднюю, то есть ту, которая при нормальном положении дел должна быть обращена к воспринимающему. Одним из таких локумов является человеческое тело, представления о геометрии которого выстраиваются в соответствии с первичным опытом взаимодействия с миром. В большинстве примеров, где в роли локализатора выступает одушевленное существительное, позицию субъекта также занимает наименование лица:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{предъ} N_{Instr}^{Loc}$: стати предъ тобою и пред лицемъ любящихъ тѣ
 ‘встать перед тобой и перед лицом любящих тебя’, красотѣ показати предъ
 прильчившимися женами ‘красоту показать [находясь] перед попавшимися
 женщинами’, како плакахъся слезами предъ сѣми свидѣтели ‘как плакал слезами
 [стоя] перед святыми свидетелями’, яко гѣи нашъ зиждитель сы всѣхъ предъ
 канфои предъстоитъ днѣ ‘Господь наш, создатель всех, сегодня предстоит
 перед Каиафой’, предо всѣми немѣ поноситъ ‘поносит его [будучи] перед
 всеми’, ѿвергъся сотоны и дѣла его предъ многи послѣхи ‘отвергнул сатану и его
 дела [стоя] перед множеством свидетелей’.

Заметим, что в контексте яко гѣи нашъ зиждитель сы всѣхъ предъ канфои
 предъстоитъ днѣ наблюдается смешение двух структур – употребление
 глагола-предиката с приставкой предъ в сочетании с предложной формой
 локализатора. Пространственное отношение, таким образом, получает в
 конструкции избыточное выражение. Определенная семантическая
 избыточность обнаруживается также и в примере стати предъ тобою и пред
 лицемъ любящихъ тѣ, в структуре которого появляется дополнительный
 элемент лице, несущий в себе пресуппозитивно известную читателю
 информацию о геометрии человеческого тела (положение “перед
 человеком” подразумевает, что его лицо обращено в сторону субъекта).

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$: ни мѣти предъбѣдши ‘ни матери, сидящей перед
 [тобой]’ рабъ сѣдитъ а владѣка предъстоитъ ‘раб сидит, а владыка стоит [перед
 ним]’, бѣтнии и нищии предъстоятъ обздержими трепетомъ ‘богатые и нищие
 предстоят [кому-то], одержимые трепетом’.

В редких случаях в роли локумов также могут выступать
 неодушевленные имена:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{предъ} N_{Instr}^{Loc}$: лазарь же гноемъ лежаше предъ враты бѣлаго
 ‘Лазарь же в гное лежал перед воротами богача’, предъ дверни видѣ ю ‘перед
 дверями увидел ее > он увидел ее [стоящую] перед дверями’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$: цркви предъстоитъ ‘стоя перед церковью’.

Из приведенных контекстов можно заключить, что другую
 категорию локумов, геометрические характеристики которых в
 достаточной степени детализированы в сознании носителей языка, чтобы
 рассматриваться как несимметричные, обладающие маркированной
 стороной, в тексте «Паренесиса» составляют имена со значением построек
 (церковь) и отдельных частей построек (врата, двери).

Наконец, в выборке также встречаются антеэссивные конструкции, в
 которых конкретные и вещественные существительные выступают в роли
 субъектов:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **пѣдѣ** N_{Instr}^{Loc} : огонь пѣд нимъ възгоритсѣ ‘огонь возгорится перед ним’, рѣка огньна течетъ пѣдѣ нимъ ‘огненная река течет перед ним’, пѣть твои направленъ бѣдетъ пѣд ногама твоима ‘путь твой будет направлен у тебя перед ногами > кто-то сделает так, что твой путь будет лежать у тебя перед ногами’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$: **предлежащихъ ѣмѣ** бращенъ ‘пищи, лежащей [перед ним]’.

Как следует из рассмотренных примеров, отличительной чертой группы антеэссивных конструкций является единообразие в заполнении непредикатных позиций: в большинстве случаев в ролях субъекта и локума выступают имена с семантикой лица, имена собственные и личные местоимения. Случаи появления в одной из семантических ролей неодушевленных предметов, субстанций или сил в ЭПП данного типа крайне редки; примеров, где они замещали бы обе непредикатные позиции, в выборке не зафиксировано.

1.1.4. Субэссивная модель

Конструкции с субэссивным значением ‘субъект находится под нижней гранью локума’ практически не представлены в тексте памятника. Выборка содержит только один подобный пример – реализацию ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **подѣ** N_{Instr}^{Loc} : **подѣ ярмомъ бѣщъ** ‘под ярмом будучи’. Типовое пространственное значение представлено в данном контексте в своем базовом виде, так как позиции субъекта и локализатора замещены в нем именами с конкретной семантикой, причем локум, референтный лексеме **ярмо**, обладает несимметричной структурой, позволяющей выделить в нем нижнюю грань.

1.1.5. Интерэссивные модели

Данная группа объединяет в себе реализации двух ТСС с пространственной семантикой ‘субъект находится между фрагментами локума’:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посредѣ** N_{Gen}^{Loc}
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **между** N_{Gen}^{Loc}

Во всех зафиксированных примерах в роли локумов выступает множество однородных одушевленных или неодушевленных объектов, что обуславливает его фрагментарность, в роли же субъектов – преимущественно лица:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посредѣ** N_{Gen}^{Loc} : *прихожаше блаженни і молашеѣ ѿ посредѣ идолѣ* ‘блаженный приходил и молился Богу [стоя] посреди идолов’, и *отроча же постредѣ ію* ‘и отрок посреди их двоих’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **межю** N_{Gen}^{Loc} : *подавше іемѣ келью межю собою* ‘дав ему келью между собой > дав ему келью [которая была расположена] промеж [их келий]’, *межю же сими всѣми чюдеса и знаменья и устрашения творѣ* ‘[Антихрист стоял] между всеми теми [людьми], чудеса, знаменья и устрашения творя’.

Контекст и *отроча же постредѣ ію* ‘и отрок посреди их двоих’ выделяется среди прочих нетипичной пространственной организацией ситуации: локум здесь не состоит из множества элементов, но разделен на две части, между которыми и располагается субъект. Это обстоятельство маркировано только грамматически, формой двойственного числа у местоимения *ію*, замещающего позицию локализатора, тогда как на синтаксическом уровне различие между фрагментарным и двухчастным локумом не получает выражения языковыми средствами (ср. с одноструктурным примером *прихожаше блаженни і молашеѣ ѿ посредѣ идолѣ*, содержащим стандартный фрагментарный локум).

1.1.6. Апудэссивные модели

Наряду с инэссивным блоком, группа апудэссивных моделей насчитывает наибольшее количество структурных разновидностей. Апудэссивная типовая семантика ‘субъект находится рядом с локумом’ передается целым рядом ТСС:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **ѿ** N_{Gen}^{Loc}
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **при** N_{Loc}^{Loc} (а также ее беспредложным вариантом $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Loc}^{Loc}$)
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **близѣ** N_{Gen}^{Loc}

Подавляющее большинство ситуаций, референтных структурам $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **ѿ** N_{Gen}^{Loc} и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **при** N_{Loc}^{Loc} , представляются однотипными: роль субъекта выполняют лица и материальные объекты,

роль локума — исключительно материальные объекты с четко определенными физическими границами; при этом субъект не вступает в контакт с границами, но локализуется достаточно близко от локума, чтобы последний мог служить ориентиром для определения его местоположения:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ оу } N_{Gen}^{Loc}$: *видить жену стоацію оу кѣльи своіа* ‘видит женщину, стоящую у его кельи’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ при } N_{Loc}^{Loc}$: *оуже секира при корени дѣба лежить* ‘уже секира лежит возле корней дуба’; *при вратѣхъ бѣаго... лежа* ‘[Лазарь] лежал у ворот богатого’.

В том же виде базовую семантику воспроизводит и разновидность структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ при } N_{Loc}^{Loc}$ — $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$, в которой основная информация о локативной ситуации заключена не в локализаторе, а в предикате — глаголе с семантикой положения в пространстве, дополненной апудэссивным значением приставки *при-* (*прибѣдѣти*, *прилежати*). Аналогичный процесс был описан нами для антеэссивных ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ предѣзъ } N_{Instr}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Instr}^{Loc}$:

вѣмъ имъ прилежа ‘будучи [рядом] с ними всеми’, *ни болаща мене прискѣте* ‘и с больным со мной не сидели [рядом]’.

Однако трансформация предложного варианта модели в беспредложный происходит в данной группе не так единообразно. Помимо конструкций, где позиция локализатора замещена именем в форме дательного падежа, в тексте также occasionally фигурирует ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Loc}^{Loc}$, в которой исходный вид локализатора остается неизменным за исключением утраты предлога:

црквахъ прискѣдѣши ‘сидящие [при] церквях’.

Если все вышеописанные ТСС можно считать синонимичными с точки зрения передаваемой пространственной семантикой, структура $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ близъ } N_{Gen}^{Loc}$ обладает специфическим, более частным значением. Использование предлога *близъ* эксплицирует тот факт, что субъект и локум разделяет небольшое расстояние:

да идѣ вселитѣи близъ братья ‘да пойду поселюсь возле братьев’.

Таким образом, вариативность, характерная для апудэссивных моделей, затрагивает преимущественно план выражения синтаксических единиц, тогда как базовая семантика не претерпевает серьезных изменений в разноструктурных конструкциях. Исключение составляет только ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ близъ } N_{Gen}^{Loc}$, в которой повышенную значимость приобретают количественные характеристики пространственной ситуации.

1.1.7. Циркумэссивные модели

Для данной группы структур пространственные отношения, в которые вступают субъект и локум, определяются как ‘субъект окружает локум со всех сторон’. Это типовое значение в равной степени передается двумя ТСС:

$$\begin{matrix} N_{Nom}^{Ex} & V_f^{Ex} & \circ & N_{Loc}^{Loc} \\ N_{Nom}^{Ex} & V_f^{Ex} & \text{окрѣть} & ADV^{Loc} \end{matrix}$$

Однако их реализации обнаруживают существенные различия в структурных и геометрических характеристиках субъектов и локумов.

Так, типичным примером конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \circ N_{Loc}^{Loc}$ является контекст *но и желе́за имѣть о вы́хъ сво́ихъ* ‘но и железо у них вокруг шеи > что-то железное [оборачивается] вокруг их шей’. Специфика передаваемой в нем разновидности циркумэссивного значения заключается в том, что нерасчлененный субъект, выраженный вещественным существительным *желе́зо*, окружает локум *шеи*, повторяя очертания границ последнего – именно совпадение их форм делает эту пространственную ситуацию возможной. Это один из немногих случаев в выборке статальных изосемических конструкций, когда информация о геометрических характеристиках субъекта оказывается настолько же актуальной для характеристики пространственного отношения, как и информация о геометрических характеристиках локума.

Иные пространственные конфигурации характерны для ситуаций, которые находят выражение в реализациях ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{окрѣть} ADV^{Loc}$:

станѣть окрѣтъ знаями мои ‘встанут вокруг те, кого я знаю’; *окрѣтъ бо его вѣръ велика, трѣси, страхи, трѣскания* ‘вокруг него сильная буря, землетрясения, бедствия, трещины’.

Единственной значимой характеристикой субъекта в данных примерах является его расчлененность, позволяющая рассеиваться по пространству вокруг локума, не концентрируясь у определенной его стороны; при этом соответствующую синтаксическую позицию могут занимать существительные различных семантических категорий – как конкретные, в форме множественного числа (*знаями*), так и более абстрактные наименования явлений природы (*вѣръ*), конкретные физические границы которых неопределимы.

Соответственно, в круге циркумэссивных конструкций структурные различия отражают несовпадение параметров отображаемых пространственных ситуаций.

* * *

Итак, мы охарактеризовали каждую из групп ЭПП с точки зрения как многообразия выражаемых смысловых нюансов, связанных с различными типами субъектов и локумов, так и парадигматических отношений, устанавливающихся между структурами внутри одной группы. Однако анализ конструкций с пространственной семантикой был бы неполным без обращения к другому крупному блоку контекстов с пространственной семантикой, которые описывают ситуации, не принадлежащие к физической сфере.

1.2. Изосемические реализации структур вне физической сферы

Как было отмечено выше, бытийно-пространственное значение реализуется в чистом виде только в физической сфере; при применении ТСС данного блока для описания ситуаций, принадлежащих другим сферам, базовая семантика в большей или меньшей степени метафоризируется. Однако в «Паренесисе», как и других древнерусских религиозных текстах, структура мира выстраивается специфическим образом: в ней появляется особый пласт реальности, который не представляется возможным отнести к одной из выделяемых лингвистами сфер. Этот пласт реальности (в дальнейшем – над-реальность), на котором человек и нематериальные сущности – Бог, дьявол, ангелы, умершие – соприкасаются и вступают в различные виды взаимодействия, в том числе и физического, последовательно противопоставляется в тексте материальному миру, однако имеет с ним ряд общих черт. В частности, между элементами над-реальности также устанавливаются разнообразные пространственные отношения, образующие разветвленную систему. Реализации ТСС существования и местонахождения регулярно появляются во фрагментах, повествующих о нематериальном мире.

В заполнении синтаксических позиций ТСС в этой группе контекстов прослеживаются определенные закономерности. Позиция предиката заполняется глаголами из типичных для статального блока

лексико-семантических групп – бытия (быти), местоположения (обретисл) и начала, положения в пространстве (сѣдѣти, предѣстоити, стати), ненаправленного движения (лѣтити). Однако круг возможных участников ситуации оказывается значительно уже, чем представленный реализациями ТСС в физической сфере, и ограничивается следующими группами:

– лица (праведник, слуга, человек, чернец, свѣтон, также частотны случаи выражения личными местоимениями);

– антропоморфные нематериальные сущности (ангелъ, архангелъ, хѣрѣвимъ, сѣрафимъ, Богъ/Христосъ и все связанные иносказательные обозначения – сѣды, отецъ, всевышнии);

– ограниченный набор предметов, соотносимых с существующими в материальном мире (престолъ, облако, лоно);

– овеществленные абстрактные понятия, которые существуют на том же уровне абстракции, что и вышеперечисленные элементы над-реальности, и, соответственно, обретают способность вступать с последними в пространственные отношения (грѣхъ, даръ, дѣло);

– пространства с размытыми геометрическими характеристиками (сѣднице, адъ, рай и все связанные иносказательные обозначения – вышнии градъ, царство (небѣсноє), нѣбеса).

Существительные из последней группы выступают в ЭПП исключительно в роли локумов, все прочие могут занимать позицию как субъекта, так и локализатора.

Однако, несмотря на недостаточную детализированность и определенную условность нематериального пласта реальности, он также активно организуется в терминах пространственных отношений. Блок ЭПП, описывающих ситуации над-реальности, включает те же семантические типы, что и ЭПП, реализующиеся в физической сфере. Исключение составляет только субэссивная модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ подъ } N_{Instr}^{Loc}$, слабо представленная в физической сфере и полностью отсутствующая в ее нематериальной надстройке. Прочие же модели – инэссивные, суперэссивные, антеэссивные, интерэссивные, апудэссивные и циркумэссивные – находят отражение в обоих сегментах выборки. Приведем примеры конструкций, описывающих все эти типы пространственных ситуаций в над-реальности:

1) инэссивные модели:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: праведнии яко свѣтъ просияша въ небѣньмъ црѣствии ‘праведники, как свет, просияли в небесном царстве’, оугодившихъ ти [чернецъ] въ рай радѣющихъ ‘угодивших тебе чернецов, радующихся в раю’; и въ

вышнимъ градѣ идеже вси сѣни мои почиваютъ идѣже лица и чинове праведныхъ идѣже лоно авраамѣ идѣже превѣнецъ ‘и в небесном граде, где все святые мои покоятся, где [находятся] лица и чины правдеников, где [находится] лоно Авраама, где [находится] первенец’; тако и многи обители въ црѣствѣи небѣнѣмъ ‘так и обителей в царстве небесном много’; ѡвца в адѣ положени сѣть ‘овцы, поселенные в аду’, дрѹгыи же в облацѣхъ летѹща ‘другие же в облаках летящие’.

и рѣи ѡверзесѣ намъ и вышнии пѹть на нѣбо показасѣ в сѣмъ ‘и рай открылся нам, и в нем показался высокий путь на небо’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ посредѣ N_{Gen}^{Loc} : все члвчѣство аще посредѣ црѣства и сѣда ‘все человечество [стоит] посреди царства и суда’;

2) суперэссивные модели:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ на N_{Loc}^{Loc} : смрѣтью поставити на сѣдици страшнѣмъ ‘поставить нас на месте Страшного суда, после того как мы умрем’; и на небѣхъ почивамъ ‘и на небесах почивая’; обратисѣ и стати на сѣдици хѣвѣ ‘собраться и встать на месте суда Христова’; оѣца моего сѣщаго на небѣхъ ‘отца моего, сущего на небесах’; тогда сѣдетъ на прѣстѣ ‘тогда сядет на престоле’; гѣи же нашъ на облацѣхъ ‘Господь же наш [живет] на облаках’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ надъ N_{Instr}^{Loc} : также надъ сѣдомъ стоять ‘которые над судом стоят’; каци сѣтъ ангѣли надъ мѣками ‘какие ангелы [пребывают] над теми, кто мучается’;

3) антеэссивные модели:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ предъ N_{Instr}^{Loc} : И принеси ѡбѣ вкѹпѣ. Оѣю си страшномѹ и прѣстомѹ. Прѣдъ ангѣлы и архангѣлы. Херѹвими и сѣрафими ‘и принеси обе вместе страшному и пречистому отцу перед ангелами и архангелами, херувимами и сѣрафимами’; и явѣтьсѣ предъ страшнымъ сѣдѣю ‘и явятся перед страшным судьей’; предъ сѣтымъ престоломъ... предѣстотати ‘перед святым престолом предстоять’; си дарове блгѣтне бывають предъ нимъ ‘эти благодатные дары бывают перед ним [Богом]’; и сѣверѹтъсѣ предъ нимъ вси ѣзыци ‘и соберутся перед ними все народы’; и что ѡтѣвѣщаю предъ сѣдищемъ хѣвѣмъ ‘и что отвечу перед собранием суда Христова’, вси поклонимсѣ предъ гѣомъ ‘все поклонимся, [стоя] перед Господом’, каждо ко видѣть своѣ дѣла стоѣща предъ лицемъ иѣго ‘каждый видит свои дела, стоящие перед его лицом’;

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$: егда же предѣстоѣши гѣви съ страхомъ и трепетомъ предѣстѣи иѣмѹ ‘когда же стоишь перед Господом, со страхом и трепетом стой перед ним’; блжѣни иѣлико тогда предѣстѣи съ дерзновениемъ сѹдѣни ‘блаженны тогда те, кто с отвагой стоит перед судьей’; иде же предѣстѣи тысѣща тысѣщами. І тмы тмами сѣхъ ангѣлъ и архѣнгѣлъ и всѣ силы небесныѣ. ‘[там], где стоят

[перед тобой и Господом] тысячи тысяч и десятки десятков тысяч святых ангелов и архангелов и все силы небесные’;

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **протѣвъ** N_{Dat}^{Loc} : **кождо протѣвъ своимъ грѣхомъ** ‘каждый напротив своих грехов’;

4) интерэссивная модель:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посрѣдѣ** N_{Gen}^{Loc} : **сияеть посрѣдѣ ангѣлъ бни** ‘сияет посреди ангелов божьих’;

5) апудэссивная модель:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **съ** N_{Instr}^{Loc} : **но акы съ бѣмъ водворѣтьсѧ** ‘но будто с Богом поселяется’, **со ангѣлы водворѣтъ** ‘но словно с ангелами поселяется’, и **с нимъ хѣ не вѣдворѣтъ** ‘и с ним Христос не обитает’, **да не обращешиѧ тамо с вѣсовскими слѣгами** ‘да не окажешься там со слугами беса’;

6) циркумэссивная модель:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **окрѣтъ** N_{Loc}^{Loc} : **ангѣли и архангѣли окрѣтъ его** ‘ангелы и архангелы вокруг него’, **ангѣльскими силы предѣстоѧща окрѣтъ** ‘множество ангелов стоит вокруг [Бога]’.

Сопоставляя эти контексты с описанными выше примерами реализаций ТСС в материальной физической сфере, мы можем отметить некоторые закономерности в конфигурациях пространственных ситуаций и способах их описания, которые отличают эти две группы.

1) Для пространственных ситуаций в над-реальности характерна однородность: в большинстве примеров местоположение субъекта-лица определяется относительно других лиц или антропоморфных существей, если же позиция локализатора заполняется неодушевленным существительным, как правило, они представляют собой наименования обширных пространств с размытыми границами. В отличие от ситуаций физической сферы, круг локализаторов практически не включает в себя материальные объекты со сложными геометрическими характеристиками, что значительно сокращает разнообразие частных видов пространственных ситуаций внутри каждого семантического типа. Следует также отметить, что в над-реальности фигурирует группа объектов – овеществленных абстрактных понятий, информация о геометрии которых отсутствует как в тексте памятника, так и в пресуппозиции читателя.

2) Количественное соотношение семантических групп моделей в данном блоке примеров сохраняется: наиболее частотны инэссивные, суперэссивные и антеэссивные конструкции, в то время как апудэссивные представлены не так широко, а интерэссивные и циркумэссивные исчисляются небольшим количеством контекстов.

3) Списки конкретных структур, реализации которых наличествуют в выборке, существенно различаются для сфер физической и нематериальной реальности.

Данные о том, какие ТСС применяются для описания различных типов пространственных ситуаций, в зависимости от сферы их реализации, суммированы в таблице 1.

Таблица 1

Структуры, описывающие статические пространственные ситуации физической реальности и над-реальности

Группа моделей	ТСС, реализующиеся в физической сфере	ТСС, реализующиеся в над-реальности
Инэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{в} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{посредь} N_{Gen}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внутри/вне} N_{Loc}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{в} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{посредь} N_{Gen}^{Loc}$
Суперэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вверх} N_{Gen}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{сверху} N_{Gen}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{над} N_{Instr}^{Loc}$
Антеэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{перед} N_{Instr}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{над} N_{Dat}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{перед} N_{Instr}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{над} N_{Dat}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{против} N_{Dat}^{Loc}$
Интерэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{посредь/спереди} N_{Gen}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{между} N_{Gen}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{посредь} N_{Gen}^{Loc}$
Апудэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{от} N_{Gen}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{при} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Loc}^{Loc}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{от} N_{Instr}^{Loc}$
Циркумэссивные	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{около}$ $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{о} N_{Loc}^{Loc}$	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{около}$

События физической реальности описываются более широким набором структур, чем события над-реальности, однако в своих основных семантических подгруппах последние также обнаруживают тенденцию к структурной дифференциации, применяющейся как в целях экспликации определенных значимых аспектов пространственной ситуации (информации о соппространственности / несопространственности субъекта и локума, факта равноудаленного расположения субъекта относительно границ ло-

кума), так и для экономии речевых усилий (трансформация предложных структур в беспредложные). Списки ТСС для физической сферы и над-реальности различаются не только количественно, но и в отношении состава; в частности, группа ЭПП, описывающих над-реальность, содержит ряд структур, соответствий которым мы не находим среди реализаций в физической сфере. Так, для выражения суперэссивных непространственных отношений субъекта и локума в одном из фрагментов, описывающих над-реальность, употребляется структура $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ над } N_{Instr}^{Loc}$ вместо синонимичной ей $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ сверх } N_{Gen}^{Loc}$, а в группе ЭПП с антеэссивной семантикой появляются конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ против } N_{Dat}^{Loc}$, отсутствующие в других сегментах выборки. Наиболее значительные различия наблюдаются в круге апудэссивных ЭПП: списки структур не имеют пересечений, и если пространственные ситуации физической сферы определяются при помощи целого ряда ТСС, между которыми устанавливаются отношения как синонимии, так и смысловой дифференциации, то в группе примеров, реализующихся в над-реальности, фигурирует только одна структура – $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Instr}^{Loc}$. При этом предикаты в реализациях последней преимущественно относятся к лексико-семантической группе глаголов длительного или постоянного пребывания в локации, что сближает их с описанными далее ЭПП социального состояния (см пункт 1.1 следующего раздела). Апудэссивные конструкции, таким образом, представлены в группе ситуаций над-реальности нетипичными примерами, пространственная семантика в которых существует не в чистом виде.

Подводя итог сопоставлению двух сфер, мы можем заключить, что для обеих характерно обилие и разнообразие пространственных ситуаций. Однако по причине того, что локумы над-реальности представлены замкнутой группой объектов и пространств с упрощенной геометрией, для описания пространственной организации этой сферы требуется более ограниченный набор языковых средств. Недостаточно выраженная специфика частных ситуаций внутри крупных семантических групп придает событиям над-реальности более абстрактный, условный характер.

1.3. Неизосемические реализации структур

В круге статических структур бытийно-пространственного блока семантические трансформации происходят регулярно: более чем половину (53%) соответствующего сегмента выборки составляют контексты,

семантика которых в большей или меньшей степени отклоняется от базового пространственного значения, осложняясь или видоизменяясь. Причины подобной трансформации плана содержания синтаксических единиц заключаются в особом характере лексического наполнения типовой структуры, при котором сбалансированность синтаксических и семантических аспектов не соблюдается. Наиболее распространенным отклонением от изосемического замещения ролей является появление в одной из непредикатных позиций лексемы с пропозиционной семантикой, что сопровождается усложнением семантической структуры и, как следствие, утратой элементарности. Однако в других случаях частичная подмена пространственного значения и перенос ситуации из физической сферы в прочие достигается без введения дополнительного пропозиционного значения. Данный раздел будет посвящен детальному описанию механизмов трансформации прототипической семантики как в элементарных, так и в неэлементарных синтаксических единицах.

1.3.1. Неизосемические реализации статических ТСС в ЭПП

1.3.1.1. ЭПП с семантикой социального отношения

В данной группе ЭПП к базовой пространственной семантике за счет заполнения позиций предиката и локализатора лексемами определенных лексико-семантических групп примешиваются смыслы, переносящие ситуацию в плоскость социальных отношений.

С точки зрения структурных типов данный блок примеров делится на три подгруппы, включающие реализации следующих ТСС:

$$\begin{array}{l} N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ } \text{ } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ } \text{ } N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ } \text{ } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \end{array}$$

Для них характерна общность в закономерностях замещения синтаксических позиций и связанных семантических процессах. Позиции субъекта и локализатора во всех контекстах замещают названия лиц, при этом в качестве предикатов в большинстве случаев выступают глаголы существования и местонахождения, в семантике которых содержится указание на длительное пребывание в пределах локума (жити, витати, вѣдѣвати):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Gen}^{Loc}$: и прилѣчить же емоу витати ѿ старецъ некихъ ‘и случится ему обитать у неких стариков’, тако же і самоилоу ѿ ильи пребываше ‘так и Самуил у Ильи жил’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Instrc}^{Loc}$: но члвци си с ними же і азъ живу ‘но эти люди, с ними ведь и я живу’, и брати твои иже сѣтъ с тобою ‘и братья твои, которые [находятся] с тобой’, с мѡжемъ же гнѣвливымъ не vzdvaranis ‘со вспыльчивым же человеком не поселяйся’, вса лѣта живота моего с ними бѣхъ ‘все годы жизни моей с ними был’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Loc}^{Loc}$: комѡждо аще і с праведными живеть или в грѣшники ‘некто с праведниками живет или с грешниками’; ни примѣсимъ сѧ в мѡжихъ ‘не смешаемся с людьми’.

Значение ЭПП во всех этих контекстах не исчерпывается идеей совместного пребывания в пределах некоторого пространства, но также включает в себя информацию о сопутствующих социальных соглашениях (так, появление в позиции локализатора предложной формы $\text{ } \text{ } N_{Gen}$ обозначает пребывание субъекта на территории, принадлежащей другому лицу) или социальных отношениях (ситуации, описываемые реализациями ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Instrc}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Loc}^{Loc}$, подразумевают не только пространственную близость между лицами, но и регулярный контакт между ними, влияние друг на друга). Пространственная семантика в этих конструкциях, таким образом, не трансформируется, но обогащается дополнительными нюансами смысла, что приводит к переносу ситуации из физической сферы в социальную.

1.3.1.2. ЭПП с семантикой духовного состояния

Другой механизм семантической трансформации основывается на совмещении в рамках одной ситуации обитателей материального мира и над-реальности. Существительные с семантикой лица или его части (дѡша, сердце), а также личные местоимения в подавляющем большинстве таких примеров выступают в качестве локумов, сущности же, не имеющие физического воплощения, представляются как субъект локализации:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ } \text{ } N_{Loc}^{Loc}$: дѡша во мнѣнии бѧ в себѣ ‘душа, имеющая в себе Бога’, дѡхъ же стоитъ въ сердцѣ ‘дух же стоит в сердце’, и створи обитель во мнѣ ‘и ты [Бог] создай во мне обитель’, дѡхъ сѡго живѡщаго в тебѣ ‘духа святого, живущего в тебе’, и дѡхъ правъ обнови во утробѣ моеи ‘и дух праведный обнови в утробе моей > обнови праведный дух, [который находится] в моей утробе’.

Так как субъект и локум существуют на разных планах реальности, установление между ними пространственных отношений фактически невозможно. Ярче всего такого представления ситуаций условность иллюстрирует фрагмент текста, в котором материальная и нематериальная сущности описываются как пребывающие относительно друг друга одновременно в двух взаимоисключающих пространственных ситуациях ('А находится во внутреннем пространстве Б, при том что Б находится во внутреннем пространстве А'):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$: *въ въѣѣ пребываетъ и ѣъ в немъ* 'в Боге пребывает, и Бог – в нем'.

Следовательно, мы должны заключить, что прототипическое значение в таких конструкциях заменяется семантикой иного типа – по всей вероятности, духовного состояния, так как в текстах, транслирующих устои христианской религии, состояние духовного облика человека определяется через его отношения с Богом. Неизосемическое применение бытийно-пространственной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$ для описания ситуаций такого рода связано, как мы предполагаем, с метафорическим переосмыслением идеи соппространственного расположения двух объектов в физической реальности как их единения, взаимопроникновения.

1.3.2. Неизосемические реализации статических ТСС в неЭПП

1.3.2.1. НеЭПП с семантикой состояния и деятельности

НеЭПП, планом содержания которых являются пропозиции состояния, представляют основной массив случаев неизосемической реализации статальных ТСС бытийно-пространственного блока (около 70% от общего числа примеров). Семантические трансформации, заключающиеся в утрате структурой пространственной семантики в пользу статальной, происходят в них, прежде всего, как результат появления в одной из непредикатных позиций абстрактного существительного, которое выражает в редуцированном виде типовую ситуацию, относящуюся к одному из двух классов: 'субъект испытывает нечто' и 'субъект обладает некоторым признаком'.

В качестве предикатов в развернутых конструкциях при этом регулярно выступают глаголы из тех же лексико-семантических групп, которые были перечислены ранее для физической сферы.

Имена с пропозиционной семантикой, встречающиеся в данном блоке примеров, принадлежат к разнообразным лексико-семантическим группам, что позволяет говорить не только о полном замещении пространственной семантики статальной, но и дальнейшей смысловой дифференциации внутри класса. В зависимости от лексического значения конкретных лексем, заполняющих позиции субъекта и локализатора, ТСС бытийно-пространственного блока могут выражать идею физиологического, эмоционального, интеллектуального или духовного состояния, а также физической деятельности. Ниже мы подробнее рассмотрим и охарактеризуем различные варианты заполнения непредикатных синтаксических позиций и сопутствующие им процессы метафорической трансформации.

1) Наиболее распространенной (47% от общего числа реализаций бытийно-пространственных ТСС с семантикой состояния) семантической комбинацией, вызывающей метафоризацию конструкций, является следующая: в качестве субъекта выступает лицо или его часть, в то время как локализатор представлен именем с абстрактной пропозиционной семантикой состояния. Состояние, таким образом, отделяется от лица-носителя как автономно существующая реалья и обретает черты локума: его темпоральные границы переосмысляются как физические, замыкающее определенное пространство. Связь субъекта и состояния определяется в терминах пространственных ситуаций: разные типы соппространственных отношений указывают на ту или иную степень вовлеченности, несопространственные отношения – на ее отсутствие. Подавляющее большинство контекстов такого типа составляют реализации ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{в} N_{Loc}^{Loc}$, однако встречаются и отдельные примеры других структур – $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{под} N_{Gen}^{Loc}$, в которой эксплицируется интенсивность переживаемого субъектом состояния, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{прочие} N_{Gen}^{Loc}$, выражающая идею несопространственности как непричастности.

НеЭПП, образованные по данной схеме, охватывают широкий семантический спектр. В позиции локализатора могут появляться существительные, принадлежащие к разнообразным лексико-семантическим группам, что приводит как к осложнению плана содержания, так и переносу из базовой физической в прочие сферы. Рассмотрим эти процессы на примерах:

а) осложнение семантики, не сопровождающееся переносом, происходит при заполнении позиции локализатора существительным со значением физической деятельности:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: доколѣ хощеши быти въ трудѣ ‘до тех пор пока хочешь быть в труде’, и станетъ на молитвѣ ‘и встанет на молитве’, и что створю азъ всакоу дѣтель блаживыи и ни въ единой же поживъ ‘и что делать мне, восхвалявшему всякое деяние, но ни в одном не пожившему?’, на службѣ хотя быти ‘на службе желая быть’, погубихомъ дни наша в лѣности мнозѣ ‘растратили свои дни в большой лени’, ни въ бранехъ привидѣныи оубо страшиса ‘и в битвах привидения не утрашись’, тако и мнихъ в пѣньи своемъ ‘так и монах в своем пении’, и потщавсѣ в добрыхъ дѣтелехъ просияти ‘и постаравшись в добрых делах просиять’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ прочее } N_{Gen}^{Loc}$: останѣмсѣ прочее сѣеты всакоу блѣтства и стажаньи и мирьскыхъ нечѣстотъ ‘останемся в стороне от суеты, богатства, стяжательства и мирских нечистот’.

К этой группе относятся также и конструкции, в которых в качестве локализатора выступают имена с событийной семантикой ‘отрицательное общее положение дел’ (бѣда, напасть):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: терпѣ в инѣхъ стрѣхъ и бѣдахъ ‘терпя [будучи] в таких страстях и бедах’, тако въ великахъ стрѣхъ и злкахъ ‘[пребывая] в больших страстях и несчастьях’, не презритъ брата в напастехъ ‘не отвергнет брата [который пребывает] в напастях’;

б) для реализаций ТСС в физиологической сфере преимущественно характерны локализаторы – образования от глаголов с семантикой физиологического состояния (мѣка, смѣрть, сонъ), а также образа жизни (пьянство); к ним примыкают контексты с локализаторами – девербативами с семантикой речевого воздействия (безмолвие, смѣхъ) или отадъективными существительными, характеризующими субъект с точки зрения его телесных ощущений (сытость, тѣснота):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: аще бо в колѣзни ‘если [кто-то пребывает] в болезни’, в мѣкахъ и пламенньѣ огни сжигаемъ вопиюще ‘в муках и пламени огня сжигаем с воплями’, дондѣже исмы во слабѣ ‘до тех пор пока мы [пребываем] в слабости’, иде же есть плачь и скрежетъ зѣвомъ ‘где плач и скрежет зубовой’, и сѣдъ въ безмолвии ‘и сел в безмолвии’, и жиша лѣта свои в сытости и пьянствѣ ‘и жил свои годы в сытости и пьянстве’, не бо видиши насъ въ коиемъ тѣснотѣ есмъ ‘разве ты не видишь нас, в какой мы тесноте [живем]?', въ смѣти бывша ‘в смерти побывавшего’, во инѣ мнозѣ дни свои препроважати ‘во сне проводит многие дни своей жизни’, блажи слезащен в ранахъ въ смѣртехъ

въ бѣдѣхъ въ алканѣхъ ‘блаженны плачущіе в ранах, в смертях, в бдениі, в жаждѣ’, в пици и въ смѣхѣхъ свершашеши лѣтѣ [ты] проводишь годы [пребывая] в [поедании пищи] и смехе’, ходившихъ въ дѣствѣхъ свѣтѣхъ ‘ходившіе в святой девственности > бывшіе девственными, что является святым’.

Отметим, что в некоторых случаях пропозиция физического состояния может выражаться устойчивыми словосочетаниями. К примеру, в неЭПП въ скрежѣхъ зѣвѣхъ бы ‘в скрежете зубовном был’ локализатор скрежѣхъ зѣвѣхъ метонимически подменяет лексему ‘боль’ как внешнее проявление, связанное с этим ощущением;

в) в конструкциях со значением социального состояния позицию локализатора заполняют синтаксические единицы, выражающие идею принадлежности к определенному сословию и соответствующему образу жизни. Это могут быть лексемы лексико-семантической группы ‘социальная группа’ (монашество, чернецство):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} въ N_{Loc}^{Loc}$: сѣдѣхъ ѿ лѣтѣхъ въ чернецѣхъ своемъ на единѣ рогозинѣхъ ‘сидевший пятьдесят лет в монашестве своем на одной рогоже’.

Однако намного чаще значение принадлежности к социальному классу или концессии выражается описательно – словосочетаниями с опорными компонентами житыѣ, чинѣхъ, санѣхъ и адъективным определителем, несущим в себе основную информацию о ситуации или отсылающим к ней:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} въ N_{Loc}^{Loc}$: не могу въ общѣи жити и сѣдѣти ‘не могу в общежитии жить и сидеть’; началъ еси пребывати въ мнишѣхъ жити ‘[ты] начал пребывать в монашеском житѣ’, егда же бѣхъ въ общѣи жити ‘когда же был в общежитѣ’, началъ еси пребывати въ мнишѣхъ жити ‘[ты] начал пребывать в монашеском житѣ’, но кыждо достоинъ бѣдетъ въ своемъ чинѣ ‘каждый будет достойным в своем чину’, станеть кждо въ своемъ чести ‘каждый встанет в своем звании’, просияють кждо въ своемъ чинѣ (просияют каждый в своем чине), им же знаменася кждо въ стѣхъ каѳолики апѣлѣхъ цркви ‘им [знамением] знаменовался каждый, кто (состоит) в святой каѳолической апостольской церкви’.

Кроме того, зафиксирован один контекст, в котором семантика социального состояния заключена в предикате: чающа предъзвѣхати емѣхъ въ санѣхъ ‘ожидаю, что он будет в сану пресвитера’ – глагол-окказионаизм предъзвѣхати выражает значение профессиональной деятельности. Вследствие этой трансформации локализатор въ санѣхъ оказывается избыточным, семантически пустым компонентом структуры.

Также в качестве локализатора могут выступать признаковые наименования типа **богатство**, характеризующее имущественное положение субъекта:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: в своемъ бѣтствѣ и въ свои кѹпли ‘(пребывая) в своем богатстве и в своих занятиях’, въ бѣтствѣи ходѹще ‘в богатстве ходя > будучи богатыми’;

г) реализации бытийно-пространственных ТСС в эмоциональной сфере особенно многочисленны и отличаются большей разнородностью по сравнению с большинством других подгрупп: именно с неЭПП эмоционального состояния связаны случаи употребления ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посредѣ** N_{Gen}^{Loc} как средства выражения припропозитивного значения интенсивности – как и в реализациях физической сферы, данная структура позволяет маркировать ситуации, в которых субъект фигурально окружен локумом со всех сторон, погружен в его пространство. В качестве локумов выступают наименования эмоциональных состояний (**радость, стыдѣ, гнѣвъ, скорбь**):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: притрано же и люто еже пребывати въ гнѣвъѣ брате ‘неприятно и дурно быть в гневѣ, брат’ > ‘неприятно и дурно, что ты (пребываешь) в гневѣ, брат’; смѣхъ и дерзость. егда в смѣхѣхъ видиши себе мнише ‘смех и дерзость – когда себя в них видишь, монах...’ > ‘монах, когда ты видишь, что ты (пребываешь) в смехѣ и дерзости’; вы же грѣшнии въ стѣдѣхъ быте ‘вы же, грешные, в стыдѣ были’; въ велицѣ радости почивають ‘в большой радости покоятся’, работѹще дрѹгъ дрѹгѹ въ страхѣ гѣни ‘служа друг другу (будучи) в страхе перед Господом’, с нимъ есмь въ скорби ‘с ним [я] (пребываю) в скорби’, да не заблѹдитъ въ глѹмленѣи ‘да не станет блудить, глумясь’, въ скорбехъ сѹгрѣшають ‘(пребывая) в скорбях грешит’, трепещѹща въ страхѣ ‘трепещущего в страхе’, в терпѣнѣи мнозѣ ‘в большом терпении (пребывая)’, примѹтъ тѣ въ веселии ‘примут тебя, пребывая в радости’, долготерпѣливыи всегда в радости естъ ‘долготерпеливый всегда в радости пребывает’, гневаниаи всегда в мѣтежи живеть ‘гневающийся всегда в мятѣже живет’, наказаніе ѿ паллади чернѣи. еже бестраха бѣи житѣ в непокорствѣ ‘поучение о чернецѣ Паладии, который без страха перед Богом жил в непокорности’, стѣдѣ. дѹша его естъ в немъ ‘душа его в стыдѣ’.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посредѣ** N_{Gen}^{Loc} : **посредѣ радости и бѣды** ‘посреди радости и беды’;

д) перенос в интеллектуальную сферу происходит в тех случаях, когда в качестве локализатора выступает существительное, принадлежащее к одной из двух групп: существительные, производные от

глаголов мышления, нейтрально выражающие идею умственной деятельности (помыслъ, поразѹмение), или отадъективные имена, характеризующие интеллектуальные состояния с точки зрения их соответствия принятым нормам, результативности, допустимости (безѹмнїе, мудрость, премѹдрость в значении ‘мудрствование, философствование’).

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: речеши в безѹмнїи ‘скажешь, (пребывая) в безумии’; въ премѹдрости ходите ‘в премудрости ходите’, безмолвни же в смиренѣни мудрости ‘безмолвствуя в смиренной мудрости’, аще же пребываетъ в помыслѣ ‘[тот], кто пребывает в помысле’, и в помыслахъ скверныхъ скончахъ лѣта моя ‘и в скверных мыслях окончил свою жизнь’;

е) наконец, в неЭПП с семантикой духовного состояния позиция локализатора может заполняться лексемами событийной семантики, иносказательно обозначающими духовное состояние посредством уподобления его физическим или физиологическим процессам, насыщенным отрицательными коннотациями (тѣла, падение):

и пребываи в падении ‘и пребывай в падении’; не радѹется в неправдѣ ни во лжи ‘не радуется в неправде и во лжи’ > ‘не радуется, когда живет в неправде или во лжи’, и во всякон лжи не увязну ‘и во всякой лжи не увязну’, хѹлаще въ тѣли своѣи растлѣтсѣ ‘хуля, растлется в своем тлении’.

В позиции локализатора возможны также существительные с признаковым значением набора душевных качеств, позитивно или негативно оценивающихся с точки зрения христианских ценностей (преподобїе, грѣхъ, чистота):

и прогнѣваша бѣ в грѣсѣ ‘и прогневали Бога в грехе’, въ свѣтѣ всѣхъ дѣлнхъ его быша ‘в свете все его дела были’, живѹщихъ въ чѣстотѣ ‘живущих в чистоте’, въ грѣсѣхъ же ѿшедъше ѿ сѹда ‘[пребывая] в грехах отошел от суда, ’мко ненавиждни брата своѣго во тмѣ естъ ‘ненавидящий своего брата во тьме [находится]’, послушаю тебе в преподобїи и правдѣ ‘послушаю тебя, [пребывая] в преподобии и правде’, видить каждо себе въ свѣтѣ ‘видит каждый себя в свете’ > ‘каждый видит, что находится в свете’.

Во всех описанных выше контекстах семантическая трансформация неЭПП происходит за счет неизосемического заполнения непредикатной позиции локализатора, в то время как круг глаголов, выступающих в роли предикатов в развернутых конструкциях, соответствует стандартному для бытийно-пространственного блока списку. Однако в отдельных примерах из выборки заполнение позиции предиката глаголами специфической семантики также способствует образному представлению ситуаций,

разворачивающихся в физиологической, эмоциональной или духовной сферах:

о лѣтѣ мнѣ въ грѣсѣхъ непобѣдимѣхъ держимѣ сѣщю ‘о горе мне, удерживаемому в непобедимых грехах’, привѣзанѣ стѣпѣхъ ‘привязан в страстях’, свѣзанѣ ієси по рѣцѣ и по нозѣ в покаяньи ‘[ты] связан по рукам и ногам в покаянии’, привѣзани ко ієсмы в немѣ [снѣ] ‘мы привязаны во [сне]’, потаплиаемѣ ієсть въ глѣбинѣхъ горѣцѣ ‘тебя топят в глубине горечи’.

В этой функции употребляются глаголы каузации местонахождения, транслирующие идею закреплённости субъекта в границах локума, как следствие воздействия некоторой необозначенной силы. Вместе с тем появление в конструкции предиката *потапли* подразумевает наличие определенных характеристик у локума – способности вмещать жидкости или отнесенности к классу водных пространств, вследствие чего метафорическое представление ситуации состояния дополняется еще одной серией образных ассоциаций. В этих и подобных контекстах метафора вместилища служит основой для наслаивающихся структурных метафор.

2) В другом блоке примеров (35% от общего количества) семантические трансформации, напротив, бывают вызваны тем, что в качестве субъектов в конструкциях выступают абстрактные существительные, тогда как позицию локализатора занимают имена с семантикой лица или, чаще всего, его части. Семантический перенос в таких случаях основывается на метафорическом механизме, который Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как один из базовых онтологических [Лакофф, Джонсон 2004: 59], – восприятие человека как вместилища в отношении разнообразных ментальных и душевных процессов, рассматривающихся в качестве материальных объектов, локализующихся в его пределах. Соответственно, основной массив конструкций этого типа также составляют реализации инэссивных моделей $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ посредством } N_{Gen}^{Loc}$.

Конкретная разновидность базового значения состояния определяется семантической спецификой не только субъекта – абстрактного существительного, но и локализатора, так как разные типы внутренних процессов соотносятся с определенными частями организма или аспектами личности человека. На этом основании среди конструкций, образованных по данной схеме, выделяются следующие подгруппы:

а) неЭПП, в которых в роли субъекта предстает имя с семантикой физической деятельности, а в роли локализатора – часть тела:

пѣныѣ во ѡустѣхъ твоихъ да іестъ непрестанно ‘да будет пение в твоих устах беспрестанно > да будешь ты петь [устаами] беспрестанно’.

Ситуации, описываемые такими структурами, разворачиваются на границе между физической и физиологической сферами: событие, передаваемое глаголом пѣти, относится к классу ‘физическая деятельность’, однако употребление метафоры вместилища смещает фокус высказывания на физиологический аспект действия, включая в ситуацию определенную часть тела субъекта, задействованную в его осуществлении;

б) неЭПП, субъекты которых выражаются существительными, называющими конкретные эмоции (зависть, страхъ, любви и др.) или характеризующими душевное состояние лица в целом (страсть). Контейнером для этих процессов в субъекте-носителе чаще всего выступает ѡрѣдце, как символическое обозначение одного из трех начал человека – его способности испытывать эмоциональные переживания.

и любви іего да вѡдѣтъ въ ѡрѣдци твоѡмъ ‘и любовь к нему да будет в сердце твоѡмъ’; да ѡтвердитѣ въ ѡрѣдци твоѡмъ [страхъ бѡии] ‘да утвердиться в твоѡм сердце страх божий’, приѡемли всегда страхъ бѡии въ ѡрѣдци ‘всегда принимай страх божий в сердце’, мирьскіи вѡсѣды въздвѡжить стѣрѣти въ ѡрѣдци ‘мирские беседы возбудят страсти в сердце’ еда когда ѡбѡращѣтъ ѡнъ в ниѡхъ прѣкословыѣ ‘когда появится в них прѣкословие > когда они станут строптивыми’.

В отдельных случаях эмоциональное состояние не получает точной локализации – в роли локума выступает личное местоимение или имя с семантикой лица:

в ниѡхъ же нѣтъ надежда іпѡини ‘в них же нет надежды на спасение’.

При этом отнесенность состояния к внутренней, нетелесной составляющей личности может подчеркиваться при помощи лексических средств:

зависть гордыни и подобная снмъ да не вѡдварѡиѣтъсѡ в надѣрѣ твоѡмъ ‘зависть, гордыня и подобное им да не внедрятся в нутре твоѡм’;

в) для неЭПП, реализующихся в интеллектуальной сфере, характерны два типа субъектов, которые, в свою очередь, сочетаются с определенными типами локализаторов:

– существительные с семантикой продукта интеллектуальной деятельности (пѡмыслъ). Эти субъекты рассматриваются как принадлежность духовного начала человека (дѡша) или, как и в описанных выше неЭПП семантического состояния, его внутреннего мира в целом.

такѡ и пѡмысли скверны и зли въ дѡшѡи ‘так и помыслы порочные и злые (находятся) в душе’; и вѡдѣтъ пѡмыслъ лѡкавыи іакѡ сѣтъ въ дѡшѡи ‘и будет

лукавый помысел, будто сеть, в душе'; *яко огонь распалаа помыслы нечѣстна сѣа во мнѣ* 'распалая, как огонь, помыслы нечестивые, что (есть) во мне'; *вола его не бы во мнѣ* 'воли его не было во мне'; *помыслы внѣтърѣ оставити* 'оставить помыслы внутри';

– небольшая группа существительных с семантикой интеллектуального состояния. В качестве локализаторов выступают только наименования лиц:

на немъ же всажено есть зломѣдріе 'на нем посажено зломыслие'.

Контекст *на немъ же всажено есть зломѣдріе* является единственным случаем применения данного механизма семантической трансформации к суперэссивной ТСС. По всей видимости, это объясняется сочетаемостными особенностями глагола-предиката *всаживати* – ключевого элемента структурной метафоры, которая дополняет в данном случае метафору вместилища;

г) оценочные метафорические наименования духовных состояний – в большинстве случаев они представлены отадъективными существительными (*чистота, доброта, скверна*). За исключением нескольких примеров с лексемой *сѣдце* в роли локума, духовные состояния определяются как процессы, не имеющие точной локализации во внутреннем мире человека, охватывающие его целиком:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: *внезапѣ же яко же свѣтъ возна въ сѣдци его влгѣтъ* 'неожиданно в его сердце просияла, как свет, благодать', *имѣщи въ себѣ добротѣ* 'имеющий в себе доброе', *ничего же бо въ себѣ добра свѣмъ* 'ничего в себе доброго не знаю' > 'я знаю, что во мне нет ничего доброго', *не обрѣте бо еа въ нихъ скверна злобнаа но вѣтъни* 'обрелась в них не злая скверна, а благостыня', *о чѣтото не токмо въ прино дѣвицѣхъ обрѣтаемаа*. Но і в покаящихъ еа *стажимаа* 'о чистота, обретаемая не только в тех, кто всегда был девственен, но и в покаявшихся', и *лжа въ немъ [бѣ] нѣѣ* 'и лжи в Боге нет', что *обращю въ немъ добротѣ или гнои ли* 'что обнаружу в нем, благо или же гной?'

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ посредѣ } N_{Gen}^{Loc}$: *о чѣтото процветѣшиа яко цвѣтъ посредѣ дѣи и телесъ* 'о чистота, процветающая, как цветок, посреди душ и тел'.

Как и в других группах, среди конструкций с семантикой духовного состояния встречаются случаи осложнения и развития базового метафорического механизма. Так, в контексте *тогда затворитъ братъ грѣхъ [въ] внѣтърнѣхъ храмннѣ* 'тогда затворит брат грех [во] внутренней горнице' путем заполнения позиции предиката глаголом с узкой лексической сочетаемостью, а позиции локализатора – именем из лексико-семантической группы 'строения' вызывает образное представление о

человеке как архитектурном строении со сложной и упорядоченной внутренней структурой.

3) Последний, наименее распространенный (18% от общего количества) из механизмов метафорической трансформации состоит в заполнении позиции субъекта именем с семантикой эмоционального состояния, а позиции локализатора – существительным, называющим некоторый участок пространства. В отличие от предыдущей группы примеров, где эксплицируется включенность различных видов опыта в сферу личности, внутренние процессы и переживания здесь рассматриваются в отрыве от своего носителя, как принадлежность некоторого локума, с которым связывается их возникновение. Такой способ представления статических пропозиций особенно характерен для контекстов, где в роли локализатора выступает пространство над-реальности – коммуникативной целью повествователя в таких случаях является косвенная характеристика локума путем установления круга допустимых для него событий.

В данной группе не отмечено существенного преобладания реализаций какой-либо из ТСС; три зафиксированные структуры ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на} N_{Loc}^{Loc}$) представлены в выборке сопоставимым количеством контекстов. Другой отличительной чертой является ограниченный сравнительно с другими группами набор семантических разновидностей – локализаторы в этих конструкциях к одному из трех типов имен:

а) существительные с семантикой физиологического состояния:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$: *иде же нѣтъ беды и болѣзни. идѣ же нѣтъ смѣрти ни тла* '[там], где нет ни беды, ни болезни; [там], где нет ни смерти, ни тления', *идѣже нѣтъ болѣзни ни поста* '[там,] где нет ни болезни, ни поста';

б) существительные с семантикой эмоционального состояния:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$: *идѣ долготерпѣние тамо же ярость. идѣ величание тамо же смиреніе* 'здесь долготерпение, а там ярость; здесь надменность, а там смирение', *идѣже нѣтъ страха ни трепета. идѣ же нѣтъ ненависти ни вражды* 'где нет ни страха, ни трепета, где нет ни ненависти, ни вражды', *мѣсто то идѣже есть плачь* 'то место, где стоит плач'.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$: *како в мирѣ скорбь родится* 'как в мире скорбь рождается', *в пѣстыни еси страхъ есть* 'в этой пустыне есть страх'.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на} N_{Loc}^{Loc}$: *радость бываесть на нѣбѣхъ* 'радость бывает на небесах', *на цѣстахъ горе в домѣхъ горе* 'на улицах горе, в домах горе',

разделяется на земли надежда его 'его надежда разделяется, находясь на земле';

в) существительные с семантикой интеллектуального состояния:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$: тѣ омрачение и пагѣба 'там помрачение и погибель'.

Как наиболее крупная семантическая группа в составе неизосемических реализаций статических значений, неЭПП состояния отличаются смысловой разнородностью. Во-первых, они отображают референтные ситуации, относящиеся к разнообразным сферам – физической, физиологической, социальной, эмоциональной, интеллектуальной и духовной:

физическая	13%
физиологическая	11%
социальная	9%
интеллектуальная	19%
эмоциональная	27%
духовная	21%

Во-вторых, характер лексического наполнения структур также не единообразен. Для инэссивных моделей нами было выделено три продуктивных механизма трансформации, основывающихся на заполнении непредикатных синтаксических позиций комбинацией из лексических единиц с определенной семантикой. В каждом из этих механизмов базовая метафора вместилища получает своеобразное преломление, что позволяет акцентировать различные аспекты ситуации в зависимости от коммуникативной задачи составителя.

1.2.3.2. НеЭПП с акциональной семантикой

В данной немногочисленной группе примеров осложнение и трансформация семантики также объясняется неизосемическим заполнением одной из актантных позиций существительным с пропозитивным значением в структурах вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} V_z N_{Loc}^{Loc}$. Метафорический механизм, который делает подобное лексическое наполнение возможным, аналогичен первому из описанных в предыдущем параграфе: акциональная ситуация представляется как обособленная от участников ситуации реалия, занимающая определенный участок

пространства, включенность последних в ситуацию отождествляется с местонахождением в границах этого пространства.

Но связанные семантические процессы обнаруживают отличия от рассмотренных выше для конструкций со статальным значением в двух отношениях. Во-первых, синтаксические позиции заполняются более единообразно: абстрактные имена и их заменители, которые будут подробно рассмотрены ниже, появляются исключительно в роли локализаторов, в то время как в качестве субъекта всегда выступает лицо; примеров с обратным распределением ролей в выборке не обнаружено. Во-вторых, передаваемая акциональными ТСС ситуация 'субъект воздействует на объект' ($S \leftrightarrow Pr \rightarrow Obj$) отличается большей структурной сложностью по сравнению с ситуацией 'субъект испытывает что-то' ($S \leftrightarrow Pr$), однако фигурирует в тексте на той же ступени редукции – в виде именных форм без присловных распространителей. Это приводит к определенной смысловой недостаточности, которую читатель должен восполнять, прибегая к другим источникам.

Все реализации ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$, семантика которых включает акциональный компонент, принадлежат к физической и, в отдельных случаях, физиологической сферам и характеризуются единообразием в отношении передаваемого значения. Однако с точки зрения структуры их можно разделить на два класса в зависимости от механизма свертывания акциональной конструкции в составе неЭПП.

1. Позиция локализатора в неЭПП заполнена именем с событийной семантикой, образованным от предиката:

в мѣтѣ вашей и въ бл҃годѣяньи вашемъ 'в вашей молитве и вашем благодеянии > вы молитесь и делаете нечто благое'; кто не вѣжитъ в дѣластѣхъ вѣгъхъ 'кто не оказывает милосердие в добрых делах > кто не оказывает милосердия, делая нечто доброе'; не пребываи в побѣженьи 'не пребывай в побежденности > не позволяй [дьяволу, бесам] побеждать тебя'; и прѣбы в такомъ наказаньи лѣто едино 'и пробыл в таком наказании один год > и [Бог] так наказывал его год'.

Это стандартный механизм редукции, регулярно применяющийся в «Паренесисе», в особенности для статальных ТСС: ключевая информация о ситуации, заключенная в предикате, сохраняется, опущенные актанты же восстанавливаются из ближайшего контекста. Однако когда свертыванию подвергается акциональная конструкция, восполнить смысловые пробелы оказывается сложнее по причине многочисленности участников ситуации; нередко контекст допускает несколько интерпретаций ситуации или

вообще не содержит упоминаний о лицах и силах, присутствие и вовлеченность которых автор полагает самоочевидными. Во многих случаях это нематериальные сущности, принадлежащие над-реальности: их вмешательство в события физического мира происходит согласно ряду сценариев, известных читателю по библейским текстам. К примеру, расширенным контекстом конструкции и *прѣбы в такомъ наказаньи лѣто едино* 'и пробыл в таком наказании один год > и [Бог] так наказывал его год' является повествование о грешнике Палладии, который из-за своего нерадения оказался разбит параличом и помещен в монастырь. Круг действующих лиц в этом эпизоде составляет сам монах и обитатели монастыря, однако субъектом действия *наказание*, объектом которого выступает Паладий, является Бог, хотя ближайшем контексте нет упоминаний, которые указывали бы на его включенность в ситуацию. Достроить этот необходимый элемент события позволяет заранее составленное представление о Боге как высшей силе, карающей грешников, которое разделялось составителем сборника и его целевой аудиторией – носителями христианского мировоззрения.

2. Позиция локализатора в неЭПП заполнена именем вещественной семантики – объектом в исходной акциональной конструкции:

испытующейъ въ книгахъ 'испытываясь в книгах > испытываясь в том, как [читали] книги', *наказующе себе въ псалмѣхъ и и въ пѣснѣхъ дѣхъныхъ* 'поучая себя в псалмах и духовных песнях > некто поучает себя, [читая] псалмы и духовные песни; *не мирьски бореться в житиискихъ вещьхъ* 'не по-мирскому борется в обыденных вещах > ты борешься не по-мирскому, когда делаешь обыденные вещи', *в пици и въ смѣхѣ свершаеши лѣтѣ* '[ты] проводишь годы [пребывая] в пище и смехе > ты проводишь годы, [поедая] пищу и смеясь', *побѣдивъ съ влѣченымъ в различныѣ привидѣньихъ* 'дьявол был побежден блаженным в привидениях > [дьявол] был побежден блаженным, когда [создавал] привидения'.

Несмотря на то, что такой способ редукции не каноничен по сравнению с предыдущим, в тексте «Паренесиса» он представлен достаточно широко.

Применение такого механизма свертывания становится возможным только с опорой на пресуппозиционные знания читателя о мире, хотя в данной группе восполнению по большей части подлежит информация, приобретаемая через опыт осуществления повседневно-бытовых функций, не связанная с религиозными воззрениями. Для иллюстрации этого процесса рассмотрим контекст *испытующейъ въ книгахъ* 'будучи испытанными

в книгах > будучи испытанными в том, как [читали] книги'. В данном случае семантическая недостаточность не препятствует пониманию ситуации, так как чтение является видом деятельности, ассоциативно связанным с книгами и соответствующим их прямому назначению. Таким образом, составитель опирается на пресуппозитивное знание читателя 'книги используются для чтения', чтобы передать необходимую информацию о событии максимально сжато. В примере *наказанце себе въ псалмѣхъ и въ пѣснѣхъ духовныхъ* 'поучая себя в псалмах и духовных песнях > некто поучает себя, читая / распевая псалмы и духовные песни' действует тот же механизм свертывания, однако предикат не так однозначно восстанавливается из семантических валентностей имени существительного: песни и псалмы создаются в равной степени для чтения и пения. Необходимо обратиться к контексту, чтобы заключить, что процесс самовоспитания (*наказанце себе*) с большей степенью вероятности может быть спровоцирован восприятием текста, чем его воспроизведением.

Другая причина, по которой предикат может не получать выражения в редуцированной синтаксической структуре, заключается в его низкой коммуникативной значимости по сравнению с объектом. Так, в неЭПП *не по-мирски борется въ житийскихъ вещехъ* 'не по-мирски борется в обыденных вещах > не по-мирски борется, [имея / воспринимая / делая] обыденные вещи' смысловой акцент падает на сам факт вовлеченности субъекта-лица и некоторого объекта, характеризующегося как принадлежность мирской жизни, в одну ситуацию. Конкретизация действия, производимого над объектом, посредством введения предиката не входит в коммуникативные намерения автора. В другом примере, *побѣдился съ блаженнымъ въ различныхъ привидѣньихъ* 'дьявол был побежден блаженным в привидениях > [дьявол] был побежден блаженным, когда [создавал / призывал / использовал] привидения', описываемая ситуация менее абстрактна, однако информация о событии, связывающем актантов *дьявол* и *привидѣнья*, также остается за рамками высказывания как нерелевантная. Кроме того, следует отметить, что приведенный фрагмент входит в обобщающий отрывок, который отсылает к более подробному описанию сцены ранее в тексте; следовательно, можно говорить и о контекстуальных причинах подобной редукции.

Таким образом, хотя неЭПП с акциональной семантикой передают узкий круг значений, но именно в этой группе наиболее ярко проявляется отмеченная в «Паренесисе» тенденция к максимально сжатому выражению

событийной семантики и опоре на сведения, почерпнутые не только из контекста, но и из прецедентных религиозных текстов, для восполнения образующихся вследствие редукции смысловых лакун.

1.3.2.3. НеЭПП с реляционной семантикой

1) НеЭПП с семантикой ситуативного тождества

В данной группе контекстов, также представленной реализациями ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$, позиции как субъекта, так и локализатора заполняются именами с событийной семантикой. Механизм метафорической трансформации основывается на осмыслении тождественности или различия двух ситуаций как их совпадения или несовпадения в пространственных координатах:

да въ плясѣ ли есть слава бѣи ‘разве в плясе (состоит) слава Божья? > разве плясать – это все равно, что славить Бога?’.

его же кончина есть въ сожъженѣи ‘его же кончина заключается в сожжении’.

Вопреки отмеченной для физической сферы закономерности, согласно которой для локумов свойственно превосходить размерами локализуемый объект [Talmy 2000: 183], субъект в конструкциях с семантикой тождества означает более широкое понятие, в то время как локализатор выражает одно из его возможных частных проявлений. Образное установление между ними инэссивных отношений, таким образом, может служить не только для выявления сущностных сходств, но и для уточнения параметров абстрактной ситуации.

2) НеЭПП с семантикой эмоционального отношения

В выборке зафиксирован только один пример окказиональной трансформации бытийно-пространственной структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$ в неЭПП, выражающее идею эмоционального отношения. Этот процесс вызван специфическим заполнением позиций предиката и локализатора:

и на комъ почину глѣть глѣ на кроткыхъ и на безмолвныхъ и трепещущихъ ‘«И на ком мне покоиться? На кротких, безмолвных и трепещущих», – сказал

Господь' > '«И на кого я могу опереться? На кротких, безмолвных и трепещущих», – сказал Господь'.

Глагол *почити* в зависимости от контекста может реализовывать как свое основное значение эмоционального состояния ('пребывать в покое, спать, отдыхать'), так и более контекстуально обусловленное значение местоположения ('пребывать, оставаться'); употребление его в качестве предиката в конструкции с локализатором приводит к наложению двух смыслов. В сочетании с заполнением позиции локализатора существительным с семантикой лица это обстоятельство позволяет создать картину эмоционального состояния, каузированного принадлежностью к одушевленному локуму, которая транслируется посредством пропозиции эмоционального отношения.

3) НеЭПП с семантикой социального отношения

Данная группа также представлена в составе выборки единичными контекстами структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$. Субъектами в них являются лица, локализаторами – наименования различных сводов правил или форм социального договора:

тѣмъ же пребыи въ тѣхъ оброчѣхъ 'так и пребыли в тех оброках'; *ходити в заповѣдехъ его* 'ходить в заповедях его', *не ропцѣмъ в заповѣдехъ* 'не будем роптать в заповедях'; *вѣрни непорочни ходяще в законѣ гѣни* 'блаженны непорочные, ходящие в законе Господне'.

Мы можем предположить, что в приведенных примерах действует тот же механизм редукции, что и в акциональных конструкциях, свертывающихся до субъекта. Лексемы *заповѣдь*, *оброкъ*, *законъ* настолько неразрывно связаны в языковом сознании с идеей подчинения, следования, что информация о событии, заключенная в предикате, полагается самоочевидной. Кроме того, подобный метод свертывания добавляет в представление ситуации специфический элемент образности: соглашения и предписания, ограничивающие свободу действий субъекта, уподобляются пространствам, в пределах которых он замкнут.

* * *

Статические ТСС существования, местонахождения и наличия представлены в тексте «Паренесиса» широким кругом структур, большая часть которых служит для выражения различных типов пространственных

значений (инэссивных, суперэссивных, субэссивных, антеэссивных, апудэссивных, интерэссивных, циркумэссивных). Большая часть этих частных значений репрезентируется несколькими структурами, которые состоят друг с другом в отношении полной ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ или } N_{Gen}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ при } N_{Loc}^{Loc}$) или частичной синонимии ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ посредством } N_{Gen}^{Loc}$) либо структурной вариативности ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ перед } N_{Instr}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$).

Инэссивные структуры ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ посредством } N_{Loc}^{Loc}$), реализации которых составляют основной массив выборки, охватывают широкий семантический спектр: комбинирование существительных различных лексико-семантических групп при заполнении обязательных позиций в их составе приводит к переносу ситуаций из физической в физиологическую, социальную, эмоциональную, интеллектуальную или же духовную сферы. В большинстве случаев неизосемические инэссивные конструкции включают в себя лексемы с пропозиционным значением, которые в редуцированном виде представляют статальные, акциональные или реляционные ситуации, сообщая неЭПП семантику соответствующего типа.

Преобладание неизосемических конструкций среди реализаций именно инэссивных ТСС, вероятно, следует рассматривать как проявление глубокой интегрированности набора метафор вместилища ('процесс или состояние являются средой, включающей в себе участников ситуации', 'человек выступает в качестве контейнера по отношению к переживаемому им опыту', 'сопричастность обозначает сопричастность') в культурное сознание составителя сборника и целевой аудитории, к которой он обращается.

2. ТСС с семантикой движения

2.1. Изосемические реализации структур

Гипермодель движения, выражающая общую идею изменения положения субъекта в пространстве путем поступательной смены локаций, представляет собой многокомпонентную структура вида

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} Lex^{D-S} Lex^{D-F} Lex^{TrLoc} (N_i^{Instr})$, где N_{Nom}^{Ag} (имя в именительном падеже) – субъект, осуществляющий движение, V_f^{Mot} (глагол в личной форме) – предикат с семантикой движения, Lex^{D-S} , Lex^{D-F} ,

Lex^{TrLoc} (лексемы разной частеречной принадлежности с пространственной семантикой) – различные типы пространственных сирконстантов, указывающие на начальную (директив-старт, делокатив), конечную (директив-финиш, адлокатив) точки движения, а также на трассу (транслокатив) и, наконец, **N_i^{Instr}** (имя в произвольном падеже) – средство передвижения, при помощи которого совершается движение.

В тексте «Паренесиса» в структурах, репрезентирующих гипермодель движения, набор синтаксических позиций, как правило, актуализуется не полностью. В частности, в выборке не было обнаружено ни одного контекста с заполненной позицией инструмента передвижения. Кроме того, наиболее типичными для памятника (более 87% реализаций ТСС соответствующих типов) оказываются конструкции, в которых траектория перемещения субъекта характеризуется как организованная относительно лишь одной точки – директива-старта, директива-финиша или объекта на трассе. Стандартная реализация модели движения из выборки трехчленна и имеет тот же вид, что и конструкция с семантикой статической локализации.

В заполнении синтаксических позиций субъекта, предиката и локализаторов различных типов мы отмечаем следующие закономерности:

– субъекты – чаще всего одушевленные существительные: имена с личностной семантикой, включая личные местоимения и имена собственные, а также собирательные наименования типа **мзыкъ** (в значении ‘народ’), названия животных (**звѣрь**, **конь**, **слонъ**, **овча**, **серна**), птиц (**орелъ**), насекомых (**пчѣла**). Существенно менее многочисленны случаи употребления неодушевленных имен – наименований сил (**огонь**, **дождь**), движущихся за счет собственной внутренней энергии, натурфактов (**островъ**, **грезновенье**, **цвѣтъ**), движение которых обычно каузировано процессами, происходящими в окружающей среде, влиянием живых существ либо маркируется в контексте как сверхъестественное событие, проявление магических сил;

– в качестве предикатов выступают по большей части глаголы, в словообразовательной структуре которых присутствует пространственная приставка – выразитель категории глагольной ориентации, характеризующий «не только (и не столько) глагольную лексему, при которой они выражаются, сколько ее актанты» [Плунгян 2002: 58] (**ѡстѣпнѣти**, **издрѣснѣти**, **сѣстѣпнѣти**, **впасти**, **прѣходити**, **обонти**), реже – бесприставочные глаголы (**шестьвовати**, **грати**, **ходити**). Небольшая часть последних относится к группе глаголов со специализированным

пространственным значением, функционирующих только в составе определенной структурно-семантической разновидности пространственных структур (минѣти);

– локализаторы в сравнении с субъектами отличаются более широкой семантической вариативностью. Одушевленные и неодушевленные существительные одинаково распространены как директивы-старты, директивы-финиши и транслокативы. Первая группа включает в себя преимущественно имена – обозначения лица (волѣхъ, грѣшникъ, отецъ, пастырь, дѣръ), в том числе и личные местоимения, и в ряде контекстов – существительные из лексико-семантической группы ‘животные’ (змий, скорпионъ); вторая же – различные типы артефактов (ковчегъ, келья, ограда, монастырь, домъ, чертогъ) и натурфактов (ровъ, земля, море, пѣстыня, пропасть), вещественные существительные (калъ, тина, вода, трапѣза в значении ‘еда’), имена собственные – лексемы и словосочетания, именующие населенные пункты (Индѣя, земля Мадинамска).

Базовым признаком, по которому мы можем выстроить структурно-семантическую классификацию изосемических конструкций с семантикой движения, является то, какой из типов локализаторов актуализован в ЭПП. В соответствии с этим в составе выборки выделяются следующие блоки ТСС:

– делокативные, в которых траектория движения описывается как организованная относительно точки отправления;

– адлокативные, которые включают в себя информацию только о конечном пункте движения;

– транслокативные, в которых движение характеризуется с точки зрения пространства, по которому оно осуществляется;

– комбинированные, в которых совмещаются делокативное и адлокативное пространственное значения;

– как отдельный тип мы выделяем ориентационные ТСС, в которых локализатор выступает как ориентир для субъекта, однако не подпадает ни под одну из перечисленных выше категорий, будучи произвольной точкой пространства, не включенной в траекторию передвижения.

Далее будет проведена подробная классификация внутри каждого из выделенных блоков. Для разграничения семантических разновидностей мы применяем систему способов пространственной репрезентации, разработанную И. А. Мельчуком [Мельчук 1998: 54], выстраивая на ее базе систему динамических пространственных отношений (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Разновидности значения направленного движения

Локализации		Движение по направлению к конечной точке – <i>латив</i>	Движение из исходной точки – <i>аблатив</i>
‘внутри’	<i>ин-</i>	<i>иллативная</i> ‘движение внутрь локуса’	<i>инаблативная</i> ‘движение изнутри локуса’
‘на’	<i>супер-</i>	<i>суперлативная</i> ‘движение на верхнюю поверхность локуса’	<i>супераблативная</i> ‘движение с верхней поверхности локуса’
‘под’	<i>суб-</i>	<i>сублативная</i> ‘движение под нижнюю часть локуса’	<i>субаблативная</i> ‘движение из-под нижней части локуса’
‘сбоку’	<i>ад-</i>	<i>адлативная</i> ‘движение к боковой поверхности локуса’	<i>адаблативная</i> ‘движение от боковой поверхности локуса’
‘сзади’	<i>пост-</i>	<i>постлативная</i> ‘движение с задней стороны локуса’	<i>постаблативная</i> ‘движение от задней стороны локуса’
‘перед’	<i>анте-</i>	<i>антелативная</i> ‘движение по направлению к передней стороне локуса’	<i>антеаблативная</i> ‘движение от передней стороны локуса’
‘около’	<i>апуд-</i>	<i>апудлативная</i> ‘движение по направлению к пространству, находящемуся около локуса’	<i>апудаблативная</i> ‘движение от пространства, находящегося около локуса’

2.1.1. ЭПП с делокативной семантикой

Группа делокативных конструкций выделяется на фоне прочих своей особой внутренней организацией. Как правило, в блоках примеров, относящихся к одной общей разновидности, наблюдается корреляция между структурой и частным подтипом пространственного значения; явления многозначности синтаксических моделей, при которых одна структура охватывает несколько видов отношений, довольно редки. Однако в данном случае на материале делокативного сегмента выборки мы наблюдаем одну доминирующую модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ (функционирующую в также в своей беспредложной вариации $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$), употребляющуюся универсально – пространственные значения, передаваемые ее реализациями, относятся к трем различным классам:

– инаблативные реализации, описывающие ситуации передвижения субъекта из пределов локума. Конкретные пространственные отношения между субъектом и локализатором определяются геометрическими характеристиками последнего, которые могут варьироваться. В некоторых случаях локум, выступающий в роли директива-старта, бывает представлен объектом с физическими, определенными границами или участок пространства, границы которого определены условно (населенные пункты, стороны света):

аще излѣзеть овча $\bar{w}$ ограда ‘вылезет овца из огороженного места’, $\bar{w}$ монастыря бѣжати ‘из монастыря бежать’, слоны $\bar{w}$ индѣи грядѹша ‘слоны, идущие из Индии’, видимъ огньнѹ рѣкѹ исходящю $\bar{w}$ востока ‘видим огненную реку, исходящую от востока’.

В других же контекстах директив-старт является объектом, не имеющим внутренней полой области, однако обладающим способностью замыкать часть пространства, выполняя функции границы:

и еже монастыря моего ишедѹ ‘и [из] монастыря моего ушел’, и не хощю $\bar{w}$ ѹзѹ сѣти издрѣшнитисѹ в нихъ окрѣтанисѹ ‘и не хочу из уз сети высвободиться, в них остаюсь’, яко серна $\bar{w}$ тенета избѣгѹши ‘как серна, убежавшая из сети’, бѣжати акѹ ѹстѹ змيينѹ ‘бежать, как [из] уст змеиных’;

– в супераблативных конструкциях с семантикой движения субъекта от поверхности (в частности верхней) локума круг существительных, замещающих позицию локализатора, крайне узок – это лексема *земля* (в значении ‘поверхность почвенного слоя’) и абстрактное существительное *мѣсто*:

и кѣжа ѿ земли ‘и бежал от земли’, грядеть оуже не ѿ земли. но ѿ нѣсъ ‘идет уже не с земли, но с небес’, не ѿступи ѿ мѣста ‘не отступи с места’, братъ ѿлучитѣся мѣста ‘брат отлучится [от] места’;

– семантика апудаблативных конструкций в наименьшей степени дифференцирована по отношению к объединяющему все типы делокативному значению, выражает его наиболее непосредственно. Движение субъекта в этих примерах определяется как ориентированное на удаление из зоны локума – лица или объекта:

врази... ѿпадѣтъ ѿ лица твоего ‘враги упадут от лица твоего’, ѿ нихъ побѣжалъ есмь ‘от них [я] побегал’, островъ не двигнуся ѿ моря бывшию ‘остров не двинулся от моря’.

При этом типовая семантика может дополняться значением отделительности в тех случаях, когда до момента совершения движения субъект и локум состояли в отношениях части и целого:

нишееть трава и цвѣтъ ея ѿпадетъ ‘увянет трава и цветок ее упадет’, грезновыя. Іегда же ѿемлетѣся ѿ винограда ‘когда же гроздь отнимется от винограда’, и желаше насытити падающихъ ѿ трапезы бѣлаго ‘и желал насытиться [тем], что падало от трапезы богатого’.

Отдельную группу составляют контексты, в которых движение носит более или менее условный характер – захватывает лишь отдельные части субъекта и сводится к изменению его положения в пространстве, ведущему к перемене пространственных отношений с локумом:

ни ѿвратисѣ ѡтъ насъ ‘ни отвернись от нас’.

Наряду с конструкциями типа $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ ѿ}$ в тексте встречаются также немногочисленные реализации нескольких других ТСС, в которых план выражения и план содержания более симметричны по отношению друг к другу. Так, структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ из}$ N_{Gen}^{D-S} выражает исключительно идею движения инаблативного типа. Отметим, что для ее реализаций более характерны локализаторы, выраженные конкретными существительными, наименования физических объектов с четко обозначенными границами (прежде всего, построек):

и шедъ из монастыря ‘и ушел из монастыря’, не изидеть из кѣлыи своея ‘не выйдет из своей кельи’, из домъ ишваъ изиде нищъ и сиръ ‘из дома Иова вышел, нищий и сирый’, и искочъ же из домъ ‘и выскочил из дому’, огонь шедъ из дверецъ тѣхъ ‘огонь шел из тех дверей’, шедъ изъ чертога внезапно ‘неожиданно вышел из чертога’.

Субъект же может иметь более абстрактную, умозрительную природу, оставаясь при этом, однако, реалией материального мира:

и не словесемъ множѣишимъ и тишимъ исходити изъ устъ ‘и не словам, многочисленным и пустым, исходить из уст’.

Семантика реализаций ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Gen}^{D-S}$ соответствует супераблативному типу и не обнаруживает специфических черт структурно-семантической организации, по которым мы могли бы противопоставить ее структуре $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Gen}^{D-S}$.

да аще когда приключить ти ї съступиши съ ступени ‘но когда приключится тебе сойти со ступени’, в полнощи внезапно с неби вѣдетъ шумъ ‘в полночь вдруг с небес будет шум’.

Наконец, в тексте «Паренесиса» было отмечено несколько однотипных примеров реализации апудаблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-S}$, связанных с употреблением глагола *оставити*, грамматическая сочетаемость которого предписывает форму нетипичного для делокативных конструкций винительного падежа для подчиненного имени:

хощеть свое мѣсто оставити ‘хочет оставить свое место’.

Обобщая сказанное, мы должны подчеркнуть специфический характер системы парадигматических отношений, складывающейся в классе делокативных моделей, как он представлен в тексте «Паренесиса»: каждый из типов частных пространственных отношений, встречающихся в тексте, находит выражение в как минимум двух структурах, причем три из четырех синонимических пар имеют общий член, что говорит о более сложном сочетании синонимии и многозначности, чем мы находим в большинстве семантических подтипов.

2.1.2. ЭПП с адлокативной семантикой

Данный класс моделей состоит из пяти семантических подтипов (иллативный, суперлативный, апудлативный, сублативный и циркумлативный), каждый из которых находит выражение в специализированной структуре или наборе структур.

2.1.2.1. Реализации иллативных ТСС

Основной массив примеров ЭПП с иллативной семантикой составляют структуры вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$. Данный семантический тип отличается высокой частотностью по сравнению с прочими из адлокативного блока и охватывает иллативные пространственные

ситуации различной конфигурации, которые в большинстве своем повторяют список, составленный нами для инэссивных конструкций. Детали пространственного отношения между субъектом и локумов определяются, прежде всего, особенностями геометрии последнего. Рассмотрим несколько групп примеров, которые обнаруживают различия в характере локализации, связанные с формой и фактурой локума:

– локумы – натурфакты и артефакты – с выраженными физическими границами, между которыми заключено полое пространство – место локализации субъекта:

и́да ко́гда вѣше́дши ѿмѹ ‘когда же он вошел’, вѣзврати́ въ келью́ свою ‘возвратись в свою келью’, и сверетѹ́ бл҃гѣнье́ дождевое́ в ровѣ́ ‘и соберется благословенье дождевое в ров > и соберется дождевая вода, которая благословенна, в ров’, в кото́рыи ровѣ́ ввергѹ́сѧ ‘в какой ров брошусь?’, аще́ иже́ вѣржеши́ в море́ ‘если ввергнешься в море’, теци́ въ ко́рѣ ‘беги в собор’, и́дѹ нынѣ́ в доми́ моѣ́ тощѣ́ ‘иду теперь в мой дом с пустыми руками’, николи́же вѣзидѹ́ в баню́ ‘разве ты никогда не входил в баню?’, приде́тъ вѣ́дѧ въ хра́минѹ́ свою́ ‘придет владыка в дом свой’, и прише́дѹ въ весь́ ‘и пришел в весь’, и кыи́ждо ѿ́ вхо́дѹщиѹ́ в то́ пристани́ще ‘и каждый, кто входит в то пристанище’, и вше́д в гостиньни́цу ‘и вошел в гостиницу’, бѣ́жаша́ в... пропа́сти ‘бежали в пропасти’, сла́бѣ́ тебе́ воплѣ́тивыи́ сѧ́ во ѹ́тробѣ́ дѣ́чю ‘слава тебе, воплотившемуся в девичью утробу’.

Особую разновидность внутри данной группы составляют локумы – наименования предметов одежды, сочетающиеся с глаголами-предикатами соответствующих семантических валентностей:

и обла́чѹсѧ́ въ брѹ́ню́ свою́ ‘и облачись в свою броню’, и шѣ́лкѹ́сѧ́ въ во́иньскыи́ шѣ́рзѣ́ ‘и облекся в воинский образ > в одежду воинского образа’, то́кмо́ и́динѹ́ оболкы́сѧ́ въ́ плѣ́ть ‘только один из тех, кто облекся в плоть’.

Последний из приведенных контекстов демонстрирует нарушение нормативной сочетаемости для образного выражения одной из глубинных христианских догм – идеи о вторичности материального мира и имманентной неслитности духовной и физической реальностей;

– недискретные локумы (населенные пункты, некоторые натурфакты, абстрактные обозначения локаций), границы которых выделяются условно, а внутреннее пространство заполнено неравномерно. Субъект при этом локализуется в пустотах:

и в пѹ́ста мѣ́ста впаде́ши ‘и попадешь в пустые места’, моисѣ́и ѹ́годникѹ́ г҃ѣ́н всели́сѧ́ въ́ зе́млю ма́дѣ́ямьскѹ́ ‘Моисей, угодник господний... вселился в землю Мадиямскую’, и ѿ́иде́ въ́ стра́нѹ́ дале́че ‘и ушел в далекую страну’, изити́

въ пѣстыню сню страшнѣю ‘уйти в эту страшную пустыню’, бѣжите въ дрѣгыи [градѣ] ‘бегите в другой город’, бѣжаша въ пѣстыня и горы ‘бежали в пустыни и в горы’, яко родися члѣкъ въ мирѣ ‘человек родился в мир’;

– локумы – объемы однородного вещества без полых областей; субъект погружен в сплошную среду:

не впади себе в тинѣ ‘не упади *себя в тину’;

– локумы, выступающие в роли границ – замыкающие и фиксирующие субъект в некоторой области пространства:

аще же предавѣхъ в рѣцѣхъ предстоящимъ врагомъ ‘[ты] предался в руки врагам, стоящим перед тобой’, впадѣхъ в рѣцѣхъ варваромъ ‘впаду в руки варварам’, аще бо впадѣши въ сѣти его ‘если впадешь в его сети’.

Наконец, в роли локумов могут также выступать названия музыкальных инструментов. Иллативная семантика в ее прототипическом виде не прослеживается в подобных примерах, из чего мы можем заключить, что имеем дело с фразеологизированной конструкцией:

да въ гусли мои брякнеть ‘да в гусли мои ударит’.

Случаи усечения базового варианта ТСС до беспредложной структуры встречаются и в этом сегменте выборке, хотя значительно уступают по частности таким парам, как апудлативные структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{къ} N_{Dat}^{D-F}$ / $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$ или структуры делокативного блока $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{въ} N_{Gen}^{D-S}$ / $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$. В ряде контекстов опущение предлога, возможно, связано с гаплогогическими процессами (см. вниди [въ] внѣреннюю пѣстыню), однако наличие в выборке также и контекстов, не имеющих фонетической организации, которая могла бы их вызвать, указывает на нормативность употребления иллативной структуры в беспредложном варианте:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$: вниди внѣреннюю пѣстыню ‘войди [во] внутреннюю пустыню’, въниде ноевъ ковчегъ ‘вошел [в] Ноев ковчег’.

2.1.2.2. Реализации суперлативных ТСС

В памятнике мы находим два способа выражения суперлативной семантики – при помощи ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{на} N_{Acc}^{D-F}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{наверхъ/вверхъ} N_{Gen}^{D-F}$. Ситуации, референтные этим конструкциям, в большинстве своем подразумевают, что субъект занимает исходное положение выше локума, вследствие чего движение по

направлению к последнему осуществляется сверху вниз и оказывается ориентировано относительно его верхней стороны:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$: *ѣ дахъ вамъ власть настѣпати на зѣмни и скорпионни. и на всю силѣ вражью* ‘он дал вам силу наступать на змея, скорпиона и всю силу вражескую’, *и настѣпивъ на пламы* ‘и наступил на пламя’, *и прейдетъ на дрѹгоѣ мѣсто* ‘и перейдет на другое место’, *и вѣдъ на конь* ‘и сел на коня’, *гѣи вѣставъ поиди на ложе* ‘господин, встав, иди на ложе’, *[орелъ] оустремисѣ на не [брашно]* ‘орел устремился на пищу’, *падоша ѣмѣ на ногѣ* ‘[они] упали ему на ногу’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ наверхѣ/вверхѣ } N_{Gen}^{D-F}$: *настѣпати наверхѣ ѣго* ‘наступать сверху его’.

В большинстве контекстов локумы имеют вид материальных объектов с детализованной геометрией, позволяющих однозначно выделить верхнюю часть, и находят выражение в конкретных существительных. Примеры менее определенных в пространственном отношении локумов (обозначения пространств – *мѣсто*, наименования сил – *огонь*) немногочисленны. В таких случаях суперлативный тип движения определяется только ориентацией движения ‘сверху вниз’, так как верхняя сторона объекта-локума не может быть вычленена.

Кроме того, структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$ обнаруживает способность выражать и другой специфический тип пространственных отношений:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$: *оустремишѣ на нь* ‘[они] устремились на него’, *приготовишѣ на виноградъ* ‘приготовившись на виноград’.

Пространственная семантика приведенных контекстов наиболее близка к апудлативной: предполагается движение субъекта в направлении к локуму по траектории, которая не определена в тексте как пролегающая по вертикальной оси. Как нам представляется, единственное, что отделяет семантику этих конструкций от типовой апудлативной, – это выраженная сфокусированность движения, нацеленность на более узкую область. Предполагается, что субъект не просто движется в ту зону окружающего пространства, где локализован объект-локум, но имеет целью контакт с его поверхностью или внутренней частью. Эту разновидность пространственного значения мы определяем как направительную.

Структура, $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ наверхѣ/вверхѣ } N_{Gen}^{D-F}$ распространенная в тексте в существенно меньшей степени, не обладает способностью выражать семантику такого рода, но за исключением этого может быть

признана синонимичной основной суперлативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} .

2.1.2.3. Реализации апудлативных ТСС

Группа реализаций апудлативных ТСС ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ кз N_{Dat}^{D-F} в предложном или беспредложном виде и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Loc}^{D-F}$) не выделяется среди прочих семантическим варьированием. Передаваемое пространственное значение единообразно во всех зафиксированных нами контекстах: субъект осуществляет движение по направлению к одушевленному или, в редких случаях, неодушевленному локуму. Наиболее характерным способом трансляции апудлативной семантики является сочетание формы дательного падежа у имени-локализатора и пространственного префикса *при-* в словообразовательной структуре предиката, причем при соблюдении этих двух условий появление в структуре пространственного предлога кз представляется опциональным:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ кз N_{Dat}^{D-F} : и *пришедъ кз дверемъ брата своего* 'и пришел к дверям брата своего', *въдыи кз комъ и шелъ еси* 'зная, к кому шел', *но инако пристъпи иако кз млдромъ* 'но по-другому [к нему] подступи, как к милосердному', *хоташеи кз земномъ црю пристъпати* 'хотящие к земному царю подступать', *не прибѣжахъ ко ко иномъ врачу* 'не пришел к другому врачу', *волхвыи пришедши ко мнѣ* 'волхвы, пришедшие ко мне', *се идъ и припадъ кз твоємъ прѣдѣствъ* 'если пойду и припаду к твоему преподобию'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: *припадаю вамъ о друзи* 'припадаю [к] вам, о друзья'.

Употребление нетипичной для этого подтипа структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Loc}^{D-F}$ встречается в отдельных примерах, содержащих глагол *приблизити* и выстраивающихся в соответствии с его грамматическими валентностями:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Loc}^{D-F}$: *приблизити же сѧ дверцахъ тѣхъ* 'приблизиться к тем дверцам'.

2.1.2.4. Реализации сублативной ТСС

Сублативные конструкции типа $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ подз N_{Acc}^{D-F} практически отсутствуют в тексте памятника — их репрезентация сводится к единственному контексту *подз яремъ пришедъ исть* '[некто] под ярем пришел'. Отметим, что идентичная ситуация, вплоть до употребления локализатора

паремь, складывалась и для группы субэссивных реализаций. Пространственные события, локализующиеся в области нижней поверхности локума, таким образом, представляются в «Паренесисе» малотипичными для физической сферы.

2.1.2.5. Реализации циркумлативной ТСС

Циркумлативная семантика ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$ предполагает движение расчлененного субъекта в зону локума с последующим заполнением ее таким образом, что локум оказывается окружен фрагментами субъекта со всех сторон. Такой тип пространственного отношения передается беспредложной формой винительного падежа имени-локализатора в сочетании с показателем глагольной ориентации – циркумлативным префиксом *о-* – в составе глагола предиката:

и **о**бидѣтъ звѣрьѣ дикѣи ‘и обступят [кого-то] звери дикие’.

ви **и**зыци обидоша мѧ ‘все народы обошли меня’, обидоша мѧ **и**ако пчелы **и**отъ ‘обошли меня, как пчелы [обходят] сот’.

2.1.3. ЭПП с транслокативной семантикой

Конструкции, описывающие движение относительно некоторой точки трассы, лежащей на траектории, составляют небольшую, но неоднородную группу, которая включает реализации четырех различных структур:

$$\begin{array}{l} N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc} \\ N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{TrLoc} \\ N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} **и**кво~~зѣ~~ N_{Acc}^{TrLoc} \\ N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} **по** N_{Dat}^{TrLoc} \end{array}$$

Многочисленность структурных разновидностей указывает на высокую вероятность смысловой дифференциации, однако объем выборки недостаточен для того, чтобы выделить и разграничить конкретные классы.

Только две из перечисленных моделей последовательно применяются в тексте для передачи ситуаций, в которых пространственные отношения между субъектом и преодолеваемым им участком трассы однозначно охарактеризованы как принадлежащие к

конкретному типу. Так, в случаях использования ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **сквозь** N_{Acc}^{TrLoc} предполагается, что транслокативное значение дополнено семантикой движения во внутренних пределах локума и может быть сформулировано как ‘субъект перемещается внутри пространства трассы’:

и *утро... сквозь веси проходимъ* ‘и утром... сквозь веси проходим’.

Если контексты этого типа репрезентируют способ локативной реализаций ИН-, то конструкции вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **по** N_{Dat}^{TrLoc} связаны со способом СУПЕР-, так как участок трассы, на котором локализуется субъект, имеет поверхность, маркированную как верхняя, по которой и происходит его перемещение:

сопли течахъ по брадѣ емѣ ‘сопли текли по его бороде’.

Сложнее очертить круг репрезентируемых типов ситуаций для структур $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{TrLoc}$: их реализации включают различные виды пространственных отношений. Ср: ИН-структуры (и *величество пѹчины преходяще*, и *враѣ градная входящихъ ими*) и СУПЕР-структуры (и *степенми двери его*, и *начензшю емѣ пѹть шествовати*):

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$: *пѹтемъ градѹщая всѣ страньныя приимаша* ‘всех странников, путем идущих, принимали’, и *степенми двери его да входитъ нога твоѣ* ‘ступенями его дверей пусть входит нога твоя’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{TrLoc}$: *пѹть преходяще со многымъ тѣняемъ* ‘путь проходя с большим старанием’, и *начензшю емѣ пѹть шествовати* ‘и когда он начал путь шествовать’, и *величество пѹчины преходяще* ‘и величину пучины переходя > и переходя пучину, которая велика’, *яко имамъ прѣнти ѿ страшное преходяще* ‘перейду это страшное место (место, по которому передвигаются)’, *враѣ градная входящихъ ими* ‘входящих городскими воротами’.

Из примеров очевидно, что локализаторы в форме винительного падежа по большей части сочетаются с глаголом *преходити* в позиции предиката, однако, так как в некоторых случаях конструкция допускает употребление и других глагольных лексем (*шествовати*), объяснять сосуществование этих двух транслокативных структур в языковой системе вариативным глагольным управлением не представляется корректным.

Таким образом, транслокативная семантика выражается самыми различными средствами, что, вероятнее всего, связано с необходимостью отображения различных нюансов пространственных отношений. В связи с малой распространенностью конструкций данного типа в «Паренесисе» мы можем выделить только одну семантическую оппозицию внутри этого класса, связанную с геометрическим расположением субъекта

относительно того участка трассы, с которым он контактирует ('сверху' – 'внутри').

2.1.4. Конструкции комбинированного типа

Давая общую характеристику конструкций с семантикой движения, мы привели в качестве одной из характерных черт малую детализированность пространственных ситуаций, проявляющуюся в склонности определять их относительно только одной точки – исходной, конечной или принадлежащей некоторому участку траектории. Структуры, в которых актуализованы два локализатора, являются исключениями, появление которых обычно вызвано причинами, не связанными с информативной достаточностью высказывания.

Так, в памятнике частотны конструкции, в которых позиции двух локализаторов – директива-старта и директива-финиша – заполнены формами одной и той же лексемы:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: не преходите $\bar{w}$ домѣ в домѣ 'не переходите из дома в дом', а оутро $\bar{w}$ кельи в келии 'а наутро – из кельи в келью', $\bar{w}$ жилища в жилища не преходить 'от жилища в жилище не переходит'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$: $\bar{w}$ мѣста на мѣсто преходимъ 'от места на место переходим'.

Путем уравнивания исходной и конечной точек движения создается образ замыкания траектории в кольцо, что, в свою очередь, внушает читателю мысль о непрерывности, цикличности движения и бессмысленности следования по описываемой маршруту. Таким образом, введение дополнительного локализатора способствует оценочному представлению нейтральной ситуации движения как монотонной и нерезультативной.

Еще одним стандартным приемом является замещение позиций директива-старта и директива-финиша именами, семантика которых содержит в себе контрастирующие элементы. В большинстве случаев это противопоставления ориентационного типа: директив-старт и директив-финиш занимают позиции на противоположных концах вертикальной оси:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: ако $\bar{w}$ высотѣ небѣныхъ в ровѣ снидѣ 'от высот небесных в ров сошла', $\bar{w}$ землѣ на небѣ възпарши 'от земли на небеса воспарить'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ из } N_{Gen}^{D-S} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$: на высотѣ възходить из водѣ 'на высоту восходит из вод'.

В таких контекстах в фокусе высказывания, как правило, находится информация о конечном пункте движения. Введение директива-старта, который мог бы быть опущен как коммуникативно нерелевантный и подлежащий восстановлению из контекста, необходимо для того, чтобы ярче выразить ту перемену локации, которую влечет за собой акт перемещения, и подчеркнуть тем самым его значительность.

Описанный процесс в некоторой степени затрагивает даже тот единственный контекст, где заполнение нескольких позиций локализатора контекстуально оправдано:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ ы } N_{Gen}^{D-S} \text{ к } N_{Acc}^{D-F}$: *яко пристыпитъ ы одного полъморъ [гора] ымо нынѣ к намъ* 'перейдет сейчас гора с той половины моря сюда к нам'.

В приведенном фрагменте описывается фантастическая ситуация, в которой Антихрист наделяет гору иллюзорной способностью двигаться. Более подробное описание траектории движения необходимо для того, чтобы обрисовать пространственную конфигурацию сцены, не получавшую до этого описания в тексте, но эксплицированное обозначение начальной и конечной точек пути также служит и суггестивному представлению события как заведомо невозможного.

Следовательно, мы можем заключить, что появление в памятнике комбинированных структур нечастотно и обусловлено в первую очередь стремлением к экспрессивности, выражению авторской оценки и прочими процессами, затрагивающими модусный ярус текста.

2.1.5. ЭПП с семантикой ориентированного движения

Группа контекстов, референтных ситуациям ненаправленного движения, объединяет в себе ряд разноплановых моделей, которые могут быть противопоставлены друг другу по ряду признаков: подвижность и количественные характеристики ориентира, тип траектории движения, геометрическая конфигурация ситуации. Наиболее универсальным нам представляется первый из них: оппозиция статичности и динамичности объекта, относительно которого организуется движение, охватывает все представленные конструкции, реализуясь через их структуру или лексическое наполнение. Для удобства описания мы разделим все отмеченные в выборке контексты на два блока, в соответствии с типом их ориентира.

1) Модели со статичным ориентиром $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ мимо } N_{Acc}^{Stat-Orient}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Stat-Orient}$, которые, по всей видимости, следует относить к

распространенным в «Паренесисе» парам семантически эквивалентных предложной и беспредложной структур, состоящих в отношениях структурной вариативности. Впрочем, в данном случае мы не можем утверждать, что различие между двумя моделями исчерпывается структурным различием: их реализации разграничивает также то обстоятельство, что ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}} \text{мимо} N_{\text{Acc}}^{\text{Stat-Orient}}$ допускает значительно более широкий круг глаголов в позиции предиката, в то время как для второй модели характерно появление глагола *минѣти*, семантика которого позволяет заместить опущенный предлог *мимо*.

яко конь скорѣ мимо [насѣ] течеть ‘как быстрый конь бежит мимо нас’.

[ѣ] *клячѣтъ емѣ минѣти мѣсто то со шпаньемъ многомъ минеть ѣ* ‘если приключится ему миновать то место, то он минет его с большой опаской’.

Обе ТСС применяются в контекстах, описывающих движение субъекта относительно точки, лежащей в стороне от основной траектории движения, но, тем не менее, коммуникативно значимой. Локализатор может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным именем, однако и в том и в другом случае он всегда остается статичным.

В отдельных случаях в реализациях ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}} \text{мимо} N_{\text{Acc}}^{\text{Stat-Orient}}$ может происходить характерная для памятника структурная трансформация морфосинтаксического типа. Она заключается в том, что именная часть локализатора, как контекстуально избыточная, опускается, а предлог *мимо* встраивается в словообразовательную структуру предиката в качестве приставки, вследствие чего в последнем концентрируется вся пространственная семантика:

мимондохѣ ‘шел мимо’.

Во всех перечисленных контекстах геометрические характеристики траектории, по которой проходит движение через зону локализации объекта-ориентира, не детализованы. Вместе с тем, в другой группе реализаций ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}} N_{\text{Acc}}^{\text{Stat-Orient}}$, выражающей аналогичное значение движения относительно статического объекта, траектория эксплицитно характеризуется как имеющая форму замкнутой или незамкнутой окружности:

ни оѣи обѣтечеть ‘и отцов не обойдет’.

Причиной подобной семантической модификации является появление в составе конструкции глагола, морфемная структура которого включает пространственную приставку *о-*, соответствующую значению движения по окружности. Таким образом, смысловая дифференциация внутри ТСС $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}} N_{\text{Acc}}^{\text{Stat-Orient}}$ происходит по признаку

‘конфигурация траектории’ и определяется лексическим наполнением структуры.

2) Структуры с динамическим ориентиром. Основным дифференциальным признаком в этой группе является соотношение направлений движения субъекта и ориентира.

Конструкции, описывающие пространственные ситуации, где субъект и ориентир движутся в одном направлении (причем ориентир занимает позицию впереди субъекта), являются реализациями двух структур – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{Dyn-Orient}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} 3a N_{Instr}^{Dyn-Orient}$.

В реализациях ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{Dyn-Orient}$ средством трансляции этого частного типа пространственной семантики является предикат *последовати*, обладающий соответствующим лексическим значением и узкой семантической атрибуцией:

аще стопѣ его хоцѣмъ последовати ‘хотим последовать его стопам’, и *томъ последовавша* ‘и ему последовали’, *овьца последовавшама пастырю* ‘овцы, последовавшие пастуху’.

Напротив, в структурах типа $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} 3a N_{Instr}^{Dyn-Orient}$ функция определителя типа пространственного отношения между субъектом и ориентиром лежит на локализаторе – существительном в форме инструментального падежа с предлогом *за*, указывающим на то, что на всем протяжении совместного движения по заданной траектории субъект более удален от конечной точки, чем ориентир:

идущи за друзы ‘идушему за друзьями’.

Тип ситуации, в котором движение субъекта и ориентира выстраивается по одной траектории, но направлено в противоположные стороны, описывается ТСС, в состав которых входит составной производный предлог *на срѣтѣныѣ* с вариативным управлением:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ *на срѣтѣныѣ* $N_{Gen}^{Stat-Orient}$: *изидѣте на срѣтѣныѣ его* ‘выйдите навстречу ему’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ *на срѣтѣныѣ* $N_{Dat}^{Stat-Orient}$: *изидѣтъ на срѣтѣныѣ емѣ* ‘выйдут навстречу ему’.

* * *

Характеризуя систему динамических моделей, представленную в тексте памятника, мы должны указать на комплекс ее особенностей, выражающихся как в закономерностях структурирования пространственных ситуаций, так и в подборе языковых средств для их

репрезентации. Первые заключаются в тенденции к актуализации минимального количества локумов, необходимого для представления ситуации (одного, реже – двух) как в необходимом информационном объеме, так и со степенью экспрессивности, соответствующей коммуникативной цели; преобладании ситуаций направленного движения над ситуациями ориентированного, высокой частотности делокативных и адлокативных пропозиций, широкой семантической дифференциации внутри крупных классов. Ко вторым мы относим регулярное появление беспредложных вариаций делокативных и некоторых адлокативных моделей, относительную закрепленность предложно-падежных форм локализаторов за конкретными семантическими типами (так, форма родительного падежа локализатора маркирует делокативные конструкции, форма дательного падежа характерна для локализаторов в апудлативных конструкциях), меньшую распространенность синонимических пар по сравнению с бытийным блоком ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Gen}^{D-F}) и, наконец, наличие одной многозначной синтаксемы – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$.

2.2. Изосемические реализации ТСС движения вне физической сферы

Динамические пространственные ситуации могут происходить не только в осязаемой физической реальности или виртуальных сферах, вычленяемых для описания взаимодействия абстракций различных типов, но также и в особой, характерной для христианского мировоззрения надстройке реальной действительности, обозначенной нами как над-реальность.

Анализ круга статических контекстов позволил выявить ряд закономерностей в заполнении семантических ролей и построении синтаксических единиц при описании пространственных ситуаций, имеющих место в нематериальном мире. Данный сегмент выборки не обнаруживает фундаментальных противоречий с выводами, сформулированными ранее, однако некоторые особенности лексического наполнения структур позволяют говорить о специфике, привносимой динамическим аспектом. Яркой отличительной чертой статических конструкций являлась тенденция к замещению непредикатных позиций ограниченным набором лексем (преимущественно одушевленными именами, а также немногочисленными наименованиями локаций), что не в

последнюю очередь было обусловлено узостью круга референтных ситуаций, разворачивающихся в общем контексте Страшного суда. События над-реальности, для описания которых используются реализации динамических ТСС, более дифференцированы с точки зрения набора участников, темпоральных и локативных характеристик, что, соответственно, вызывает большее разнообразие также и в заполнении синтаксических позиций.

Прежде всего, в данном круге контекстов пространство над-реальности осмысливается не обособленно, но в оппозиции с материальным миром. В большом количестве примеров описываются случаи перехода лиц и сущностей с одного пласта реальности на другой. Прежде всего, это процессы посмертного отделения человека от физической реальности в целом (как правило, обозначаемой в структурах сочетаниями лексики *житыѣ* с указательными местоимениями) и, в частности, от собственного тела, что эксплицирует христианское представление о человеке как совокупности автономных начал – телесного и духовного, которые в рамках ситуации земного существования связаны пространственными отношениями инэссивного типа, однако обладают способностью перемещаться относительно друг друга. Большая часть подобных конструкций относится к делокативному типу. Как и в физической сфере, иллативные пространственные отношения получают выражение в двух различных структурах – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} из N_{Gen}^{D-S}$:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: *егда же хощеть дѣла твоя раздѣлитѣ ѿ тѣла* ‘твоя душа хочет отлучиться от тела’, *грѣшникѹ же дѣла съ страхомъ ѿлѣчается ѿ тѣла* ‘у грешника же душа со страхом отлучается от тела’, *приговяетѣ изити ѿ своего тѣла* ‘приготавливается выйти из своего тела’, *во исходѣ нашемъ ѿ житыа сего* ‘в исходе нашем от этой жизни’, *сиа дѣтели исходять с нами ѿ житыа сего* ‘эти поступки уходят с нами от жизни [земной]’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} из N_{Gen}^{D-S}$: *такѡ исходѣши изъ телесѣ* ‘так, выходящие из тел’, *имѹ кличѣти изъ тѣла изити* ‘случится им из тела выйти’.

Конструкции, где заполнена позиция директива-финиша, менее распространены и, помимо базисного для христианского мировоззрения сценария смерти человека как перехода от земного к небесному, охватывают также и некоторые частные ситуации:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} на N_{Acc}^{D-F}$: *аще во видиши оуна на нѣбо възходяща* ‘если видишь юного, восходящего на небо’, *[мѣтвы] с дерзновеньемъ на нѣбо сходять часто* ‘молитвы, с храбростью часто на небо восходят’, *и вѣтѣвнымъ силами възносящѣи на небеса* ‘и божественные силы, возносящиеся на небеса’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} k\tilde{z} N_{Dat}^{D-F}$: и аки текѹть дѣша кѡ телесемѡ ‘и идут души к телам’.

Так, в контексте млѣвы с дерзновеньемъ на нѣбо сходить часто ситуация успешной коммуникации человека с Богом интерпретирована как передвижение материализованного объекта (млѣва) в пространство над-реальности. В контексте же и аки текѹть дѣша кѡ телесемѡ получает развитие идея раздельного существования двух составляющих человеческой личности, дистанция между которыми может увеличиваться или сокращаться.

Кроме того, движение между двумя пластами реальности может осуществляться и в другом направлении; в таких случаях в качестве субъектов выступают нематериальные сущности (Бѣѡ, дѣволѡ и др.). Отметим, что, в отличие от статических конструкций, в которых последним, как правило, отводилась роль локализатора, здесь они обнаруживают способность выступать в роли более активного, мобильного актанта:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} s\tilde{z} N_{Gen}^{D-S}$: дѣволѡ зависти ради с нѣбе ѿпаде ‘дьявол из-за зависти с небес упал’, $s\tilde{z}$ нѣби сѣди исходить ‘с небес судья сходит’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} k\tilde{z} N_{Dat}^{D-S}$: не сине ли к намѡ ‘разве не сошел [Бог] к нам?’

Наиболее разнообразную с точки зрения структурных разновидностей группу примеров составляют случаи передвижения внутри пространства над-реальности. В качестве субъектов в этих контекстах выступают преимущественно лица (реже – овеществленные, одушевленные абстрактные понятия, например собирательное существительное зми), позиции же директива-старта и директива-финиша могут замещать локализаторы следующих типов:

– одушевленные конкретные существительные, обозначающие лица по различным признакам (чин – днаконѡ, епископѡ, личностные характеристики – грѣшникѡ), а также именующие сущности (Богѡ, дѣволѡ);

– неодушевленные конкретные существительные, большинство из которых относится к лексико-семантическим группам ‘постройки’ (чѣртогѡ) и ‘части построек’ (врата);

– наименования сил (огонь);

– существительные, называющие локации с условными границами, которые выделяются внутри единого пространства над-реальности. Такие локации включают в себя место, где Бог вершит суд (сѣдище, сѣдѡ), место, где подвергаются мучениям грешники (место мѹченое, адѡ), приют для праведников (раи).

Таким образом, за счет обозначения начальных и конечных точек траекторий движения образ нематериального мира предстает более детализированным и упорядоченным, чем в статическом сегменте выборки: так, он подвергается зональному делению и включает в себя аналоги бытовых материальных объектов физической реальности, заполняющие пространство.

Структурное разнообразие, которым характеризуется данная группа примеров, свойственно только для контекстов с замещенной позицией директива-финиша. Структуры с локализатором – директивом-стартом образуют в составе выборки небольшую группу однотипных апудаблативных конструкций:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: *оуклонителѧ ѿ мене ѡбѧвини* ‘уклонитесь от меня [Бога], лукавые’, *ѿшедѧше ѿ сѡдѡ* ‘отойдя от суда’.

Напротив, адлокативные конструкции охватывают более широкий круг семантических разновидностей пространственных отношений:

– иллативные:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{в} N_{Acc}^{D-F}$: *почто дѡше не внидеши въ чертогѧ небесныи сѣѧи* ‘почему, душа, ты не войдешь в небесный чертог святой?’, *ми сѧшедѧго въ адѧ тебе ради* ‘меня, сошедшего в ад ради тебя’, *подобаетъ вѧннѧти во црѣѧво нѣбѧное* ‘подобает войти в царство небесное’, *в небеснаи врата вниѧти* ‘в небесные врата войти’, *в чертогѧ внидеѧ* ‘в чертог войдет’, *вселилѧ бы в адѧ дѡша моя* ‘вселилась в ад душа моя’, *да възвратѧтъсѧ грѣшници въ адѧ* ‘да возвратятся грешники в ад’, *каждо поидетъ в мѣсто мѡченоиѧ* ‘каждый пойдет в место для мучения’, *и не впадемѧ в рѡѧѧ неприязнонѧмѧ бѣсомѧ* ‘и не впадем в руки омерзительным бесам’, *страшно естъ впасти в рѡѧѧ живѧ бѧ* ‘страшно впасть в руки живого Бога’;

– апудлативные:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{к} N_{Dat}^{D-F}$: *и радѡущиѧ идеть сѧ ангѣлы къ бѣ* ‘и, радуясь, идет с ангелами к Богу’, *да к немѡ пристѡпиши вѧстраха* ‘да подступишь к нему без страха’, *да приближитѧ млѣѧа моя гѣи к тебеѧ* ‘да приблизится молитва к тебе, Господи’, *блжнѧ иже ѿидеть сѧ дерзновеньемѧ къ бѣ* ‘блажен тот, кто смело пойдет к Богу’;

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: *истинньѡ бѣ пришеѧ иси* ‘[ты к] истинному Богу пришел’, *и припадѧ законодавцю* ‘и припал [к] установившему закон’;

– сублативные:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{под} N_{Instr}^{D-F}$: *херѡвимѧ. ѡ престола подѧ колесемѧ скрылѧ* ‘херувим у престола под колесом скрылся’;

– циркумлативные:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$: **нынѣ же ѡбишла вы сѣть злата всѧ также сдѣласте**
 ‘теперь же обошло вас все зло, которое вы сделали’.

Также зафиксировано несколько случаев заполнения двух сирконстантных позиций одновременно. В этих конструкциях иллативное значение, выраженное именной группой **въ** N_{Acc}^{D-F} , дополняется апудаблативным, заключенном в предложно-падежной форме **ѡ** N_{Gen}^{D-S} :

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{\omega} N_{Gen}^{D-S} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$: **ѡмѡчнителя ѡ мене проклѧти в огонь**
 ‘уйдите от меня, проклятые, в огонь’, **идѣте ѡ мене въ огонь вѣчный** ‘идите от меня в огонь вечный’.

Сопоставляя структурное разнообразие ЭПП, реализующихся в этих двух сферах, мы видим, что, как и в случае со статическими конструкциями, ситуации над-реальности не уступают в количестве типов пространственных отношений, хотя набор языковых средств, который служит для описания последних, несколько более ограничен (см. Таблицы 4 и 5).

Таблица 4

**Структуры с локализатором адлокативного типа,
 описывающие динамические пространственные ситуации
 физической реальности и над-реальности**

Группа моделей	ТСС, реализующиеся в физической сфере	ТСС, реализующиеся в над-реальности
Иллативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$
Суперлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на вѣрхѣхъ / вѣрхѣхъ } N_{Gen}^{D-F}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$
Сублативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ подѧ } N_{Instr}^{D-F}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ подѧ } N_{Instr}^{D-F}$
Апудлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ къ } N_{Dat}^{D-F}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Loc}^{D-F}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ къ } N_{Dat}^{D-F}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$
Циркумлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$

Таблица 5

**Структуры с локализатором делокативного типа,
описывающие динамические пространственные ситуации
физической реальности и над-реальности**

Группа моделей	ТСС, реализующиеся в физической сфере	ТСС, реализующиеся в над-реальности
Инаблативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$
Супераблативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$
Апудаблативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-S}$	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$

2.3. Неизосемические реализации структур

2.3.1. Неизосемические реализации ТСС движения в ЭПП

В своем прототипическом виде модели движения описывают события, разворачивающиеся в физической реальности между дискретными материальными объектами. Однако идея движения как символа динамичности окружающей действительности в целом настолько закреплена в языковом сознании, что модели движения реализуются в прочих сферах не менее регулярно, чем в базовой: так, в тексте «Паренесиса», не в последнюю очередь по причине его специфической жанровой тематики, ТСС движения описывают события физической сферы только в 31% случаев.

Семантический перенос из базовой сферы в прочие определяется подбором лексем в непредикатных позициях (прежде всего – в позиции локализатора), а также наложением их лексических значений на типовую семантику исходной структуры. Ниже мы проанализируем случаи перехода в физиологическую, психическую, социальную и духовную сферы.

2.3.1.1. ЭПП с семантикой физиологического процесса

Данная группа примеров представлена описаниями ситуации рождения как отделения ребенка от тела матери. Соответственно, непредикатные позиции в ЭПП заполняются лексемами, обозначающими лица (дѣва, жена, личные и указательные местоимения), позиция же предиката замещается глаголами рождения или начала существования в физической реальности (родитисѧ, воплотитисѧ), что и обуславливает перенос события в физиологическую сферу. Все примеры в данной части выборки являются реализациями делокативной ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$, в которой отсутствует информация о конечной точке движения – это также способствует концентрации внимания на физиологической составляющей процесса:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: $\bar{w}$ дѣвы родисѧ ‘от девственницы родился’, иже родисѧ $\bar{w}$ стѣмъ дѣмъ ‘который родился от святой девы’, родитъ же сѧ воистинѣ $\bar{w}$ жены ‘[он] действительно родится от женщины’, бѣговолившю бѣ воплѣтити $\bar{w}$ неѣ ‘так как Бог благоволил воплотиться от нее’.

2.3.1.2. ЭПП с семантикой психического движения

Наиболее регулярно перенос в психическую сферу происходит в тексте памятника в соответствии со стандартным механизмом, который действует и в современном русском языке для ЭПП структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} с одушевленным субъектом. Ключевым элементом, вызывающим трансформацию, в подобных контекстах является предикат, выраженный глаголом с семантикой зрительного восприятия реальности (зрѣти и производные приставочные образования):

воззри же на первыя роды ‘погляди же на первые поколения’, возрѣвѣи на чюжю женѣ ‘смотрящий на чужую жену’, и нынѣ влѣко призи на раба твоего ‘и теперь, владыка, взгляни на раба своего’, не дерзѣи зрѣти на нѣбо ‘не дерзну посмотреть на небо’, на плоды послушания взираи ‘на плоды послушания глядя’, вззирающе на безконечнѣ мѣкѣ ‘глядя на бесконечную муку’.

Однако выборка также содержит конструкции, где реализуется семантика слухового восприятия. Эта группа примеров существенно менее однородна и отличается от описанной выше как по структуре, так и по закономерностям заполнения синтаксических позиций:

– если зрительное движение в психической сфере мыслится как суперлативное – направленное на поверхность физического объекта, то

ситуации слухового восприятия связаны с идеей проникновения и, соответственно, описываются иллативной структурой $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$.

– восприятие органами зрения рассматривается как волевой акт, контролируемый человеком процесс; как следствие, в структуре ЭПП лицо занимает активную позицию субъекта, осуществляющего движение, тогда как объект восприятия предстает в роли пассивного, статичного сирконстанта. Напротив, слуховое восприятие в большинстве случаев воспринимается как непроизвольный процесс, в котором человеку отведена роль локализатора – пассивного контейнера для различных звуковых впечатлений, входящих в его сферу:

да внидѣть въ слѣха твоѧ гѣмь реченаѧ ‘да войдет в слух твой то, что сказал Господь’, а мѣтва ѧѧ въ оуши бѣ вниде ‘а молитва твоя в уши Богу вошла’.

Однако в тех немногочисленных случаях, когда намерения лица обретают особую коммуникативную значимость, возможно и обратное распределение семантических ролей:

и оуши его въ мѣтвѣ ихъ ‘и уши его – в молитву их’;

– как можно заключить из приведенных примеров, в отличие от контекстов с семантикой зрительного восприятия, в качестве сирконстантов или актантов в ТСС, описывающих ситуации слухового восприятия, выступают наименования не лиц, но их обособленной биологической функции (слѣхъ), не объектов материального мира, но более абстрактных звуковых впечатлений (молитва). Другим отличием является то, что для последних не характерно употребление в позиции предикатов глаголов специфических лексико-семантических групп: как правило, в таких конструкциях мы находим формы обычного для иллативных структур глагола вонти, в других случаях предикат может быть опущен (и оуши его въ мѣтвѣ ихъ) в целях трансляции направительного значения.

Однако мы также должны отметить, что в ряде контекстов обнаруживаются глаголы-предикаты, которые называют действия, связанные с речевой деятельностью и вообще не обладают пространственной семантикой:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: чтѣщемъ въ оуши братѣи ‘читающему в уши братьям’, почти въ оуши братствѣ ‘прочи в уши братьям’, и слышахъ глѣ во оушю мою глѣхъ ‘и слышал голос, говорящий мне в уши’.

Эти глаголы употребляются в сочетании с субъектами-лицами и осложняют семантику слухового восприятия в ее протопическом виде (‘некто воспринимает звучание’) путем наложения на нее побочной

ситуации, которая порождает воспринимаемый звук ('некто читает / говорит > некто воспринимает результирующее звучание'). Введение дополнительного актанта, производящего звучание, сближает семантическую организацию ситуации с типичной для пропозиций перемещения, но это обстоятельство не находит отражения в структуре ТСС, которая полностью соответствует модели движения.

Таким образом, реализации ТСС движения в психической сфере могут быть разделены на два семантических класса, один из которых составляют единообразные фразеологизированные конструкции, другой же – ряд структур, в которых ситуация восприятия действительности органами чувств интерпретируется в терминах динамических пространственных отношений различными способами.

2.3.1.3. ЭПП с семантикой социального состояния

В данной группе конструкций позицию директива-старта или директива-финиша замещают существительные с семантикой лица (как правило, характеризующие его по принадлежности к определенной социальной прослойке) в форме множественного числа. Все зафиксированные контексты относятся к иллативной и инаблативной разновидностям динамических пространственных конструкций:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: изиди миръкыхъ 'уйди [из] мирских'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} в\grave{з} N_{Acc}^{D-F}$: или иегда в разбойники впадѣ 'или когда попаду к разбойникам', аще еже впадеѣ в разбойники на пѣтѣхъ кто 'если же некто встретится с разбойниками на путях', поиди оуже вѣ дрѣгыи члѣкы 'пойди уже к другим людям'.

В противоположность ЭПП с семантикой статического социального состояния, референтные ситуации в этих примерах не предполагают длительного, стабильного пребывания в указанной группе людей, как видно из конструкций или иегда в разбойники впадѣ, аще еже впадеѣ в разбойники на пѣтѣхъ кто. Очевидно, здесь реализуется малотипичная для памятника метафора вещества – представления набора предметов как однородной физической массы, от которой отделяется субъект-лицо.

2.3.1.4. ЭПП с семантикой духовного состояния

Тенденция к характеристике душевных качеств человека, его соответствия христианскому идеалу, через определение его положения в

пространственных координатах, точками отсчета которых выступают Бог и дьявол, распространяется также и на динамические ситуации, подразумевающие постепенное развитие и изменение духовного состояния. Реализации ТСС движения, в которой одна из непередикатных позиций заполнена лексемами такого рода, и сама идея движения вследствие этого обретает символический характер, составляют существенный сегмент в составе выборки.

Наименования нематериальных сущностей появляются в позициях субъекта приблизительно с той же частотностью, что и наименования лиц (43 и 57% соответственно), из чего можно заключить, что эти два класса актантов могут считаться в равной степени динамичными. Так как оптимальным типом пространственных отношений между человеком и Богом является максимальная близость друг к другу, переходящая во взаимопроникновение, адлокативные конструкции, большинство из которых относятся к иллативному и апудлативному типам, маркированы как положительные процессы, эквивалентные духовному росту. Напротив, делокативные конструкции, знаменующие движение, которое отдаляет Бога и человека друг от друга, выражают идеи осквернения или отвержения. Для пространственных отношений между человеком и враждебными ему сущностями (дьявол, бѣс) характерны обратные закономерности. Проиллюстрируем все эти разновидности пространственных отношений контекстами из памятника (см. Таблицу 6).

**Типы элементарных реализаций динамических ТСС
с семантикой духовного состояния**

Делокативные конструкции		Адлокативные конструкции	
Субъект – человек	Субъект – сущность	Субъект – человек	Субъект – сущность
Инаблативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} из N_{Gen}^{D-S}$: невозможно бо иеть извѣжати из руки ‘невозможно убежать из руки [Бога]’. Апудаблативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} ѿ N_{Gen}^{D-S}$: удалившеся ѿ тебе погыбнѣть ‘удалившиеся от тебя погибнут’, камо бо идемъ рече ѿ дѣла твоего ‘он говорил: «Куда мы пойдем от духа твоего?»’, и ѿ лица твоего камо бѣжи ‘и от лица твоего куда убегу?’, оуклонишася вси ѿ бѣа ‘уклонились все от Бога’. $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: бѣжи дьявола ‘беги [от] дьявола’, бѣжи змиа ‘беги [от] змия’	Апудаблативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: не самъ бо тебе ѿступитъ ‘не сам [Бог] от тебя отступит’; ѿвратитѣи его хѣи ‘Христос отвернется [от] него’.	Иллативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} въ N_{Acc}^{D-F}$: праведныхъ дша в рѣкѣ бѣи ‘душа праведных – в руку Божью’, околѣшася во хѣи ‘облачившись в Христа’ Апудлативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} къ$ N_{Dat}^{D-F}: тѣмъ же възавлени и въспранѣмъ къ гѣи ‘поэтому, возлюбленный, воспрянем к Господу’, но обратиѣ къ гѣи ‘но обратись к Господу’, и притецѣмъ ко хѣи ‘и придем к Христу’, ты самъ приходиши къ гѣи ‘ты сам приходишь к Господу’, приди и ты ко цѣрю ‘приди и ты к царю’, пристѣпи къ спѣи ‘подступи к Спасу’, къ комѣ оубо приѣгнѣи но къ тебѣ члѣколюбче ‘к кому	Иллативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} въ N_{Acc}^{D-F}$: да вселитѣся в тѣа дѣи бѣи ‘да вселится в тебя дух божий’, тогда вселитѣи бѣи в онѣ ‘тогда вселится Бог в него’, гѣи вселашася иеть въ дѣи ‘Господь вселился в душу’, да дѣи сѣи вселитѣи в ны ‘да дух святой вселится в нас’, и вселашася въ сѣице его ‘и вселился [Бог] в сердце его’, вселитѣи бѣи въ такое во тѣло ‘вселится Бог в такое тело’, вселитѣся въ храмъ телесный ‘вселиться в храм телесный’, и вселитѣи въ тѣа бѣи вышнии ‘и вселится в тебя Бог вышний’. яко [бѣи] да възкочивше растлатъ в ней ‘бесы, вскочив [в твою душу], растлят в ней’

		прибегну, кроме тебя, человеколюбивый?’, да приблизитѣся к тебѣ плачь мой ‘да приблизится к тебе плач мой’, имѣи срѣще свои к ѿ ‘имея сердце свое [обращенным] к Богу’ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: припадаючи члвѣколюбцю ѿ ‘припадая [к] человеколюбивому Богу’ приблизитѣся къ ‘приблизьтесь к Богу’	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F}: и на срѣще члвѣкъ грѣшнѣ не наиде ‘и на сердце грешному человеку не придет’ Апудлативные: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ къ N_{Dat}^{D-F}: воистинѣ ѿ пристѣпаетъ къ намъ ‘Господь воистину подступает к нам’
--	--	--	---

Отметим, что, несмотря на немногочисленность семантических разновидностей, данный круг примеров отличается разнообразием структурных типов, сопоставимым с представленными реализациями ТСС в базовой физической сфере. Более того, некоторые контексты дублируют специфические схемы наполнения структур с узкой сферой применения: так, контекст *околязшиа во хїа* уподобляет ситуацию внутреннего единения с Богом надеванию предмета одежды. Тенденция к структурной дифференциации и наличие живых метафорических процессов подтверждают нормативность данного типа неизосемического употребления ТСС движения.

Помимо этих примеров, которые организуются по тем же принципам, что и статические пространственные конструкции, выражающие семантику духовного состояния, нами был выявлен ряд контекстов с семантической конфигурацией, уникальной для реализаций ТСС движения. В них наименования верховной сущности или ее части выступают в роли локализатора-трассы:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} по N_{Dat}^{TrLoc}$: *і по тєбѣ идѡхомъ* ‘и по тебе [Богу] идем’,
только вѣхѡщи ходити по немѡ ‘только пожелай ходить по нему [Богу]’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$: *бжїтвѣннѡю ѡдєсницєю прошєдѡ* ‘божественною десницею прошел’.

В подобных случаях совпадение Бога и человека в пространственных координатах, которое и здесь выступает в качестве залога духовного благополучия, представляется не как воссоединение, которое достигается за счет движения и мыслится как его цель, но стабильное соприкосновение в непрекращающемся процессе движения, которое теряет, таким образом, свою направленность и приобретает более отвлеченный смысл общей непрерывной динамики внутреннего состояния.

2.3.1.5. ЭПП с семантикой эмоционального отношения

Данная группа неизосемических ЭПП представлена небольшим количеством реализаций и включает фразеологизированные структуры двух типов.

Одна из них – фразеологизированная структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} вѣ N_{Acc}^{D-F}$, вид которой целиком определяется глаголом-предикатом *вѣрити*, однозначно предопределяющим окружение.

гонитъ вѣровавшихъ в хїа ‘гонит веровавших в Христа’.

Мы не находим в «Паренесисе» других примеров реализации значения эмоционального отношения при помощи иллативной структуры, что свидетельствует об отсутствии продуктивных механизмов трансформации, которые могли бы стоять за данной конструкцией.

Структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} относится к суперлативному типу. Ее реализации обнаруживают больше вариативности в лексическом наполнении: позиции субъекта и локализатора стабильно замещаются одушевленными существительными, но в позиции предиката обнаруживаются различные глаголы с пространственной семантикой, как статической, так и динамической:

и в¹ста²ю³ца⁴ на т⁵а ‘и все, встающее на тебя’, аще л⁶б⁷кавыи на ны в⁸ста⁹неть ‘если дьявол на нас встанет’, не в¹⁰з¹¹носи¹²ся на б¹³рата сво¹⁴его ‘не возносись на брата своего’, иже н¹⁵б¹⁶и со мною на м¹⁷а и¹⁸сть ‘тот, кто не со мной – на меня’, вс¹⁹а тим²⁰ѣныи и гл²¹бины придоша на м²²а ‘все грязи и глубины пришли на меня’, се и²³сть с²⁴пр²⁵отив²⁶ь сто²⁷и на ны ‘они – стоящие против на нас’, аще в²⁸з²⁹ор³⁰уж³¹ить кто се³²бе на с³³пр³⁴отив³⁵наго ‘вооружиться кто-нибудь на врага’.

В приведенных конструкциях трансформация прототипического значения не связана с сочетаемостными особенностями конкретного глагола, но является имманентным свойством самой структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} . Мы можем предположить, что связанное с ней типовое значение направленности в определенных контекстах обретает негативные коннотации, что вызывает представление о враждебных намерениях субъекта по отношению к лицу, выступающему в качестве его фокуса.

2.3.2. Неизосемические реализации статических ТСС в неЭПП

В предыдущем параграфе мы описали примеры переноса ситуации из физической сферы, происходящие без нарушения симметрии между планом выражения и планом содержания синтаксической единицы. Однако подобные схемы переноса уступают по количеству и широте применения механизмам, протекающим с дополнением исходного пропозиционного значения движения добавочной событийной семантикой (39% от общего числа реализаций ТСС движения). Данный раздел посвящен неэлементарным реализациям моделей в физической, физиологической, социальной, эмоциональной, интеллектуальной и духовной сферах, возникающих как результат этих процессов.

2.3.2.1. НеЭПП с семантикой состояния и деятельности

Реализации динамических пространственных ТСС, выражающие статальную семантику, составляют около половины всех неизосемических конструкций. Семантическое осложнение структур и утрата элементарности происходит за счет заполнения одной из непредикатных позиций лексемой, выражающей пропозиционное значение в свернутом виде. В зависимости от того, какую позицию занимает событийный девербатив, процессы семантической трансформации могут протекать по сценариям двух типов:

1. Примерно в 42% контекстов роль субъекта отведена наименованиям различных типов состояния, перемещающихся относительно локализатора-лица. Подобно статическим примерам с таким же типом распределения семантических ролей, эти конструкции создают картину раздельного существования человека и его разнообразных ощущений, однако реализации моделей движения в дополнение к этому присваивают последним статус наиболее активного участника ситуации, представляя ситуацию пребывания лица в некотором состоянии как результат внешних по отношению к нему и не поддающихся контролю процессов.

Частные семантические типы конструкций определяются конкретным лексическим значением существительного в позиции субъекта, например:

а) имена с семантикой физиологического состояния (*сонь, мѣка, дрѣманьє*), а также физического процесса, в тех случаях, когда в качестве локализатора выступают названия частей человеческого организма (*и видѣть трѣпетъ в кости 'и войдет трепет в кости', ни рана не пристѣпитъ къ телеси твоємѹ 'и рана не подступит к телу твоему'*);

б) имена, определяющие социальный статус человека через его имущественное положение (*богатѣтво*);

в) существительные, относящиеся к лексико-семантической группе 'результаты интеллектуальной деятельности' (*помыслиа*);

г) наименования эмоциональных состояний (*тѣрпѣныє, лѹбы, скорѣь, догаженѣь, прелесть*);

д) духовное состояние человека как внутренняя приверженность к христианским ценностям и соблюдение религиозных предписаний (*тъма, благодать, зло*).

Помимо семантической, в данной группе примеров наблюдается существенная также структурная дифференциация: для описания динамики внутреннего состояния человека применяются типовые конструкции, репрезентирующие различные типы пространственных отношений. Ниже мы представим список употребляемых в тексте структур и прокомментируем их роль в представлении статических ситуаций в их становлении.

1) Делокативные конструкции. Выделение семантических подтипов внутри данного класса представляется затруднительным, так как все делокативные конструкции, выявленные в тексте, являются реализациями модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ – универсальной структуры, сочетающей в себе несколько частных типовых пространственных значений. Соответственно, мы можем охарактеризовать предполагаемый тип движения только в самом общем виде, как осуществляющийся в направлении от лица, и предположить, что именно возрастание дистанции между субъектом и директивом-стартом является коммуникативно-значимым элементом пространственной ситуации. Вероятно, в этой группе примеров действует механизм, основанный на метафорическом представлении ‘физическая приближенность эквивалентна причастности’ и образ удаления состояния человека от его физической сущности передает идею невольной утраты этого состояния:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: не преидоша ли $\bar{w}$ насъ акы сонъ ‘разве не ушли они от нас, как [уходит от нас] сон’, яко бѣлъство вѣжитъ $\bar{w}$ него ‘богатство бежит от него’, и терпѣныя удаляеться $\bar{w}$ насъ ‘и терпенье удаляется от нас’, любы николи же не $\bar{w}$ падаетъ ‘любовь же никогда не отпадает [от нас]’, не $\bar{w}$ стѣпаетъ скорбь $\bar{w}$ него ‘скорбь не отступает от него’, кѣмъ прельсть и смѣхъ. не преидоша ли $\bar{w}$ насъ ‘где прельщение и смех? Не ушли ли от нас?’, $\bar{w}$ стѣпнть $\bar{w}$ мене [благѣть] ‘отступит от меня благодать’.

2) Адлокативные конструкции. Этот тип конструкций, напротив, охватывает вполне определенный набор структурно-семантических разновидностей:

– иллативные конструкции – реализации ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Acc}^{D-F}$ – воплощают широко применяющуюся в «Паренесисе» по отношению к человеку метафору вместилища: внутренняя жизнь личности рассматривается как замкнутое пространство, в котором размещаются все происходящие с ней процессы. Типовую семантику направления движения в пределы пространства в этих контекстах, таким образом, следует

интерпретировать как образное выражение идеи предвестия или постепенного развития некоторого состояния:

и внидець трепеть в кости 'и войдет трепет в кости', блгдть дхбнаи не внидець въ члбк 'благодать духовная не войдет в человека', и да вселитсѧ в мѧ [млтѡ] 'и да вселится в меня [молитва]', и прежде вшествиа его [греха] внѣтръ 'прежде вхождения [греха] внутрь', ко ѡбращеть помыслъ лѡкавыи вхоѡ в дшю 'обретет лукавый помысел вход в душу';

– суперлативные конструкции образуют разнородную группу реализаций ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} , репрезентирующих преимущественно метафорическое переосмысление семантики направленности на объект (подробнее об этом будет сказано далее):

нападѣ на мѧ стѣхъ 'нападет на меня страх', его рѡдъ стѣти зѣло възстантъ на ны 'поэтому страсти *очень встают на нас', находящимъ помысломъ 'находящим [на кого-то] помыслом', тѣма нападець на нѧ 'тѣма нападет на нас', кто не плачетьсѧ нашедѣшаго зла на ны 'кто не плачется о зле, нашедшем на нас'.

Кроме того, в выборке встречаются примеры, где в качестве источника метафоризации пространственной ситуации выступает представление о локализации всего связанного со сферой божественного выше объектов материального мира. Движение духовных реалий, абстракций, выражающих идею добродетели, таким образом, воспринимается как ориентированное сверху вниз:

да придетъ на мѧ блгдть 'да придет на меня благодать';

– появление в тексте апудлативных конструкций вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ къ N_{Dat}^{D-F} или $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-F}$ связано с описанным выше механизмом интерпретации расстояния между объектами как степени их причастности друг другу. Согласно этой схеме, сокращение расстояния при движении субъекта состояния к директиву-финишу должно трактоваться как нарастающая склонность к нему:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ къ N_{Dat}^{D-F} : ни рана не пристѣпитъ къ телеси твоему 'и рана не подступит к телу твоему', не придетъ къ тебѣ зло 'не придет к тебе зло'.

К апудлативной же группе мы относим и реализации структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-F}$, которые не обнаруживают выраженной специфики передаваемых пространственных отношений и, по всей видимости, являются структурным вариантом, связанным с особенностями синтаксической сочетаемости глаголов-предикатов:

и не прикоснется их мѣка ‘и не коснется их мука’, и не могут никогда же скверни помыслы приблизиться дѣши ‘и не могут никогда скверные помыслы приблизиться [к] душе’;

– реализации циркулативной ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$ сочетают в себе общее пространственное значение адлокативной группы – ‘движение по направлению к локализатору’ – с частным семантическим квантом ‘вокруг’, вследствие чего конечной точкой движения оказывается пространство вокруг локализатора. Образ окружения лица со всех сторон вызывает идею крайней степени вовлеченности, «замкнутости» в указанном состоянии:

і обидѣть тѣ первое дрѣманье ‘и обойдет тебя первый сон’, еда како стѣтъ обидѣла естъ ‘как страсть обошла’, тогда обидѣть ѿ камазнь люта ‘тогда обойдет их жестокое раскаяние’, сего ради обидѣржитъ мѣ скорбь многа ‘поэтому охватила меня сильная скорбь’.

3) Конструкции с семантикой ориентированного движения. Данный тип представлен в выборке единичными примерами. Семантический перенос базируется на метафорической модели, согласно которой движение пары объектов в одном направлении рассматривается как аналогия их внутреннего взаимоуподобления:

видиши мѣ сѣгрѣцающа вслѣдъ мене не ходи ‘видя, что я грешу, не ходи мне вслед’, яко же азъ грядыи есмь вслѣдъ дѣявола ‘я же, идущий вслед дьяволу’, вслѣдъ идетъ спѣс нашего ‘идет вслед нашему Спасу’.

Учитывая абстрактный характер локализатора в рассматриваемом блоке неЭПП, мы можем говорить об адаптации изначальной структурной метафоры к ситуациям, включающим как одушевленных, так и неодушевленных участников – уподобление переосмысливается как передача некоторых характеристик:

і того стопъ вслѣдъ ходитъ печаль ‘и вслед его стоп ходит печаль’.

2. Другую группу (58% от общего числа неЭПП этого типа) объединяет обратная схема распределения семантических ролей: в роли субъекта оказывается одушевленное существительное, обозначающее лицо, в то время как в качестве локализатора выступает имя с пропозиционной статальной семантикой. Такой характер лексического наполнения в большей степени соответствует каноническому образцу, в соответствии с которым роль более динамичного актанта отводится лицу, как одушевленной реалии, существующей в физическом мире; тем не менее условная, образная природа ситуации движения сохраняется за счет появления в ней абстрактного понятия. Кроме того, представление лица в

роли субъекта предполагает более активное участие в разворачивающемся событии, большую степень контроля над ситуацией достижения, переживания или выхода из состояния.

Конкретные разновидности стальной семантики в данном блоке примеров также связаны с тем, к какой лексико-семантической группе принадлежит абстрактное имя-локализатор:

а) имена, обозначающие различные виды физической деятельности – речевую (клевѣта), интеллектуальную (чтѣние), направленную на достижение цели (волшество, тѣдѣ); к этой же группе примыкают образования от глаголов образа жизни и поведения (пьянство) и оценочные наименования действий (подвигѣ);

б) наименования физиологических состояний (сонъ, колѣзнь, мѣка);

в) наименования социальных классов, институтов (монашество, чернечество), в том числе и описательные (мнишеский чинъ, образъ), обозначения различных типов социального уклада (миръ, общежитые), имущественного положения (меньшие житые), социальных процедур (вина в значении ‘осуждение, возмездие’);

г) существительные с семантикой интеллектуальной деятельности (как правило, с присловными распространителями – память о земныхъ вещехъ, расцѣженые тѣе, раздѣмъ истинныи) и ее продуктов (помыслъ гнѣсныи), наименования религиозных учений или верований (власѣимии);

д) обозначения различных эмоциональных состояний (печаль, радость, стѣдѣ, ненависть, бѣстрашиѣ, скорбь);

е) лексемы, оценочно характеризующие образ духовной жизни человека (тъма, погнѣль, благодать).

Структурное разнообразие в рассматриваемом блоке представляют следующие разновидности конструкций.

1) Делокативные конструкции. Основной массив примеров составляют реализации ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ и ее беспредложного варианта $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$, в которых различные типы делокативной семантики по большей части реперзентируются недифференцированно:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: $\bar{w}$ пьянства възпрѣнѣвшаго ‘от пьянства възпрѣнувшего’.

не прѣдоша ли $\bar{w}$ насъ акы сонъ ‘разве не ушли они от нас, как [уходит от нас] сон’, възпрѣнемъ... яко $\bar{w}$ сна ‘возпрѣнем, как [возпрѣнули бы] от сна’, яко же оубо прѣставилъ еси $\bar{w}$ жизни еси ‘[ты] прѣставился от этой жизни’, почто изидохъ отъ мира сего ‘зачем [я] отошел от этого мира?’, и $\bar{w}$ всего земнаго оудалившесѣ ‘и от всего земного удалившись’, братъ $\bar{w}$ обители $\bar{w}$ стѣпнѣша $\bar{w}$ чернъ

ризы 'брат, от обители отступивший, от черных риз', *вспрянемъ ѿ памяти сѣтнаго жития* 'воспрянем от воспоминаний о суетной жизни', да *възможеша избѣжати ѿ гнѣва* 'да сумеешь убежать от гнева', *потщимса избѣжати ѿ стыда* 'попытаемся убежать от стыда', *далече бѣжите ѿ ненависти* 'далеко бегите от ненависти', *избѣгнѹти ѿ скорби* 'убежать от скорби', *егда кто ѿпадець сего блаженства и вѣщисленна радѣти* 'когда кто-то отпадет от этого блаженства и бесконечной радости', *тъмѣ же ѡклонимса ѿ зла* 'так уклонимся от зла', *бѣжи ѿ грѣха* 'беги от греха', да *ѿ гнилости ѡдалистеса* 'да от гнилости удалитесь', *ѿстѹпнѹти ѿ грѣха* 'отступить от греха', и *ѿ влгдѣти испаде* 'и от благодати отпал'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{\omega} N_{Gen}^{D-S}$: да не *ѡклонитса на десно ни на шюю ѿ доброты твоєю* 'да не уклонится ни направо, ни налево от твоей благости'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: *трьда хотѣ избѣжати* '[от] труда хотя убежать', *страшливи же слави своєю слабостью подвига бѣгають* 'пугливые же, слабые из-за своей слабости [от] подвига бегают', *иже ѿбѣжавъ того подвига* 'убежав [от] того подвига', *инъ клеветы ѿстѹпнѹи єсть* 'другой [от] клеветы отступил', и *дѣтели сицевыи не можеть мнѣти коснѹтиса* 'и деяния такой не может думать коснуться', *ѿбѣжаша болѣзни* 'отбежали [от] болезни', *ѿшедъше ко мира* 'отойдя [от] мира', *тъмѣ же и ѿ меншаго жития грядѹщимъ* 'тем же, кто от более бедной жизни приходит', *ѣа радма охощащаго бѣтѣства своего* 'бога ради отходящего от своего богатства', *не ко ѡбѣжа мѹкы* 'не убежал [от] муки', *не избѣжю печали* 'не избегну печали', *бѣжимъ всакоу похоти злыи* 'бежим [от] любой злой похоти', *бѣжиши терпѣнья* 'бежишь [от] терпенья', *озлобленъи бѣгають* '[от] озлобленья бегают', *ѿбѣжаша скорби* '[они] отбежали [от] скорби', *не ѡкланѹсѣа всего зла* 'не уклоняюсь [от] всего зла', *ѿмещищеи всегда вѣштвнѹхъ блгъ* 'метясь всегда [от] божественных благ', *прекословъи радъ красныи славы ѿпаде* 'из-за вздорности [от] доброй славы отпал'.

В некоторых примерах контекст и употребление глаголов-предикатов соответствующей семантики и словообразовательной структуры позволяет предположить, что структура транслирует пространственное значение апудаблативного типа и связанные с ним метафорические коннотации (*тъмѣ же ѡклонимса ѿ зла*, да *ѿ гнилости ѡдалистеса*, *далече бѣжите ѿ ненависти*), но в большинстве случаев этой информации оказывается недостаточно, чтобы точно определить разновидность пространственного отношения между субъектом и локализатором.

С другой стороны, в выборке представлен ограниченный набор контекстов со структурой $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} из N_{Gen}^{D-S}$, маркирующей инаблативную разновидность делокативного значения:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} из N_{Gen}^{D-S}$: гла изиди из общагожитѣя 'говоря: «Уйди из общежития»', изидемъ из мира 'уйдем из мира', тако из мертвыхъ възкрша ї. из глѣбины вѣстрашѣя бѣна 'будто из мертвых, воскресли из бесстрашия божьего'.

Как мы видим, приведенные примеры имеют прямые соответствия в круге реализаций ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$, описывающие аналогичные типы ситуаций (ср. $\bar{w}$ шедъше во мира – изидемъ из мира, потщимса извѣжати $\bar{w}$ стѣда – тако из мертвыхъ възкрша ї. из глѣбины вѣстрашѣя бѣна). Это указывает также на тот факт, что на уровне плана выражения четкого противопоставления инаблативных и апуаблативных типов пропозиции движения не наблюдается, а распределение по двумя различным структурным типам, по всей видимости, не связано с особенностями прототипической семантики конструкций.

2. Адлокативные конструкции. Адлокативные конструкции представлены тремя семантическими подтипами (иллативным, суперлативным и апудалтивным), каждый из которых находит выражение в специализированной структуре.

а) Иллативные структуры имеют вид $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} въ N_{Acc}^{D-F}$. Они особенно многочисленны в этом сегменте выборки, что свидетельствует о крайне широкой употребительности онтологической метафоры вместилища для описания ситуаций состояния. В данном случае метафорический механизм заключается в представлении события как участка физического пространства, заключающего в себе всех участников ситуации [Лакофф, Джонсон 2004: 56]:

не быша впаи в напасти 'не впали в напасти', не впасти въ пымнѣство 'не впасть в пьянство', да не внидете в напасть 'да не войдете в напасть', да когда въ болѣзнь впадеш 'когда в болезнь впадешь', въ цѣломудріе приходимъ 'в целомудрие приходим, да внидеть въ вѣчнѣю жизнь 'да войдет в вечную жизнь', в єдинѣ ли мѣкѣ пондѣтѣ вси 'в одну ли муку все пойдут', и внижеш въ общаежитѣе 'и войдешь в общежитие', иди ѹбо въ общіеє свое житѣе чадо 'иди же в свое общежитие, дитя', аще идѣ в миръ 'иду в мир', і въ мнишѣскы чинъ пришедъ 'и в монашеский чин пришел', и пришедъши ти въ мнишѣскыи образъ 'и когда ты пришел в монашеский образ', иже собравшѣ въ братѣство 'тот, кто собрался в братство', аще кто васъ впадетъ въ скверныи и гнѣсныи помыслъ 'если кто-то из вас впадет в скверный и гнусный помысел', в разѹмъ истинныи

прити ‘в разум истинный прийти’, в помыслы впадаи неприязнины ‘и впадая в неприязненные помыслы’, и впадоша въ власѣмъ ‘и впали в ересь’, впадешъ въ множество скорби ‘впадешь в большую скорбь’, и припадемъ в покаянье ‘и припадем в покаянье’, въходящю в радость ‘входящему в радость’, придѣте ко мнѣ вси в неизреченнѣю радость ‘придите все ко мне в неизреченную радость’, в покорѣ званни выхома ‘нас звали в покорность’, подобаетъ ти въ глубинѣ зла впасти ‘подобает тебе в глубину зла впасть’, лѣнивыи въпадесть въ зло ‘ленивый впадает в зло’, не замедлитъ впасти въ злая ‘не замедлит в дурное впасть’, въ предъспѣяньи ити ‘в успех (духовное совершенство) идти’, тѣми впадемъ во зло ‘из-за них впадем во зло’, не впадешъ въ грѣхъ ‘не впадешь в грех’, ходившимъ в погибель ‘ходившим в погибель’, не впади въ сквернѣ ‘не впади в скверну’.

Из приведенных контекстов очевидно, что одним из наиболее популярных предикатов в иллативных структурах является глагол *впасти*, на примере которого мы можем проследить, как лексическое значение глагола-предиката обогащает и корректирует общий семантический конструктор, который формирует структура неЭПП в сочетании с определенным характером заполнения непредикатных позиций. Так, словарное значение глагола *впасти* формулируется как ‘упасть во что-либо’ и, следовательно, характеризует описываемое им движение как:

- направленное сверху вниз;
- произвольное, обусловленное силой гравитации.

Обе эти характеристики получают образное преломление в процессе метафоризации неЭПП и привносят дополнительные семантические нюансы в план его содержания. Движение вниз, по транскультурной ассоциации с неблагополучием, бессознательным состоянием, аморальностью и прочими негативными явлениями [Лакофф, Джонсон 2004: 40], воспринимается как переход от нейтрального состояния к менее предпочтительному – соответственно, позиция локализатора заполняется только именами с отрицательными коннотациями (*болѣзнь, зло, грѣхъ, пынство*). Произвольность события, транслируемая лексическим значением глагола, вступает в противоречие с заложенным в структуре представлением о лице в роли субъекта как активном актанте, инициирующем ситуацию, и имплицитно выражает каузированную природу движения – иначе говоря, непредумышленность и спонтанность смены состояний.

В выборке мы находим контекст, ясно демонстрирующий ассоциативно-образную насыщенность этого глагола:

седмижды впадешъ дню ‘семь раз впадешь [во что-то] за день’.

В данной конструкции опущение локализатора со статальной семантикой оказывается допустимым, так как, опираясь на семантические валентности предиката, читатель может вывести всю необходимую информацию о неназванном состоянии – о его негативной природе и предосудительности.

б) узкий круг реализаций суперлативной структуры $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}}$ на $N_{\text{Acc}}^{\text{D-F}}$ составляет вторую группу, менее однородную, чем предыдущая:

терпѣннѣ ко радѣ течемъ на прѣдлежащихъ намъ подвигъ ‘ради терпения идем на подвиг, который нам предстоит’, дѣлиа своєю волею пришеа еси на чернечество ‘разве по своей воле ты пришел на монашество?’, на волшвенѣ прѣклонивъшеѣ ‘на колдовство преклонившись’, мы же на рассѣженые тѣе възходимъ ‘мы же на рассуждение пустое восходим’, яко любитъ гѣи и помагаетъ ведѣщимъ на спѣные ‘Господь любит и помогает тем, кто ведется на спасение’, и грядѣши на зло ‘и идущий на зло’.

В приведенных примерах семантическая трансформация происходит по двум различным схемам, в основании которых лежат несвязанные метафорические предпосылки:

– с одной стороны, переосмыслению подвергается характерное для суперлативной модели $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Mot}}$ на $N_{\text{Acc}}^{\text{D-F}}$ значение направленности. В контекстах и грядѣши на зло, терпѣннѣ ко радѣ течемъ на прѣдлежащихъ намъ подвигъ оно трансформируется в семантику целеполагания: через экспликацию направленной природы движения создается образ осознанного, целенаправленного достижения некоторого состояния субъектом. Содержание этой структурной метафоры можно сформулировать как ‘цель – это направление’;

– в другой группе примеров процессы метафоризация происходят за счет трансформации прототипического значения суперлативной модели ‘движение к поверхности объекта’. Здесь реализуется ориентационная метафора, связывающая положение вверх с благополучием и добродетелью, а положение вниз – с порочностью. В контекстах си не прѣклонивъша на клеветѣ, мы же на рассѣженые тѣе възходимъ, на волшвенѣ прѣклонивъшеѣ суперлативное значение в сочетании с семантикой глаголов-предикатов, выражающих идею движения по вертикали, формирует определенное впечатление о порицаемости (если движение направлено сверху вниз) или престижности занятия или состояния (если движение направлено снизу вверх). Так, такие виды деятельности, как клевета и волшвение оцениваются как недостойные, тогда как рассѣженые является статусным, почитаемым состоянием.

в) Апудлативные конструкции представлены реализациями ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} k\tilde{z} N_{Dat}^{D-F}$ в предложной и беспредложной вариациях:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} k\tilde{z} N_{Dat}^{D-F}$: прилѣчисл к любви ‘приблизься к любви’, и тако не приклонихомѣ къ покаянью ‘и [мы] не преклонились к покаянию’, тѣханые къ покаянью притеци ‘старание прийти к покаянию’, но къ твоеи влѣсти. [прибѣжахъ] ‘но к твоей благодости прибежал’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: присно чтеньи прилипати ‘всегда [к] чтенью прилипать’, любви прилѣпимсѣ ‘и [к] любви прикрепимся’.

Метафоризирующееся апудлативное значение движения по направлению к объекту реализуется в обеих группах, однако для беспредложных структур характерно также регулярное появление форм глагола прилипати в качестве предиката, что подразумевает ситуацию физического контакта с директивом-финишем и, соответственно, образно указывает на более тесную связь субъекта и состояния.

г) Комбинированные конструкции, включающие два локализатора – директив-старт и директив-финиш – встречаются в тексте памятника редко. Как правило, суть высказывания фокусирования на факте переживания человеком лишь одного определенного состояния в его динамике, и неЭПП не осложняется другими лексемами статальной семантики. Исключениями являются только реализации моделей движения в социальной сфере: в этих примерах релевантным оказывается именно процесс перехода из одного социального состояния в другое и во многих случаях контраст между исходным и конечным положением.

Структурно такие контексты представляют собой слияние инаблативной и иллативной структур, в которых реализуется метафора ‘состояние – это контейнер’:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \tilde{w} N_{Gen}^{D-S} v\tilde{z} N_{Acc}^{D-F}$: аще же кто ѿ великаго останка свѣтнаго житѣя придетъ въ чернечество ‘если же кто-то придет в монашество от/из большого имущества’, аще клячнѣи котормѣ братѣ прити. въ мнишьское житѣе. ѿ каком токмо вины ‘если приключится кому-то из братьев прийти в монашескую жизнь от/из какой-нибудь вины’, аще же кто ѿ великаго останка свѣтнаго житѣя придетъ въ чернечество ‘если некто придет в монашество от/из большого владения’.

д) Транслокативные конструкции представлены в тексте единичными примерами, однако отличаются структурным разнообразием, что указывает на меньшую продуктивность соответствующих метафорических моделей в языковой системе церковнославянского языка,

вплоть до окказиональной природы подобных семантических трансформаций:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{TrLoc}$: *п^рехо^да ст^епени и^же на у^сп^ех^у* ‘переходя ступени, которые [ведут] на успех’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$: *да о^убо и а^нг^ли на н^бс^и р^ев^ньм^ь и з^ав^ист^ью х^од^ать* ‘да разве же ангелы на небесах враждой и завистью ходят?’, и *в^са^ко^ю д^ел^ьте^льн^оу б^лг^оу х^од^ить* ‘и всяким благим деянием ходит’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} по N_{Dat}^{TrLoc}$: *по т^ме х^од^ить* ‘по тьме ходит’.

В первом из контекстов реализуется ориентационная метафора восхождения как духовного совершенствования в сочетании со структурной метафорой, дополняющей идею о физическом восхождении образом преодоления ступеней. Что же касается конструкций вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} по N_{Dat}^{TrLoc}$, примечательным в них является то, что, несмотря на динамическую природу ситуации, отношения между лицом и состоянием выстраиваются не по линии установления или разрыва – они сохраняются неизменными на всем протяжении ситуации. Мы можем предположить, что подобные конструкции используются в тех случаях, когда ситуация переживания состояния является побочной по отношению к какому-то другому событию, обладающему собственной внутренней динамикой, и имеет оттенок образа действия. Ср.: ‘да разве же ангелы на небесах враждой и завистью ходят?’ > ‘да разве же ангелы на небесах живут, враждуя и завидуя?’.

е) Конструкции с семантикой ориентированного движения. Данная группа включает реализации структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{Orient}$, где ориентационное значение заключено в предлоге *в^зл^ед^у*:

г^ор^е х^од^ящ^им^ь в^зл^ед^у п^ох^от^и ‘горе тому, кто ходит вслед похоти’.

Сюда относятся также структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{Orient}$, в которых ориентационная семантика инкорпорирована в глагол-предикат *п^осл^ед^ов^ат^и*:

з^ав^ист^и и р^ев^ност^и н^е п^осл^ед^ов^ал ‘зависти и ревности не последовал’.

В обоих случаях метафорический перенос происходит по рассмотренной нами в предыдущем параграфе устоявшейся схеме, согласно которой общность маршрута приравнивается в сознании носителя языка к внутреннему сближению, перениманию некоторых качеств (в случае если одна из непредикатных позиций заполнена абстрактным понятием) или моделей поведения (в случае если обе позиции наименованиями лиц).

2.3.2.2. НеЭПП с акциональной семантикой

Конструкции, выражающие на диктумном уровне акциональное значение, представлены несколькими разновидностями адлокативных и делокативных структур, организующихся по тому же принципу, что и статические неЭПП: одну из непредикатных позиций занимает имя с пропозиционной семантикой, другую – наименование лица. Отношения, которые устанавливаются между ними, определяются в пространственных терминах в соответствии с метафорическими моделями ‘физическая приближенность равноценна причастности’ и ‘цель – это направленность’:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: *бѣгаеши поношенымъ члвчъскы* ‘бегаешь поношенья людского’, *си братоубийства ѹбѣжалъ есть* ‘он [от] братоубийства убежал’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: *поношеньемъ члвчъскомъ. безъ правды намъ нашедъшемъ* ‘поношеньем людским, нашедшим нам не по справедливости’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} : *вшедын на ѹтѣшенье* ‘вошедший на утешение’, *хощеть ити на ѹтѣшенье братови* ‘хочет идти на утешение брату’.

Говоря о статических пропозициях, мы подчеркивали, что многочисленность участников ситуации в свертываемой пропозиции имеет тенденцию влиять на механизмы редукции, осложняя их. Эта особенность проявляется и в данном блоке примеров.

В отличие от статических структур, которые редуцируются до предикатного образования или до существительного-объекта, девербативы, замещающие предикат, являются здесь обязательным элементом в составе свернутых конструкций, в то время как актанты получают выражение выборочно, в зависимости от своего коммуникативного статуса, и могут появляться не в полном составе или отсутствовать вообще. Полное устранение предикатных распространителей характерно, прежде всего, для пропозиций, описывающих события, к которым богословская литература обращается наиболее регулярно, с известным распределением ролей и пространственным характеристиками. Лексемы *Богъ*, *дымволъ* и синонимичные им маркируют подобные ситуации и усекаются при свертывании особенно часто – к примеру, в контексте *вшедын на ѹтѣшенье* опущен субъект в ситуации утешения *Богъ*.

В случае сохранения актантов в структуре высказывания субстантивация предиката влечет за собой словообразовательную трансформацию для некоторых из них. Объекты в данной группе примеров, как правило, остаются неизмененными – субстантивированный предикат не теряет способности управлять существительным (*хощеть ити на*

оутѣшенье братови), субъекты же не могут встроиться в именную группу, сохраняя свой изначальный вид существительного в именительном падеже. Как следствие, для установления подчинительной связи имена существительные и местоимения трансформируются в прилагательные, согласованные с девербативом (бѣгаещи поношенымъ члѣвѣцкы).

Другим характерным процессом является широкое применение словосложения как способа включения в лексему с событийной семантикой дополнительной информации об участниках ситуации. Такому радикальному свертыванию до корневой морфемы, напротив, подвергаются только объекты (снѣ братоуѣбийствѣ оубѣжалъ ѿстѣ). Применение морфосинтаксических методов для максимального свертывания пропозиции представляется нам одним из наиболее ярких проявлений тенденции к экономии языковых средств в «Паренесисе».

2.3.2.3. НеЭПП с семантикой социального отношения

Единственная конструкция, реализующая типовую семантику социального отношения в ТСС движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$, повторяется в тексте памятника многократно:

не вниди въ сѣдѣ сѣ рабомъ твоимъ ‘не входи в суд с рабом твоим’.

Механизм семантической трансформации аналогичен одному из рассмотренных выше процессов – для конструкций со статической семантикой, с тем единственным отличием, что в структуре появляется позиция коагенса. Актанты выражены наименованиями одушевленных лиц, позиция директива-финиша заполняется существительным с пропозиционной семантикой (сѣдѣ), характеризующим состояние агенса и коагенса по отношению друг к другу в социальной сфере. Форма локализатора, типичная для иллативных конструкций – местный падеж в сочетании с предлогом въ, указывает на тот факт, что трансформация связана с применением к социальной ситуации метафоры вместилища. В качестве предиката выступает стандартный глагол иллативного движения вонти.

2.3.2.4. НеЭПП с семантикой трансформации

При условии специфического лексического наполнения значение трансформации выражает ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$. В таких случаях объект, подвергающийся трансформации, занимает позицию субъекта, а

его конечное состояние мыслится как конечная точка в процессе «перехода» (начальная точка – исходное состояние – не получает эксплицитного выражения в структуре). Все реализации такого типа мы подразделяем на две группы в зависимости от того, насколько глубоко затрагивают субъект происходящие изменения.

1. Частичная трансформация заключается в том, что в процессе изменения субъект перенимает некоторые черты, свойственные имени-локализатору. Речь, как правило, идет о физическом сходстве: как субъект, так и локум представляют собой материальные объекты. Глагол в позиции предиката содержит дополнительную информацию о характере протекания трансформации:

и нѣса свинѹтъ въ свитокъ ‘и небеса свернутся в свиток’.

2. При полной трансформации сущностные характеристики субъекта полностью замещаются характеристиками того материального объекта или понятия, наименование которого выступает в роли локализатора. Непредикатные позиции допускают появление существительных различных лексико-семантических разрядов: вещественные (пламы), собирательные – (прахъ), абстрактные, пропозиционной семантики (печаль). Глаголы-предикаты относятся к стандартным для бытийно-пространственного блока группам и выражают семантику местонахождения или движения:

и пакы печаль ваша в радость вѣдетъ ‘и печаль ваша в радость превратится’.

пламы въ прахъ и попель преиде ‘пламя в прах и пепел превратилось’.

Отметим, что пропозиционное значение трансформации в зафиксированных структурах происходит как результат определенного сочетания лексем в предикатной и непредикатных позициях в соответствующем контексте, без участия специализированных глаголов превращения.

* * *

Таким образом, модели движения реализуются во всех существующих сферах и выражают, помимо своего прототипического значения, статальную и акциональную семантику, а также некоторые типы реляционных значений (трансформации, социального и эмоционального отношения) – этот набор в общих чертах повторяет выявленный нами ранее для статических пространственных структур. Вместе с тем группа

неизосемических реализаций моделей обнаруживает выраженную структурную разнородность, не характерную для круга метафоризированных статических конструкций. Отчасти это объясняется более сложной внутренней организацией ситуации движения в сравнении с ситуацией локализации, множественностью локумов, которые актуализуются выборочно, в различных комбинациях, создавая многообразие пространственных отношений. Другим существенным фактором, однако, является то, что набор метафорических механизмов, лежащих в основании семантических трансформаций в динамических конструкциях, значительно шире: если в статическом блоке на первый план выходят различные вариации метафоры контейнера, то в ситуациях движения, помимо нее, находят отражение и такие метафорические аналогии, как:

- ‘физическое расстояние определяет степень причастности’;
- ‘направленность – это цель’;
- ‘следование – это подражание / уподобление’;
- ‘трасса – это образ действий’ и др.

В динамических структурах более важную роль в формировании плана содержания конструкции играют глаголы-предикаты, которые не только маркируют различные типы пространственных значений посредством префиксов, но также косвенно передают и другую информацию о ситуации через заложенные в их лексическое значение характеристики движения. Мы подробно рассмотрели эту функцию предикатов на примере глагола иллативной семантики *впасти*, но в той или иной степени она присуща всем глаголам, не выражающим идею движения в нейтральном, базовом виде, но характеризующим его по некоторому признаку.

3. ТСС с семантикой каузированного движения

3.1. Изосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения

Гипермодель каузированного движения, или перемещения, имеет общий вид $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} Lex^{D-S} Lex^{D-F} Lex^{TrLoc} (N_i^{Instr})$ и включает в себя следующие компоненты: N_{Nom}^{Ag} (имя в именительном падеже) – субъект-агенса, каузирующий движение, V_f^{Mot} (глагол в личной форме) – глагол перемещения, N_{Acc}^{Obj} – движущийся объект, на который направлено

воздействие субъекта, $\text{Lex}^{\text{D-S}}$, $\text{Lex}^{\text{D-F}}$, $\text{Lex}^{\text{TrLoc}}$ (лексемы разной частеречной принадлежности с пространственной семантикой) – различные типы пространственных сирконстантов, указывающие на начальную (директив-старт, делокатив), конечную (директив-финиш, адлокатив) точки движения, а также на трассу (транслокатив); $\text{N}_i^{\text{Instr}}$ (имя в любом падеже) обозначает средство передвижения, при помощи которого совершается движение.

Вопрос о месте и статусе структур данного типа является дискуссионным в современной лингвистике. Ряд исследователей (Г. А. Волохина, З. Д. Попова, М. М. Булынина) рассматривают конструкции с семантикой перемещения («агенса перемещает объект») как один из вариантов реализации акциональной гипермодели с общим значением «агента воздействует на объект» [Булынина 2004]; позиции локализаторов при этом не признаются обязательными компонентами структуры. Согласно другой точке зрения, представленной в работах Т. В. Шмелевой [Шмелева 1988] и Н. Б. Кошкаревой [Кошкарева 2004], модели перемещения входят в бытийно-пространственный блок, наряду с моделями бытия и движения. Локализаторы, соответственно, входят в семантическое ядро модели, наличие же в структуре объекта обусловлено каузативным значением, факультативным и добавочным по отношению к основному, которое можно сформулировать как «агент перемещается из одной локации в другую по трассе при помощи транспортного средства». В данном исследовании мы также относим ТСС перемещения к бытийно-пространственному блоку на основании того, что пространственная семантика является базисной в ее плане содержания, на что указывает и наличие локализаторов, и рассматриваем ее как результат осложнения ТСС движения припропозитивным смыслом каузации.

Около 43% от общего числа реализаций моделей перемещения составляют изосемические конструкции. При каноническом заполнении позиций структурной схемы в роли субъекта практически всегда предстает одушевленное существо – в большинстве случаев это лицо, но в ситуациях, разворачивающихся в над-реальности, субъектом может являться и сущность. Позиции перемещаемого объекта и локализатора замещаются широким кругом лексем различных лексико-семантических групп. Так, в позиции объекта мы находим наименования лиц (брат, подруга), животных (овца), артефактов (клубок, одежда) и натурфактов (камень, грезновенье). В качестве локализаторов могут выступать лексемы тех же групп (кумир, змиа, зверь, дом, ров, море), а также наименования пространств (скала). В

качестве предиката в структурах появляются разнообразные глаголы перемещения (взводити, положити, възложити, послати, възврати, свергнѹти и др.).

Введение в структуру дополнительного члена – субъекта-каузатора – делает данную бытийно-пространственную модель наиболее сложной из всех представленных в системе церковнославянского языка. Соответственно, в этом сегменте выборки из текста памятника в наибольшей степени проявляется тенденция к частичной актуализации членов и связанной с ней структурно-смысловой неполноте конструкций, восполняемой из различных источников. Подобно реализациям моделей движения, структуры данного типа в подавляющем большинстве случаев обнаруживают в своем составе не более одного локализатора (чаще всего адлокативного или делокативного типов) и не содержат информации об инструменте перемещения. Но помимо этих регулярных усечений, незамещенной может оставаться любая из синтаксических позиций, если ближайший или расширенный контекст представляется составителю достаточно информативно насыщенным.

Чаще всего опускается позиция субъекта: он считается имплицитным не только в тех случаях, когда восстанавливается из личной формы глагола с выраженной категорией лица (и ѿжени ѿ насъ ядовитыхъ звѣри ‘и [ты] отгони от нас ядовитых зверей’) или входит в состав полусвернутой конструкции (възложивше и камень на нь ‘возложив камень на него’), но и всегда, когда находится в теме высказывания, как, например, в данном фрагменте жизнеописания Авраамия: Рече же емоу принеси одежду воинскую и конь. ѿверзи же дверца хижины и изиде. И обоклѣвъ въ воинскыя шубы и клобукъ великъ зѣло възложи на главѹ свою ‘Велел ему: «Принеси одежду для воина и коня». Открыл двери хижины и вышел. И оделся в воинское и большой клобук возложил на голову’;

Нередки также конструкции, в которых отсутствуют локализаторы. Сохранение пространственной семантики, препятствующей переходу структуры в акциональный блок, в таких контекстах связано с глаголом-предикатом. Наиболее типичным способом выражения категории глагольной ориентации являются префиксы, маркирующие разные типы локативных конфигураций:

и сверетѣхъ [грѣзновение] источить вино свое ‘и соберется [гроздь] источить [из себя] свое вино’, и единъ же совлачѣхъ одежда свѣтлы ‘и один снимет [с себя] светлые одежды’, даждь да свлекѹ сапогы ‘дай сниму [с тебя] сапоги’, то не вѣставъ ли ѿжениши разбойника ‘то разве ты, встав, не отгонишь [от себя] разбойника?’, приидѹ ѿмѹ главѹ его ‘придя, отделию ему голову [от

тела]’, *предпоставить женѣ доброличнѣ* ‘поставит перед [кем-то] красивую женщину’.

Подчеркнем, что усечение локализатора, как видно из примеров, часто происходит в контекстах, где субъект и локализатор совпадают.

Другая, более ограниченная группа примеров включает в себя предикаты, в которых пространственная семантика не исчерпывается одним словообразовательным элементом, но органически входит в лексико-семантическое значение глагола, отражаясь в словарных толкованиях (*поклонити, въздвигнути, подати*):

и *поклонъ главѣ* ‘и склонил голову’, *ты въздвигнешь десницу* ‘ты... поднимешь правую руку’, и *низлагаетъ его [всадника]* ‘и повергает наземь всадника’, *но крѣпкыи немощнаго да подыметь* ‘но пусть сильный поднимет немощного’.

Случаи ситуативного опущения директива-старта или директива-финиша гораздо менее многочисленны. Следующий ниже пример демонстрирует одно из проявлений стремления составителя памятника к лаконичности: лексема, которая выступает в качестве локализатора в двух следующих друг за другом конструкциях, не актуализуется вторично даже в виде местоимения, несмотря на то, что описываемые в этих структурах пространственные ситуации не относятся к одному типу:

ничто же во взнесохоумъ въ мирѣ ни же изнести можемъ ‘ничего мы не внесли в мир и ничего вынести не можем’.

Редукция имени в позиции объекта значительно менее распространена в тексте памятника и связана по преимуществу с ситуациями, разворачивающимися в физиологической сфере и предполагающими строго определенный набор участников, хорошо знакомый читателю. К примеру, в контексте *и ипи и ѿ нея мѣтъ. яко младенецъ сынъ сосца* ‘и испей от нее милость, как младенец [молоко от] сосца’ референтная структуре ситуация кормления грудью подразумевает единственно возможный объект – молоко. Но если этот контекст является примером ситуативной неполноты, в других случаях она нормативна и обусловлена лексико-семантическими сочетаемостными возможностями предиката. Так, в контексте *плюнуша ти на лице рѣтго владыки* ‘плюнули те на лицо пречистого владыки’ замещение позиции объекта было бы избыточным, поскольку семантика предиката включает в себя информацию о перемещаемой субстанции (‘выбрасывать изо рта сгусток слюны’ [Ожегов 1999: 520]).

В единичных примерах наблюдается контаминация модусных и диктумных конструкций, вследствие чего предикат с семантикой каузированного движения усекается, заменяясь глаголом волевого воздействия:

понуждаемъ въ странѣ 'принуждаемые [идти] в страну'.

В своем прототипическом виде модели перемещения обладают пространственной семантикой каузированного движения. Особенности соотношения различных структурных разновидностей с частными пространственными значениями по большей части повторяют те закономерности, которые наблюдаются в блоке контекстов с семантикой движения, и поэтому не нуждаются в подробном комментарии. Мы представим примеры реализаций конкретных ТСС в виде сводной таблицы (см. Таблицу 7).

Реализации ТСС перемещения с пространственной семантикой

Семантические типы структур	Семантические подтипы структур по классификации И. А. Мельчука	Реализации в физической сфере	Реализации в над-реальности
Делокативные	Инаблативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: да иххитить поддѣга своего $\bar{w}$ рѣкы их ‘чтобы похитить своего друга их рук их’, златѣ и сребро неиметь наїѣ отъ страшнаго огна ‘золото и серебро не вынут нас из страшного огня’, вземѣ бо персть $\bar{w}$ земля ‘взяв персть от земли’, и себе $\bar{w}$ ѡцъзъ свободи ‘и себя из уз освободи’, хотѣще пакы ѡторнѣти брата $\bar{w}$ кельи его ‘желая вытащить брата из его кельи’, яко множицею $\bar{w}$ кельи изведе ‘многих из кельи выведет’, възхыщающе $\bar{w}$ обители его ‘похищая его из обители’. $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$: и избавѣт ны из рѣкы ихъ ‘и освободит нас из их рук’, изми прѣвѣе верьвнѣ	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: повелѣнье дѣи взѣти $\bar{w}$ тѣла ‘повеление взять души из тела’. $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$: низринувены бѣдете ищѣртога ‘вас низвергнут из чертога’, вонъ изгнанѣ быти изъ чертога онго ‘быть изгнанному вон из того чертога’. $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} N_{Gen}^{D-S}$: себе измѣтаеши небаго чертога ‘себя выбрасываешь из небесного чертога’.

		изъ очее твоего и тогда узриши сечець изъятъ изъ очее братъ твоего ‘сначала вынь бревно из своего глаза и тогда увидишь сучок, вынутый из глаза брата твоего’, и изведъше и к келии вонъ ‘и выведешь вон из кельи’, аще ижденѣтъ вы из града сего ‘если выгонят вас из того города’, и изгнаша и вонъ изъ вси ‘и изгнали вон из веси’, извлачатъ ѿдобъ изъ глѣбины рыбы ‘без труда вынут из глубины рыб’, исторгнеть грѣшники из моря ‘исторгнет грешников из моря’, вонъ изъ виноградъ измѣтаетъ ‘вон из винограда выбрасывает’, въскорѣ да изметъ ю из ѹстъ змиевъ ‘вскоре да вынет ее из уст змия’.	
	Супераблативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \ddot{w} N_{Gen}^{D-S}$: и отрясѣте и $\ddot{w}$веръзѣте $\ddot{w}$ васъ время ‘и отрясете, и отбросите с себя бремя’ $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{сѣ} N_{Gen}^{D-S}$: свергъ сѣ собе постелнѹю одежю ‘сверг с себя постельную одежду’, инатъ	-

		клубукъ съ главы своеѧ ‘сняв клубук со своей головы’.	
	Апудабалтивные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: и оубѣдите ѿ мене ‘и уведите [его] от меня’, прежде възхущено бѣдетъ тѣло ти ѿ кѣмира сего ‘прежде похищено будет твое тело от кумира этого’, и исторгнѣти ѿ змиѧ ‘вырвать ее от змия’, и ѿжени ѿ насъ ядовитыѧ звѣри ‘и отгони от нас ядовитых зверей’.	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: и тогда повѣдѣтъ ѧ авниѧ ѿ сѣдища ‘и тогда поведут их от места суда’.
Адлокативные	Иллативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{въ} N_{Acc}^{D-F}$: ако же бо въ чремигѣ влнты быти винѣ и ѡцѣ ‘в чремигу влитым быть вину и уксусу’, и выпано [грѣзновеныѧ] бѣдетъ в точило ‘и [гроздь] будет всыпана в точило’, и [вино] вольѧно бѣдетъ въ сѣсѣды ‘и [вино] будет влито в сосуды’, хоцю бо вы въ сѣкала ѡгньѧ приѧти ‘хочу вас в место казни огнем принять’, сѣри гѣи лнѧи расточеныѧ. ꙗ възведи ѧ въ цѣркы сию ‘собери, господи,	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{въ} N_{Acc}^{D-F}$: но дѣѧ в ге[о]нѣ възхутити хотѣ ‘но хотя похитить душу в геену’, аще блѣжѧи насъ нынѣ вараѣ ны во цѣрѣтво нѣѣноѧ ‘благостнейший нас сейчас водворяет в царствие небесное’, да ны възведетъ въ цѣрѣтво нѣѣноѧ ‘да введет нас в царствие небесное’, но съ змиѧемъ вложении бѣдѣтъ в геонѣ ‘но со змием вложены будут в геенну’, и ведетъ избранныѧ свои въ свѣтъ вѣчныѧ ‘и ведет своих избранных в вечный свет’.

		разметанных людей и введи их в эту церковь', и прими ны въ хыжю свою 'и прими нас в хижину свою', взверѣмъ ю в ровъ 'бросим ее в ров', взвергнѣтъ ны в корабль 'бросят нас в корабль', [дѣлатель] жатвѣ беретъ в житницу '[работник] соберет жатву в житницу'; [плевелъ]... вѣзанъ бѣдетъ въ снопъ '[плевел] связан будет в сноп' (добавочное значение трансформации); изведе тѣ в пѣстыню сию 'вывел тебя в эту пустыню', преди послать рабы сѣ бѣтвѣтвомъ [в странѣ далече] 'заранее пошлет раба с богатством [в далекую страну]', и въ водѣ вѣмѣтѣмъ [мѣжъ] 'и бросаемый в воду человек', да не тамо бѣдѣши взверженъ в ѡгнь неѡгасимыи 'чтобы там не быть брошенным в огонь неугасимый', въ огнь послании бѣдемъ 'в огонь посланы будем', все тѣло вложено бѣдетъ въ родѣство огньное 'все тело будет вложено в геенну огненную'; преданъ быѣ в	
--	--	--	--

		рѹцѣ искушающемъ ‘был передан в руки искушающему’, <i>своею волею себе предасть в рѹцѣ нечѣтвыхъ</i> ‘по своей воле передаст себя в руки нечестивых’.	
Суперлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ <i>на</i> N_{Acc}^{D-F}: <i>никто же рѹкы възложи на рало</i> ‘никто не возложит руки на рало’, <i>никто же не възложить плата искроплена ветха на ризѹ новѹ</i> ‘никто не возложит заштопанную, старую накидку на новую ризу’, <i>въземъша на ся ярѣмъ</i> ‘взяв на себя ярем’, <i>възнесиши я на земли чужби</i> ‘вознесешь их на земли чужие’, <i>въложивше и камень на нь</i> ‘возложив камень на него’, <i>и клобѹкъ великъ зѣло възложи на главѹ свою</i> ‘и очень большой клобук возложил себе на голову’, <i>положыши главѹ свою на ногѹ его</i> ‘положив свою голову на его ногу’, <i>всадивъ же ю на конь</i> ‘посадил же ее на коня’, <i>иже же</i>	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ <i>на</i> N_{Acc}^{D-F}: <i>но предипосла на нѣса</i> ‘но прежде послал [нечто] на небеса’, <i>и несиенъ быи</i> <i>нищии ангѣлы на лоно авраамѣ</i> ‘и нищий был унесен ангелами на ложе Аврама’, <i>кыиждо кто насъ что предипослалъ на нѣо</i> ‘что каждый из нас пошлет перед собой на небо’, <i>предипослати бѣатство на нѣо</i> ‘пошлет вперед себя богатство на небо’, <i>и поидеть влекома ѿ ангѣлъ лютыхъ на мѹченоиѣ мѣсто</i> ‘и пойдет, влачимый лютыми ангелами на место мучения’, <i>и пѹщати словеса на нѣо</i> ‘и пускать слова на небо’, <i>хотѹще въведени быти на страшное сѹдище</i> ‘хотя введенными быть на место Страшного суда’.	

		пастырьъ обрѣщеть овца с радостью въведеть ѳе на ramo свое ‘как пастырь, найдя овцу... с радостью поднимет ее на руки’, колесница огньна ѳесть възводяща на нѣѳа ‘есть огненная колесница, которая возводит на небеса’ (динамическая локализация субъекта на верхней части локума); рѣкы възложить дрѣвѣ на дрѣвѣ ‘руки возложат друг на друга’ (динамическая локализация субъекта на поверхности локума); червь на оудницю надѣвъше ‘надев червя на удочку’, хѣѣ спѣѣ нашъ рѣками беззаконными на дрѣвѣ крѣѣнѣмъ. ѡбѣшенъ быѣ ‘Христос, Спас, нашими беззаконными руками на дереве крестном повешен был’, ѡцѣть емѣ даша ѡбѣснѣше и на дрѣвѣ ‘уксуса ему дали, повесив его на дереве’ (пространственные ситуации сложной конфигурации). $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ верхѣ N_{Acc}^{D-F}: тѣло ѳего положиша верхѣ хлѣба ‘тело его положили поверх хлеба’.	
--	--	--	--

	Сублативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ подъ $N_{Acc/Loc}^{D-F}$: и повинн выю свою подъ яремъ ‘и нагни шею свою под ярем’, подложивша под нозѣ блѣжнаго главѣ свою ‘подложив под ноги блаженного свою голову’.	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ подъ $N_{Acc/Loc}^{D-F}$: покрыеши мѧ подъ крылома твоима ‘покроешь меня под крыльями твоими’, и вси врази положени бѣдѣ подъ ногама іего ‘и все враги будут положены под его ногами’.
	Апудлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ къ N_{Acc}^{D-F} : и немогы к томѣ рѣкы принеети ко устомѣ ‘и не мог, к тому же, руки поднести к устам’, снѣ же вземше знаіемни ѧ приведѣше ю къ стрыевни ѧ ‘ее знакомые взяли ее и привели ее к ее дяде’, вззавигни рѣци твон к немѣ ‘подними свои руки к нему’. приведеть близѣ вси или града ‘приведет близко к веси или городу’.	-
	Антелативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ предъ $N_{Acc/Instr}^{D-F}$: и проста не положи пред ними ничтоже ‘и по простоте не положил перед ними ничего’, приносиши дарѣ твон предъ алтарь ‘приносишь твой дар перед алтарь’, сѣчець же брата моего приносить предъ очи мон ‘сучок брата моего	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ предъ $N_{Acc/Instr}^{D-F}$: предъ престола мѣ и высокымѣ . владѣ всѣхъ поставляють ‘перед святым и высоким престолом владыки всех ставят’, іегда сзводять предъ владѣ кой . мѣтѣ прѣдныхъ ‘собирают перед владыкой молитву праведных’,

		приносит мне перед глаза’.	она поставлать ны предъ спѣомъ ‘она ставит нас перед Спасом’, и веденъ бываетъ мѣтель связанъ ѿ англѣ съ всѣми дѣмоны предъ сѣдище ‘и введен бывает мучитель, связанный ангелами, со всеми демонами перед *место суда’.
	Циркумлативные	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ окрытъ N_{Gen}^{D-F} : и окрытъ ковчега вздвоаемы ‘и помещаемые вокруг ковчега’.	-
Комбинирован ные		$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ ѿ N_{Gen}^{D-S} вѣ N_{Acc}^{D-F} : ѿ плинфотворенна египетскаго изветси тѣ хощеть в пѹстыню ‘[из] Египта, построенного из плинфы, хочет вывести тебя в пустыню’. $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ ѿ N_{Gen}^{D-S} на N_{Acc}^{D-F} : да ны взнесееть ѿ земля на нѣбо ‘да вознесет нас с земли на небо’.	-

Следует, однако, отметить специфическую структурную особенность, ярко проявляющуюся только в блоке реализаций моделей перемещения. Для ТСС антелативного и сублативного типов, представленных в данном блоке контекстов в существенно большей степени, чем для ЭПП с семантикой бытия или движения, оказывается свойственно смешение в формах локализатора. Так, в контекстах мы встречаем формы как инструментального (*предъ престоломъ сѣтымъ и высокымъ. вѣды всѣхъ поставляють* ‘перед святым и высоким престолом владыки всех ставят’, и *вси врази положени бѣдѣть подъ ногама его* ‘и все враги будут положены под его ногами’), так и винительного (*и повини выю свою подъ яремъ* ‘и нагни шею свою под ярем’, *сѣчець же брата моего приносить предъ очи мои* ‘сучок брата моего приносит мне перед глаза’) падежей. Отчасти подобная вариативность форм, очевидно, обусловлена узуальными особенностями конкретных глаголов-предикатов (к примеру, глагол *положити* последовательно сочетается с формами инструментального падежа). Однако сам факт наличия соперничества между формами винительного падежа – стандартного морфологического средства выражения адлокативных значений – и формами инструментального падежа, которые маркируют в церковнославянской языковой системе сублативные и антелативные пространственные отношения, в конструкциях, сочетающих в себе обе разновидности пространственной семантики, представляется нам характерным.

3.2. Незосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения в ЭПП

17% контекстов, план содержания которых соответствует структурной схеме моделей перемещения, представляют ЭПП, в которых пространственное значение реализуется в психической, социальной и духовной сферах.

3.2.1. ЭПП с семантикой социального состояния

Круг примеров реализации ТСС перемещения в социальной сфере очень узок и преимущественно состоит из делокативных конструкций, передающих семантику профессиональной деятельности. Семантическую трансформацию такого рода вызывает неизосемическое заполнение одной из двух позиций – предиката или локализатора.

Так, к примеру, в контексте *намаѣ тѣ ѿѣтъ хѣъ въ виноградъ свой* ‘нанял тебя Христос в виноград свой’ позиции субъекта (*Христосъ*), объекта (*ты*) и локализатора (*виноградъ* в значении ‘виноградник’) замещены канонически – наименованиями лица, сущности и натурфакта соответственно, однако появление глагола-предиката *нанѣти*, выражающего идею установления между субъектом и объектом профессиональных отношений работодателя и работника, знаменует, что ситуация разворачивается в плоскости социального взаимодействия индивидов: факт физического пребывания объекта в пределах локации предстает социально обусловленным и связанным с определенным типом деятельности.

Напротив, в контексте *въ хлѣбодробленици ли тѣ ѿтъ приставили* ‘или в режущие хлеб тебя поставят’ неизосемическим элементом структуры является директив-финиш *въ хлѣбодробленици*. Существительное *хлѣбодробленьць* не зафиксировано в словарных материалах, что, очевидно, указывает на его статус окказионального образования из развернутой акциональной структуры, однако, исходя из контекста и семантики составных частей, мы можем установить, что лексема является обозначением лица и характеризует его по выполняемым функциям. Как следствие, его употребление в качестве локализатора в иллативной конструкции придает последней значение помещения объекта в класс лиц, исполняющих определенные профессиональные обязанности, вынося ситуацию за пределы физической сферы. Отметим, что если в предыдущем примере семантика изменения социального статуса сочеталась с идеей собственно физического перемещения, то в данном контексте речь идет о чисто социальных процессах, не сопровождающихся изменением положения в материальной реальности – следовательно, мы можем говорить о градации абстрактности для реализаций ЭПП в социальной сфере.

3.2.2. ЭПП с семантикой психического восприятия

Случаи осложнения семантики восприятия в ее стандартном выражении – как движения в психической сфере – дополнительным каузативным значением составляют в тексте памятника небольшую группу примеров, которая, тем не менее, объединяет в себе две различных модели трансформации. Так, в ряде контекстов ситуация перемещения представляет собой модификацию ситуации психического движения, в которой изначальный субъект оказывается «расщеплен» на двух

участников ситуации, между которыми устанавливаются субъектно-объектные отношения – человека как физически-духовной целостности, способной к волеизъявлению, и наименования частей его тела, которые могут употребляться как в буквальном смысле, так и в качестве метонимических обозначений способности к тому или иному типу восприятия. Если рассматривать такие конструкции с точки зрения лексического состава, перенос ситуации в психическую сферу происходит именно за счет появления подобных имен в позиции объекта; функцию предиката, который является определяющим элементом для семантической трансформации ЭПП движения, выполняют в них типичные глаголы перемещения (приклонити, ѿвратити и др.):

ѿвратити очи свои ѿ нихъ ‘отвернет от них глаза’, въздыгохъ очи на нѣбо ‘поднял глаза на небо’, въздвигъ же очи свои на нѣбо ‘поднял глаза свои на небо’, приклони ко мнѣ ухо твоѣ ‘преклони ко мне твое ухо’.

Структурное разграничение зрительного и слухового типа восприятия, свойственное для реализаций ТСС движения, сохраняется и в приведенных примерах, хотя ситуации слушания находят здесь выражение не в иллативных, а в апудлативных структурах, в то время как зрительная перцепция последовательно связывается с идеей суперлативного движения.

С другой стороны, имена лексико-семантической группы ‘части тела’ или ‘типы сенсорных способностей’ могут также занимать и синтаксическую позицию директива-финиша. В таких контекстах в качестве перемещаемого объекта выступают имена, означающие некоторый объем аудиальной информации – как правило, указательные местоимения, отсылающие к предшествующему развернутому описанию ее содержания:

и вложить врагъ во ухо его ‘вложит враг это в ухо его’, и не хощемъ приятии въ слухъ си ‘и не хотим принять это в слух’.

Подобное представление ситуации восприятия, как нам кажется, является вариацией трансформационной модели, которую Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как онтологическую метафору «поля зрения»: «...метафора мотивирована тем, что, когда мы смотрим на некоторую территорию (земельный участок, пол и т. п.), поле зрения определяет границу того, что мы видим. Поскольку ограниченное физическое пространство – это вместилище, а наше поле зрения связано с ограниченным физическим пространством, то мы естественно приходим к метафорическому концепту... ‘поля зрения – это вместилища’» [Лакофф,

Джонсон 2004: 55]. Можно предположить, что факт физической ограниченности спектра слухового восприятия также способен спровоцировать образное переосмысление такого рода. Кроме того, в контекстах типа *ни вложить врагъ во уху его*, где в роли локализатора выступает наименование органа слуха, присутствуют и элементы структурной метафоры: ухо имеет форму контейнера, причем перцепция звуковых ощущений происходит в его внутренней части, что позволяет уподобить весь процесс слушания «вкладыванию» звуков внутрь.

Специфическим примером совмещения двух этих метафорических моделей является контекст *ни на пищали же на гусли слыха ѿверзѣмъ* ‘не откроем слуха ни на пищали, ни на гусли’, в котором употребление предиката *открыти* подразумевает, что в ситуации задействован локум типа ‘вместилище’, но в то же время, суперлативная структура и способ замещения семантических ролей создают близкое сходство с конструкциями направленного зрительного восприятия (ср. *въздыгохъ очи на ѿко*).

3.2.3. ЭПП с семантикой духовного состояния

Так же, как и в структурах с семантикой движения, духовное состояние в данном блоке примеров определяется посредством понимаемого символически пространственного расположения лица по отношению к нематериальным сущностям – Богу, дьяволу, бесам. Релевантными параметрами подобных условно локативных ситуаций являются:

- удаленность: удаленность от Бога и приближенность к дьяволу эквивалентны духовному неблагополучию, приближенность к Богу и удаленность от дьявола, соответственно, процветанию;
- вхождение в пределы: оптимальна ситуация пребывания человека внутри Бога и Бога внутри человека.

В круге реализаций динамических моделей для выражения идеи удаления используется апудаблативная структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$, идеи приближения – апудлативная структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} k\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$, идеи движения во внутренние пределы – иллативная структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} v\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$. Позицию предиката занимает глагол перемещения, непредикатные же роли распределяются между существительными со значением лица или сущности, формируя целый ряд

разнообразных комбинаций, каждая из которых представляет ситуацию изменения духовного состояния личности в особом ракурсе:

– Субъект – сущность, объект – сущность, локум – лицо:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: $\bar{w}$ жени лѣкаваго $\bar{w}$ мене ‘отгони лукавого от меня’, да $\bar{w}$ женеть $\bar{w}$ раба твоего змиа [блгѣть] ‘да отгонит [благодарить] змия от раба твоего’, и $\bar{w}$ жени вѣи ‘и отгони беса’, и вѣсз прогонати $\bar{w}$ наі [ангѣлы] ‘и [ангелы] беса прогонят от нас’, $\bar{w}$ ѡжити $\bar{w}$ бѣ члѣка ‘и отдалит [от] Бога человека’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} k\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: и к собѣ направи мѧ ‘и к себе направил меня’.

– Субъект – сущность, объект – сущность, локум – лицо, субъект и объект находятся в отношения части и целого:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: и не възврати лица твоего $\bar{w}$ мене ‘и не отверни лицо твое от меня’, $\bar{w}$ врати лице свое $\bar{w}$ грѣхъ моихъ ‘отверни лицо свое от моих грехов’.

– Субъект – лицо, объект – сущность, локум – лицо:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} v\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: да не вѣ сѣго мѣсто и прѣчистаго влѣкы. врага възведеши нечѣсто в свои храмы ‘да не введешь вместо святого и пречистого владыки врага в свой храм’, аще его възведеши вѣ храмы телесныи ‘если введешь его в храм телесный’, [бѣ] вселити в ѧ [Бога] вселить в себя’, диявола вселаетъ в ѧ ‘дьявола вселяет в себя’.

– Субъект – лицо, объект – лицо или его часть, локум – сущность или ее часть:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} v\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: в рѣцѣ твои предаю тебѣ дхъ мой ‘в твои руки передаю тебе мой дух’.

– Субъект – лицо, объект – лицо, локум – сущность или ее часть:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} k\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: ѡбратити і кѣ бѣ ‘обратить его к Богу’.

В основании переноса ситуаций перемещения в духовную сферу лежат те же метафорические концепты и религиозные воззрения, которые мы выявили в блоке конструкций с семантикой движения, однако расширенная структура с дополнительным членом, каузирующим ситуацию, позволяет реализовать смысловые нюансы статального события, косвенно вводить более детальную градацию активности членов ситуации (каузатор > движущийся объект > локум), вводить дополнительные фигуры, влияющие на внутреннюю жизнь человека, и выстраивать систему отношений между ними (оппозиция Богъ, ангелы – дьявол, вѣсы, изображение их как противоборствующих сил, придающих человеку импульсы разнонаправленного движения).

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ вѣ } N_{Acc}^{D-F}$: възврати дѣю мою въ шградѣ раи ‘возврати душу мою в ограду рая’.

3.3. Незосемические реализации ТСС с семантикой каузированного движения в неЭПП

Основной массив примеров в данной группе (около 30% от общего числа реализаций ТСС перемещения) составляют конструкции со статальной семантикой; доля структур с акциональным значением, напротив, невелика.

3.3.1. НеЭПП с семантикой каузированного состояния

В контекстах со статальной семантикой круг участников ситуации составляют лицо – носитель состояния, лицо или сущность – мотиватор состояния и, наконец, наименование самого состояния. Наложение этих ролей на синтаксические позиции субъекта, объекта и локализатора обуславливает специфическое представление ситуации. Ниже мы охарактеризуем различные комбинации этих групп лексем в пределах высказывания, выявляя смысловые особенности, которые привносит каждая из схем распределения семантических ролей.

– Субъект – сущность, объект – лицо, локум – состояние.

Метафорическое представление ситуации: ‘сущность локализует лицо относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве’.

Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии, что представляется как результат вмешательства высших сил’. На первый план выходит стихийность и непредумышленность возникновения или утери состояния, неподконтрольность ситуации человеку.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ ѿ } N_{Gen}^{D-S}$: и изми мѧ ѿ всякого дѣла лукаваго ‘из всякого лукавого дела вытащи меня’, ѿ изметъ ны ѿ плача и скрежета зѣбнаго ‘Бог вытащит нас из плача и скрежета зубовного’, да не възхущенъ бѣдѣши ѿ помысла злаго ‘чтобы [тебя] не похитили от помысла злого’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} N_{Gen}^{D-S}$: и ѿриновенъ бѣдѣ просвѣщенъ ‘и отринут меня от просвещения’, ѿвѣржени бѣдемъ. бѣсмѣтнаго блаженства ‘отвержены будем [от] бессмертного блаженства’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$ (иллативное пространственное значение): **изми мѧ ѿ сквернѧго беззаконѧ моего** ‘вытащи меня из скверного беззакония моего’, **ѿ колѧка кѧла. и тѧны вѣка сего. извлече ѧ ѿ гѣи** ‘из какой грязи и тины этого века извлек их Господь’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} из N_{Gen}^{D-S}$: **изведи дѡшу мою ис темницѧ** [и] ‘изведи душу мою из темницы’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} въ N_{Acc}^{D-F}$: **ѹловить ны в мѡкѡ вѣчнѡю** ‘поймает нас в муку вечную’, **въ блѧзны не вводи** ‘в соблазн не вводи’, **ѡце в червообѡяденѣе влечетъ ны** ‘в объедание ведет нас’, **но въ смѣренѣе ведѡщесѧ** ‘но в смирение будучи ведомы’, **не влекоми бѡди въ поученѣе помысла лѡкаваѧ** ‘не будь влачим в поучение лукавого помысла’, **в нечѧпѧнѣе приводить** ‘в смятение приводит, хотя его въ глѡбинѡ възвѣрѣци нечѧпѧнѡмѡ ‘желая его бросить в глубину смятения’, **и въ разѡмѡ истиннѡмѡ привести** ‘и в разум истинный привести’, **наставитъ грѣшнѡю мою дѡшу с вашими дѡшами в покои** ‘направит грешную мою душу с вашими душами в покой’, **ѡже погрѡжѡуть члѡвѣкѡ плотью. въ ѡпадѣнѣе и въ погыбель** ‘погружают человека плотью в отпадение и в погибель’, **хотѧи възвѣрѣци его в погыбель** ‘хотят ввергнуть его в погибель’, **ѡбѣе в мирѡ поженетъ и врагѡ** ‘в мир погонит его враг’, **спѣе всего мира хѣе възврати ѡгнѣцѡ твоѡ ѡрью. во ѡградѡ жѧзнѡнѡю** ‘Спас всего мира, возврати Марью, твою овечку, в ограду жизни’, **и възвѣргѡтъ ѧ во тмѡ кромѣшнѡю** ‘и ввергнут их в тьму кромешную’, **и привести ны неѡбѡрно въ блѣтѡмѡю его** ‘и привести нас без бурь в его благость’, **дондѣже преставитъ и въ вѣчнѡю жѧзнѡ** ‘пока не переведет его в вечную жизнь’, **и възринѡлѧ мѧ иестъ въ ровѡ грѣховнѡмѡ** ‘и вбросил меня в ров греховный’, **и тѡшѧлѡ възвѣрѣци въ тѡмѡ погыбели всѡ родѡ члѡвѣчѡ** ‘и стараясь бросить в яму погибели весь род человеческий’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} на N_{Acc}^{D-F}$: **гѣе же да въздвѧгнетъ дѡша наѧ на стрѡхѡ свои** ‘Господь же пусть воздвигнет души наши на страх свой’, **гѣе же направитъ сѣдѣца наѧ на стрѡхѡ свои** ‘Господь же направит сердца ваши на страх свой’, **ѡце на гнѣвѡ въздвѧжетъ ны** ‘на гнев воздвигнет нас’, **ѡустѣлѧтитъ ти сѣдѣце на похотѣнѧиѡ** ‘убедит тебе сердце на вожеление’, **постави нозѣ мои на камѧни покаянѧмѡ** ‘поставь ноги мои на камни покаяния’, **ѡце ли пострѣчетъ ны на чѣстѡ** ‘если склонит нас на честь’, **влечетъ мѧ на жѧзнѡ** ‘влечет меня на жизнь’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} къ N_{Acc}^{D-F}$: **къ похотѡ влекоми бытии** ‘быть влачимым к похоти’.

– Субъект – лицо, объект – лицо, локум – состояние.

Метафорическое представление ситуации: ‘лицо-субъект локализует лицо-объект относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве’.

Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии в результате действий, осуществляемых другим лицом’. В ряде случаев субъект и объект могут совпадать, что эксплицирует умышленность и добровольность перехода из одного состояния в другое со стороны носителя.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: аще изведеши чѣстна $\bar{w}$ недостойнства ‘изведешь честного от недостойности’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} N_{Gen}^{D-S}$: тако азъ $\bar{w}$ вращаю себе небесныхъ бѣгъ ‘так я отворачиваю себя [от] небесных благ’, да сѧ не $\bar{w}$ вергъ моего ради молчання бѣгѣти спѣвы ‘да не отвергну себя из-за своего молчания [от] благодати Спаса’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{въ} N_{Acc}^{D-F}$: въ глѣбинѣ себе мѣченѣю влаганѣемъ ‘влагая себя в глубину мучений’, прѣдѣнаго стрѣна моего в горькѣю печаль въвергохъ ‘преподобного дядю моего [я] ввергла в горькую печаль’, и въ печаль мѧ въвела еси ‘и в печаль меня ввела’, аще вѣдѣть собе въ слабость и во оуныныи ‘если даст себя в слабость и уныние’, и себе любовию оутвердѣмъ въ страхъ бѣни ‘и любовью утвердим себя в страх Божий’, въ прелесть далисѧ есте ‘вы в прелесть дали себя’, ни въ нечашныи вложиши собе ‘ни в смятение себя не вложишь’, тако и мнихъ в помыслъ носимъ бывають земными вещми ‘так и монаха земные вещи несут в размышление’, во всяко бездѣмство оудок оувѣзнеть ‘во всякое безумство легко увязнет’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{на} N_{Acc}^{D-F}$: не на стрѣть сребролюбѣю. погони брата на дѣло ‘не на страсть сребролюбия – на дело погони брата’, дрѣгъ дрѣга двигнемъ инодѣемъ на славословье ‘друг друга мужеством двинем на славословие’, ако же вы с ними предани быте на мѣкѣ ‘вас ними предали на муку’, положи вы себе на клеветѣ ‘положив себя на клевету’, хоцѣши на мѧ въставити зло ‘хочешь на меня вставить зло’, не възноситъ себе на гнѣвъ ‘не возносит себя на гнев’, аще видѣть бездѣмна наставитъ и на доброе ‘если видит безумного, наставит его на доброе’, но повѣжають его на зло ‘но склоняет его на зло’, въздвигнеть свою дѣю на въспрановеніи ‘воздвигнет свою душу на то, чтобы воспрянуть’, и мнѧ братъ на коли оспѣхъ вѣкомъ сын ‘и брат мнит, что влачим на больший успех’, и дрѣгыхъ дѣиѧ въбратѣте на зло ‘и души других обратите на зло’.

– Субъект – сущность, объект – состояние, локум – лицо.

Метафорическое представление ситуации: ‘сущность локализует состояние – дискретный материальный объект – относительно лица, которое понимается как вместилище для разнообразных внутренних процессов’.

Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии, что представляется как результат вмешательства высших сил’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: $\bar{w}nimi \bar{w} mēnē gīn smēkhz$ ‘отними от меня, Господи, смех’

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} v\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: $imko da poslet' blagōd' svoy v srdca$ ‘да пошлет благодать свою в сердца’, $brashna dūvna vmēciāiet' v\bar{z} dšī$ ‘духовную пищу помещает в души’, и $prisajama est'stv'f nāšemz \bar{w} svoego est'stva imko že nev'frystvnie. Nenavistī. Zavishtī. Tšeslavnīe. Gordyni. Slavoljubnīe. Črevoūbyadennīe. Mnogopitye. Kr'f'pkoslovnīe. Svaz'z. mnoga drūgama$ ‘и присаживая [в] естестве нашем от своего естества неверие, ненависть, зависть, тщеславие, гордыню, славолюбие, чревоугодие, многопитие, сквернословие, распрю, многое другое’, $vlozhit' v\bar{z} ūmz nēnavist'z$ ‘вложит в ум ненависть’, и $dolgoterp'fnyie vselāiet' v ony$ ‘и долготерпенье вселяет в него’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} na N_{Acc}^{D-F}$: $v\bar{z}skapi na srdce moie iedin'z kapl'ju lyubve tvoieia$ ‘капни на сердце свое одну каплю твоей любви’, $rany i napaštī na sob'f priemlāi'ce$ ‘раны и напасти на себя принимая’, $āce li i pamātz zemnykh veci navedūtz na ny$ ‘если память о земных вещах наведут на нас’, $āce li navodātz roditel' nashi$ ‘если наведут родителей наших’, и тогда $nalozhit' na ūmz blūd'z$ ‘и тогда наложит на ум блуд’.

$mnozhiceu bo vlozhit' ti nemoš'z i rigānīe$ ‘вложит тебе много слабости и крика’.

– Субъект – лицо, объект – состояние, локум – лицо или его часть.

Метафорическое представление ситуации: ‘лицо-субъект локализует лицо-объект относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве’.

Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии в результате действий, осуществляемых им самим, реже – другим лицом’. В данной группе контекстов носитель состояния по большей части предстает активным участником ситуации, свободно управляющим своими внутренними процессами.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: $\bar{w}verzn'z že \bar{w} sebe krūpnōdšyie$ ‘отбрось от себя малодушие’, $\bar{w}verzn'z ūbo v\bar{z}lāublenē. Iremz vrazhni. I vsy gordyniū ego$ ‘отбрось, возлюбленный, вражеский ярем и всю гордыню его’, $\bar{w}ženetz ūnynyz$ ‘отринет уныние’, $t\bar{z} [po\bar{z}ot'] \bar{w} rīnemz \bar{w} srd'cy nashi$ ‘отринем похоть от сердец наших’, $[lyubov'] v\bar{z}t\bar{z} v\bar{z}f\bar{z}h'z$ прогнана $v\bar{y}t'$ ‘любовь от всех была прогнана’, $\bar{w}f'ci \bar{w} srd'ca svoego pomysl'z i pečal'z$ ‘отсеки от своего сердца

размышление и заботу', и яростныи гнѣвныи дѡхъ ѿ себе прогнаѡ 'и яростный, гневливый дух от себя прогнав', и проженеть ѿ себе бл҃гѡти дѡхѡныи 'и прогонит от себя благодати духовные', ѿверзи ѿ себе грѣховныи тѡгостъ 'отбрось от себя греховную тяжесть', таковыи ѿгна ѿ собѣ бл҃годать 'такой отогнал от себя благодать', не ѿмещемъ оубо бл҃гѡти 'не отбросим благодати', искорени вратѣ корень похотѣныи ѿ срдца твоего 'искорени, брат, корень похоти из сердца твоего'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **вз** N_{Acc}^{D-F} : да слѣзѡми взсхититъ бл҃гѡтъ въ срдце свое 'да похитит слезами благодать в сердце свое'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **на** N_{Acc}^{D-F} : ти иже на собѣ чѣть положи 'те, кто на себя честь положил'.

Помимо стандартных ТСС иллативного, инаблативного и супералтивного типов, в этой группе также зафиксирован пример выражения стательного значения при помощи ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **предъ** N_{Acc}^{D-F} . По всей видимости, такое употребление следует считать окказиональным, связанным со стремлением составителя совместить основное значение состояния с семантикой психического восприятия:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **предъ** N_{Acc}^{D-F} : и не положить предъ очима своимѡ страха Божьего 'и не положит перед очами своим страх Божьего'.

Как и в блоке элементарных предложений с семантикой духовного состояния, мы наблюдаем внутри данной группы тонкую смысловую дифференциацию по оси волюнтивности-инволюнтивности, активности-пассивности носителя состояния. Введение дополнительного члена позволяет косвенно дополнить значение высказывания информацией о том, насколько изменение в состоянии лица зависит от его воли и намерений.

3.3.2. НеЭПП с акциональной семантикой

По сравнению с конструкциями стательной семантики неЭПП акционального блока значительно менее распространены (менее 10% от общего числа неизосемических неэлементарных реализаций) и более однотипны в плане как характера лексического наполнения (отглагольному существительному с пропозиционным значением во всех зафиксированных контекстах отводится роль локализатора, прочие непредикатные позиции заполняются именами с семантикой сущности, лица или его части), так и структурно-семантических разновидностей (подавляющее большинство — реализации апудаблативных и

суперлативных моделей). Однако в этой группе особенно ярко проявляется характерная особенность – сложная организация внутренней структуры. Акциональная пропозиция, подвергаясь свертыванию, содержит два непредикатных элемента, информация о которых должна быть так или иначе передана для понимания читателем ситуации; соответственно, в многокомпонентную структуру перемещения встраиваются дополнительные члены. Чтобы избежать перегруженности конструкции, применяются два стандартных приема, о которых мы говорили ранее:

1) опущение коммуникативно малозначимых или имплицитно выраженных членов. Так, в контексте *разбойникъ ѿложи убиваньѣ* ‘разбойник отложил убийства’ использование глагола с пространственным префиксом, в общем виде транслирующим идею апудаблативного движения, позволяет опустить локализатор, субъект действия *убийство* не нуждается в выражении как совпадающий с субъектом основной структуры. Наконец, объект акциональной пропозиции опускается как произвольный – описывается абстрактная, обобщенная акциональная ситуация. В конструкции *побуженъ вѣдетъ на разрушенье чернечьскаго правила* ‘побужден будет на разрушение чернеческого устава’ средством усечения лишнего члена – каузирующего движение субъекта – является трансформация структуры в страдательную конструкцию, в то время как объект акционального воздействия не только сохраняется, но и получает имя-распространитель;

2) словообразовательные процессы – адъективация существительных в составе акциональной структуры для последующего установления согласовательной связи с именным образованием от предиката. В предыдущей главе мы характеризовали этот метод только по отношению к субъектам, для которых замена координационной связи с предикатом на подчинительную становится необходимой вследствие номинализации последнего, и определяли его как неактуальный для объектов, сохраняющих связь управления с главным членом вне зависимости от его частеречной принадлежности. Однако в рассматриваемом блоке примеров данная закономерность нарушается. В выборке мы встречаем случаи адъективации и субъектов, и объектов.

Пример адъективации субъектов: *отвержиши выи ихъ ѿ лъсти идольскыи* ‘отверни их шеи от прельщения идольского > от того, чтобы идолы их прельщали’.

Пример адъективации объектов:

направите срѣца ваша на принятые иѡаннѣльское ‘направите ваши сердца на принятие евангельское > на то, чтобы принять Евангелие’, *яко могли исть*

възвысити дѣю на метанье ѿчелное '[он] мог возвысить душу на метание глазное > на то, чтобы метать взгляды', всѣ въкупѣ не могутъ разлучити ѿ любви бѣи дѣша 'все вместе не могут разлучить [кого-то] от любви Божьей > от того, чтобы любить Бога'.

Вероятно, это отклонение связано со стремлением избежать наличия двух идентичных форм объектного винительного падежа.

Материалы выборки подтверждают наше предположение о том, что структуры движения и перемещения органически связаны: они совпадают как в способах выражения разных типов пространственных значений, так и в основных направлениях и механизмах метафорического переноса. Тем не менее конструкции с семантикой перемещения обнаруживают и уникальные для своего типа особенности. К последним относятся: ярко выраженная тенденция к редукции и структурной неполноте, как следствие осложнения плана выражения дополнительным компонентом, более узкий круг охватываемых разновидностей пространственных ситуаций (выявленные контексты репрезентируют только делокативные и адлокативные отношения), структурная вариативность, проявляющаяся не только на уровне наличия / отсутствия предлогов, но и употребления разных падежных форм для выражения одного типа пространственных отношений (такая ситуация складывается в круге реализаций антелативных и сублативных ТСС).

Неизосемические реализации ТСС перемещения транслируют статальную и акциональную семантику, а также семантику психического восприятия, что также сближает их со структурами движения. Однако введение дополнительного участника делает внутреннюю конфигурацию события более детализованной, множит и усложняет связи между компонентами ситуации. Так, в ЭПП со значением психического восприятия особый акцент получает физиологический аспект ситуации (человек и его органы чувств вступают в субъектно-объектные отношения), а в неЭПП со статальной семантикой появление каузатора позволяет охарактеризовать изменения в состоянии носителя с точки зрения их не/произвольности и предумышленности.

Выводы

В тексте «Паренесиса» представлены три разновидности структур с прототипической пространственной семантикой: статические, в которых мы объединяем частные подтипы существования, местонахождения и наличия, и два типа динамических – собственно движения и каузированного движения. Помимо выражения базового значения, все три класса ТСС обнаруживают способность к метафорической трансформации.

В соответствии с пространственным отношением, которое устанавливается между субъектом и локумом, изосемические статические конструкции подразделяются на инэссивные, суперэссивные, субэссивные, антеэссивные, постэссивные, адэссивные, апудэссивные и интерэссивные, циркумэссивные. Для данного класса характерна тенденция к структурной дифференциации: большинство типов представлены реализациями нескольких ТСС, каждая из которых служит для уточнения параметров пространственной ситуации.

Метафорическая трансформация статических структур может происходить как с осложнением семантики дополнительным пропозиционным значением (конструкции со статальной, акциональной, разными типами реляционной семантики), так и без такового (конструкции со значением духовного состояния, социального отношения). Наибольшую смысловую мобильность демонстрируют инэссивные модели, реализующие целый ряд метафор вместилища.

В блоке моделей движения на основании того, какой из типов локализаторов актуализован в ЭПП, выделяется пять разновидностей: делокативные, адлокативные, транслокативные, комбинированные и ориентационные. Структурно-семантическая дифференциация наблюдается преимущественно среди транслокативных и ориентационных ТСС; в прочих классах каждый из способов пространственной репрезентации, как правило, находит выражение в не более чем одной ТСС, а структурное варьирование ограничивается усечением предлогов.

При неизосемическом заполнении синтаксических позиций модели движения могут реализовываться в физиологической, психической, духовной и эмоциональной сферах с сохранением элементарности. Реализуясь в неЭПП, они регулярно выражают статальную и акциональную семантику, а также некоторые типы реляционных значений (трансформации, социального и эмоционального отношения). По сравнению со статическим блоком набор метафорических механизмов, лежащих в основании трансформаций в динамических конструкциях,

оказывается значительно шире: наряду с метафорой контейнера в тексте выявляются такие аналогии, как ‘физическое расстояние определяет степень причастности’, ‘направленность – это цель’, ‘следование – это подражание / уподобление’, ‘трасса – это образ действий’ и др.

Модели каузированного движения по большей части повторяют закономерности, выявленные для моделей движения, как в способах выражения разных типов пространственных значений, так и в основных направлениях и механизмах метафорического переноса, однако отличаются большей частотой редукционных процессов и структурной вариативностью. Неизосемические реализации ТСС перемещения являются результатом трансформационных процессов, идентичных описанным для ТСС движения, однако введение дополнительного участника усложняет внутреннюю конфигурацию ситуации.

Характерной чертой языковой картины мира, отраженной в памятнике, является тот факт, что изосемические реализации ТСС бытийно-пространственного блока используются для описания не только пространственных ситуаций, которые разворачиваются в физической сфере, но и событий, относящихся к над-реальности – особому пласту действительности, на котором человек и нематериальные сущности – Бог, дьявол, ангелы, умершие – соприкасаются и вступают в различные виды взаимодействия. Локумы над-реальности представлены замкнутой группой объектов и пространств с упрощенной геометрией, поэтому пространственные ситуации в над-реальности отличаются большей однородностью и описываются несколько менее широким набором структур.

Глава 3

СТРУКТУРЫ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА В «ПАРЕНСИСЕ» ЕФРЕМА СИРИНА

1. НеЭПП, реализующие пропозиции второго порядка

В главах, посвященных конкретным блокам бытийно-пространственных пропозиций, мы делили все представленные контексты на три категории:

– структуры, в которых все позиции заполнены изосемически и пространственная семантика реализуется в своем базовом виде;

– структуры, в которых одна из позиций замещается лексемой, денотативная роль которой не соответствует выполняемой синтаксической функции, вследствие чего пространственное значение, сохраняясь, проецируется на другие сферы осуществления деятельности – психическую, социальную и др.;

– структуры, в которых в лексема пропозиционной семантики, появляясь в одной из непредикатных позиций, определяет основное значение, передаваемое предложением, в то время как типовая пространственная семантика, связанная с ТСС данного блока, выступает в качестве метафорической «рамки», способа образного представления ситуации.

Все эти типы конструкций объединяет то, что они референтны только одной ситуации реальности. Однако наряду с ними мы выделяем в выборке и примеры, в которых имена – продукты номинализации пропозиций – встречаются сразу в нескольких непредикатных позициях, а семантика структуры сводится к установлению отношения между двумя транслируемыми ситуациями. Согласно терминологии Т. В. Шмелевой, подобный тип сложных смысловых конструкторов называется добавочными логическими пропозициями второго класса. Логические пропозиции второго класса «в качестве объектов допускают только события, т. е. фиксируют межпропозитивные отношения» – преимущественно временные или каузальные [Шмелёва 1994: 21–22].

Репрезентировать пропозиции второго класса могут ТСС как статической, так и динамической (включая субкатегорию моделей каузированного движения) разновидностей, однако для каждой из них

характерны свои типы передаваемых межпропозитивных отношений и схемы лексического наполнения конструкций. Рассмотрим структурные и семантические особенности этих трех групп последовательно.

1. Статический блок. Среди всех статических ТСС способностью выражать межпропозитивные отношения обладает только одна, наиболее употребительная в тексте памятника – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$. Ее репрезентации представляют собой однотипные конструкции с предикатом характеристической семантики, субъектом – обозначением лица и локализатором – номинализированным наименованием ситуации:

въ бѣдахъ благоискѹиенъ ‘в бедах благ и искусен’, въ пѣньи безъ лѣности ‘в пении без лени > в пении не ленив’, въ ѿвѣтѣхъ родивъ ‘в ответах стремителен’, въ безмолвии мѹжьствѣнъ ‘в безмолвии мужественен’, въ постѣхъ готовъ ‘в постах готов’, въ мѹтвахъ терпѣливъ ‘в молитвах терпелив’, въ дѣлѣхъ непорочѣнъ ‘в делах непорочен’, въ ѿвѣтѣхъ скоръ ‘в ответах скор’, и въ житии прилѣженъ ‘и в жизни прилежен’, въ слѹжбахъ веселъ ‘в службах весел’, въ хоженіи красенъ ‘в поведении хорош’, въ бдѣньи тихъ и тощъ ‘в бдении тих и ничтожен’, въ мѹтвахъ ѹнылъ ‘в молитвах уныл’, въ постѣ драхъ ‘в посте слаб’, во бдѣньи раслабленъ ‘в бдении несобран’, въ дѣлѣхъ злодѣиель ‘в делах злодейственен’, въ безмолвии немоушенъ ‘в безмолвии слаб’, и въ всѣхъ вѣщи правъ и истиненъ ‘и в любом деле прав и истинен’, въ ѿвѣтѣхъ безъ лѹкы истъ ‘в ответах без лукавства > искренен’, и въ дѣианихъ простъ ‘и в деяниях прост’, во всякомъ дѣлѣ неискѹиенъ ‘во всяком деле неумел’, и въ дѣлѣхъ непотребенъ ‘и в делах непотребен’, и во всякомъ ѿвѣтѣ нестроинъ ‘и в любом ответе своеволен’.

Подобные структуры, как нам представляется, выражают временной тип отношений и могут быть развернуты в сложноподчиненное предложение с временным союзом *когда*: въ мѹтвахъ терпѣливъ ‘в молитвах терпелив > когда он молится, он терпелив’. Ситуации характеристики относятся, согласно терминологии Т. В. Булыниной, к классу «качеств», представляющих собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета [Булынина 1982], однако в приведенных контекстах событие принимает функцию своеобразного активатора их проявления: характеристика оказывается релевантной только в определенные моменты, в соотнесенности с другим действием. Так, контексты въ слѹжбахъ веселъ и въ бдѣньи тихъ и тощъ характеризуют один и тот же субъект, приписывая ему мало совместимые качества, но сочетание их оказывается непротиворечивым, так как актуализация каждого из

качеств связана с конкретным событием, которое задает им временной предел.

Намного менее многочисленны случаи замещения позиции предиката глаголом со статальной семантикой. Последняя свойственна классу ситуаций типа 'явление', описывающих только некоторый момент или отрезок существования объекта и характеризующих преходящее состояние мира [Булынина 1982], поэтому в таких примерах временное отношение не осложняется дополнительными аспектуальными оттенками:

въ словесѣхъ тоцихъ ѹдобѣ смѣтѣтъ 'в словах пустых легко смутит [кого-то]', сицевынъ въ многословесѣхъ радѣетѣтъ 'такой в многословности радуется', и въ вещьхъ не ползываетъ 'и в делах не приносит пользы', сицевынъ въ клеветѣхъ възмагатъ 'такой в клевете укрепляется', и въ огланихъ веселитѣтъ 'и в клевете веселится', напастехъ веселитѣтъ '[в] напастях веселится', в которыхъ смѣряетѣтъ 'в ссорах смирется'.

Как правило, логические пропозиции встречаются в тексте в виде монопредикатных конструкций, однако, как показывают отдельные контексты, возможна и дальнейшая их редукций в непредикативную именную группу:

изъщянаго въ ѿвѣтѣхъ 'превосходного в ответах', и възтаниваго въ дѣлѣхъ 'и в делах усердного'.

В большинстве примеров в синтаксической позиции локализатора употребляется свернутая одноактантная структура, но в тех случаях, когда в конструкцию входит номинализованное акциональное ЭПП, мы наблюдаем те же морфосинтаксические процессы встраивания дополнительных актантов и многообразие механизмов редукции, которые описывались выше:

и въ принятые странньмихъ нестроннъ 'и в принятии странников беспутен' – объект вносится в структуру, сохраняя подчинительную связь с номинализированным предикатом.

благотворени роптивъ и драхлъ иеть 'в благотворении мятежен и слаб' – объект сливается с предикатом, в результате чего образуется сложное существительное-девербатив.

въ книгахъ въздѣла творить, не ропщемъ в заповѣдехъ 'не ропщем в заповедях > в соблюдении заповедей', и въ многыхъ рѣчехъ не побѣжамъ 'и в многословии не побежден' – акциональная конструкция свертывается не до именного образования от глагола-предиката, но до существительного, замещавшего позицию объекта в исходной структуре как наиболее коммуникативно значимого компонента.

2. Динамические модели.

1) Модели движения. В этом блоке примеров мы находим реализации ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ на N_{Acc}^{D-F} , которые по характеру заполнения позиций представляются практически идентичными контекстам, рассмотренным в параграфе, посвященном неизосемической реализации моделей движения в неЭПП:

на брань да не исходить 'да не выйдет на брань', притекъ на блгоиѣ 'пришел на благое', онъ первыи шедъ на брань 'он первый пошел на битву', ходи на игрища 'ходящий на игрища'.

Ср.: течемъ на прѣдлежащи намъ подвигъ 'идем на подвиг, который нам предстоит', и грядѣши на зло 'и идущий на зло'.

Все приведенные конструкции содержат одушевленный субъект, предикат – глагол движения и лексему с событийной семантикой в функции локализатора. Принципиальное различие между двумя группами заключается лишь в том, что в контекстах второй группы пространственное значение имеет условный характер и выступает как образное средство маркировки динамического аспекта ситуации. В первой же, напротив, типовая семантика движения реализуется буквально. Структура предложений этого типа формируется наложением двух ЭПП: в конструкции с семантикой движения усекается локум и на его место в позиции локализатора подставляется существительное в форме винительного падежа с предлогом на, сжато выражающее информацию о другой ситуации. Между двумя событиями устанавливаются целевые отношения (событие, обозначенное именем, определяет цель, на достижение которой направлено движение), характерные, как мы отмечали ранее, для суперлативных неизосемических конструкций в целом.

В отдельных контекстах, где информация о локуме является принципиально важной для информационной полноты высказывания, позиция директива-финиша актуализуется дважды: один из локализаторов – имя конкретной семантики – представляет локум в пространственной ситуации, другой – девербатив с событийным значением – знаменует ситуацию, которая полагается целью осуществления движения:

прихожахѹ же по всѣ дѣи въ цркъвь не на млтвѣ 'приходили каждый день в церковь не на молитву'.

Окказионально для выражения отношений цели между пропозицией движения и другой пропозицией употребляется также структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$, что является отклонением от устоявшейся языковой

схемы, согласно которой значение целеполагания, осмысляясь как производная от значения направленности, репрезентируется той же структурой, что и последнее:

да придет в помощь емѹ ‘да придет в помощь ему’.

Однако, поскольку подобные конструкции составляют крайне малую долю в составе данного блока примеров, точно определить их место в системе структур, реализующих пропозиции второго класса, не представляется возможным.

б) Модели перемещения. Принципиальным отличием данного класса конструкций от описанных в предыдущих пунктах является их структурное разнообразие. Если среди статических ТСС и ТСС собственно движения выделяются отдельные специализированные структуры, транслирующие семантику отношения между событиями, то в данном блоке возможность трансформации такого рода заложена на уровне гипермодели, изначально приспособленной для выражения каузативных отношений.

В примерах мы разделяем три различных схемы наполнения структур, приводящих к семантическому переносу.

Во-первых, механизм трансформации может быть аналогичен выявленному в реализациях ТСС движения: в структуру, выражающую семантику динамической локализации, внедряется существительное с пропозиционным значением, замещая один из обязательных компонентов. В данном круге примеров таким компонентом может являться исключительно субъект. Подмена существительного со значением лица, каузирующего перемещение объекта, наименованием события позволяет косвенно определить последнее как причину, по которой объектом совершается движение:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: [похоть] изгна еву ѿ рая ‘похоть изгнала Еву из рая’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: стрѣсть плотскыа изгонит ны ѿ чреотога шного ‘страсть плотская изгонит нас из того чертога’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} v\bar{z} N_{Acc}^{D-F}$: ни еже оуѣренъе сановное во црѣство небесное вѣводитъ ‘не удостоверение чина вводит в царство небесное’, бл҃гочѣвѣмъ помысломъ. [вѣ] внѣшнюю пѣстыню изведетъ и ‘благочестивым помыслом в наружную пустыню выведет его’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} ADV^{D-S}$: вьнѣтърѣ же есть влекоуъ помысломъ ‘внутри его влечет помыслом’.

Во-вторых, девербативы, знаменующие события, могут занимать в конструкции две непредикатные позиции одновременно: как правило, это позиции субъекта и локализатора. Каузативное отношение устанавливается согласно типовому значению, связанному со структурой, однако пространственная семантика реализуется только метафорически, эксплицируя динамический аспект ситуации:

[похоть] $\bar{w}berzet\bar{y}$ ny $\bar{w}t\bar{z}$ $\bar{n}b\bar{s}n\bar{y}x\bar{z}$ и $\bar{z}em\bar{y}n\bar{y}x\bar{z}$ $\bar{p}r\bar{y}v\bar{z}et\bar{y}$ ‘[похоть] отбросит нас от небесного и [в] земное привяжет’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ $\bar{v}z\ N_{Acc}^{D-F}$: тамо слезы ведѹть в мѹкѹ ‘там слезы ведут в муку’, в какѹ ти кончинѹ $\bar{s}vede$ $\bar{o}sl\bar{u}š\bar{a}n\bar{y}e$ ‘в какую кончину сведет тебя слушание’, $\bar{b}l\bar{g}ost\bar{y}nn\bar{i}$ $\bar{b}n\bar{i}$ в $\bar{p}ok\bar{a}nn\bar{i}n\bar{i}e$ тѹ ведѹть ‘благодать Божья в покаяние тебя ведет’, $\bar{p}ok\bar{a}nn\bar{i}n\bar{i}e$ $\bar{b}r\bar{a}t\bar{i}a$ $\bar{d}x\bar{a}$ $\bar{s}t\bar{g}o$ в себе $\bar{v}z\bar{x}yš\bar{c}a\bar{i}et\bar{y}$ ‘покаяние, братья, похищает в себя святого духа’, $\bar{p}ok\bar{a}nn\bar{i}n\bar{i}e$ $\bar{b}r\bar{a}t\bar{i}a$ $\bar{i}ed\bar{i}n\bar{o}č\bar{a}dn\bar{o}g\bar{o}$ $\bar{v}se\bar{l}a\bar{i}et\bar{y}$ в ны ‘покаяние, братья, единочадного вселяет в нас’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ $\bar{n}a\ N_{Acc}^{D-F}$: $\bar{b}l\bar{g}\bar{d}\bar{t}\bar{y}$ твоѹ $\bar{v}lečet\bar{y}$ мѹ на $\bar{p}ros\bar{v}š\bar{c}en\bar{y}e$ ‘твоя благодать влечет меня на просвещение’, $\bar{v}lečet\bar{y}$ мѹ $\bar{b}l\bar{g}\bar{d}\bar{t}\bar{y}$ твоѹ на $\bar{živ}ot\bar{z}$ ‘влечет меня твоя благодать на жизнь’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ $\bar{k}z\ N_{Acc}^{D-F}$: $\bar{l}j\bar{u}b\bar{y}$ твоѹ $\bar{v}lečet\bar{y}$ мѹ к тебѣ $\bar{i}p\bar{s}e$ ‘твоя любовь влечет меня к тебе, Спас’.

Наконец, в некоторых конструкциях реализуется не каузативная семантика, но, как и в статических структурах, темпорально-соотносительное значение, осложненное дополнительным каузативным смыслом. Типовое значение таких контекстов может быть сформулировано как ‘некто каузирует лицо проявлять признак, когда лицо выполняет определенное действие’. Позиции объекта и локализатора занимают имена событийной и / или признаковой семантики, позицию субъекта-каузатора – наименование лица или сущности, кроме того, в структуру вставляется дополнительный актанта – носитель признака или состояния, выраженный притяжательным местоимением, согласующимся с соответствующим отглагольным существительным, либо личным местоимением в форме дательного падежа:

$\bar{v}k\bar{o}ren\bar{i}t\bar{y}$ $\bar{z}e$ $\bar{z}l\bar{y}n$ $\bar{w}b\bar{y}č\bar{a}n$ тако во $\bar{a}lč\bar{n}ič\bar{i}ev\bar{z}$ $\bar{w}b\bar{v}\bar{z}d\bar{e}n\bar{y}e$ $\bar{v}z$ $\bar{ž}a\bar{z}n\bar{i}$ $\bar{m}n\bar{o}g\bar{o}p\bar{i}t\bar{y}e$ во $\bar{s}n\bar{e}$ $\bar{s}l\bar{a}b\bar{o}st\bar{y}$. во истинѣ $\bar{z}e$ $\bar{l}ž\bar{u}$ ‘так, укоренит злой обычай в голоде объедание, в жажде – многопитие, во сне – слабость, в истине же ложь’, $\bar{v}er\bar{o}u$ $\bar{p}r\bar{i}s\bar{a}dn\bar{i}t\bar{y}$ в $\bar{n}ev\bar{z}\bar{r}ystv\bar{i}n\bar{i}$ его. И $\bar{o}p\bar{u}v\bar{a}nn\bar{i}e$ в $\bar{n}ev\bar{o}p\bar{u}v\bar{a}nn\bar{y}e$ его И $\bar{l}j\bar{u}b\bar{y}$ в $\bar{n}en\bar{a}v\bar{i}st\bar{y}$ его. И $\bar{r}az\bar{z}m\bar{z}$ в $\bar{n}er\bar{a}z\bar{z}m\bar{n}e$ его $\bar{t}\bar{š}ann\bar{i}e$ $\bar{v}z$ $\bar{l}\bar{f}n\bar{o}st\bar{i}$ его. и $\bar{s}l\bar{a}v\bar{z}$ и $\bar{p}ox\bar{v}\bar{a}l\bar{z}$ в $\bar{v}se\bar{s}l\bar{a}v\bar{n}e$ его. ‘веру посадит в его неверие, и упование в его неупование; трудолюбие в его

леность, а славу и похвалу – в его бесславие’, *принесѹть бо ѿ немѹ уныныѹ в малое рѹкодѣланнѹ* ‘принесут ему уныние в малое ручное дело’.

Таким образом, мы можем заключить, что целый ряд моделей бытийно-пространственного блока употребляется в тексте сборника для выражения межпропозитивных отношений разного рода. Каждый из трех типов моделей тяготеет к выражению определенной пропозиции второго класса: так, для статических структур наиболее характерна темпоральная семантика, для структур движения – целевая; если же структура движения осложнена казуативными смыслами, она в равной степени может выражать причинно-следственные отношения и на уровне событий.

2. НеЭПП с модусной-диктумной семантикой

В содержании предложения соединены значения двух принципиально различных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношение мыслящего субъекта к этой действительности.

Ш. Балли обозначил эти два слоя, из которых складывается значение предложения, как диктум и модус. Диктум понимается как основное сообщение, содержанием (денотатом и референтом) которого является определенное положение дел во внеязыковой действительности (точнее, в той реальности, которая отображается в речи). Объективная реальность противопоставляется психическому переживанию, которое с нею связано. Это переживание в вербализованном виде и составляет модусный слой предложения [Балли 1955: 44].

Т. В. Шмелева отмечает такую особенность модусного слоя, как его распыленный, иногда почти неуловимый характер. Если диктумный слой информации получает выражение на синтаксическом уровне в сложившейся системе типовых структур, то модусные значения не имеют регулярных способов трансляции. Модус может присутствовать в высказывании в имплицитном виде, никак не отражаясь в плане выражения единицы, а в случае эксплицитного выражения располагает большим и неоднородным кругом языковых средств – грамматическими формами, особыми лексемами и синтаксическими конструкциями [Шмелева 1994]. Последние, насколько мы можем судить, являются частотным средством выражения модусных смыслов в церковнославянском языке: в ряде бытийно-пространственных структур

сочетается информация о положении вещей в условно реальной действительности и ее субъективное толкование.

Модус складывается из категорий четырех типов: актуализационных, квалификативных, социальных и метакатегорий. В выборке нами были зафиксированы только случаи выражения модусных значений квалификационного типа, т. е. квалифицирующих с авторских позиций диктумное содержание. Информация о ситуации может квалифицироваться в двух аспектах.

Во-первых, в ряде структур предметом оценки становится собственно информация и некоторые присущие ей свойства. Модусное значение сводится к авторизации – квалификации источника излагаемой информации как собственной или полученной от другого лица, указанию на способ ее получения.

В тексте памятника такие конструкции по преимуществу представляют собой реализации статических ТСС инэссивного и иллативного типа (последние, как правило, осложнены семантикой каузации), в которых один из непредикатных членов является результатом редукции диктумной пропозиции, а другой – лексему с семантикой мыслительной деятельности или результата мыслительной деятельности. Установление между ними пространственного отношения иллативного типа посредством метафоры вместилища позволяет квалифицировать ситуацию как гипотетическую, принадлежащую ментальной сфере отдельного индивида.

Событийная позиция нередко редуцируется до такой степени, что восстановить ее в исходном виде не представляется возможным. В некоторых случаях мы можем лишь заключить, что имя, выбранное составителем для репрезентации неназванной ситуации, следует считать ее коммуникативно-смысловым центром. Так в контексте *имѣи на ѡмѣ си любиличе днѣ* ‘имей на уме этот день, любимый’ лексема ‘день’ свободно разворачивается в целый ряд разнородных ситуаций: ‘[думай о том,] что день придет’, ‘[думай,] когда придет день’, ‘[думай о том,] что случится, когда придет день’.

Мыслительный процесс интерпретируется в тексте двояко. С одной стороны, в структурах, где слово лексико-семантической группы ‘мышление’ занимает позицию локализатора, процесс осмысления ситуаций реальности представляется в виде принятия их в личную сферу человека, где происходит ментальная обработка:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex}$ на N_{Loc}^{Loc} : *придетъ емѡ ѡмѡ на ѡныньѣ* ‘придет у него ум на уныньѣ’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: вѣси бо пишють напасть в помыслѣ ‘бесы пишут в уме напасть’, потщѣи брате склѣсти. И ѿ вѣ оумѣ своемъ приѣ ‘постарайся, брат, сохранить и Бога в уме своем навсегда’, носѣ брашно собѣ на оумѣ ‘нося пищу у себя на уме’; и си видѣ в помыслѣ ‘и видя это в помысле’, имѣи на оумѣ си любимичѣ днѣ ‘имей на уме этот день, любимый’, людѣ мои понеже имѣ моиѣ въ срѣдцѣхъ вашѣхъ ‘люди мои, пока мое имя будет в ваших сердцах’, имѣи образъ его въ срѣдцѣ своемъ приѣ ‘имеющий всегда его образ в своем сердце’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} N_{Acc}^{Ob} \text{ въ } N_{Acc}^{Loc}$: онѣхъ же бѣсмертныхъ бѣгъ ни въ оумѣ нашѣ не вносимъ ‘этих бессмертных благ и в ум наш не вносим’, въ твоѣ похотѣнѣ вложить врагъ. образъ ‘в твой помысел враг вложит образ’, си вложить въ ѹмъ братѣ. ненавидѣи добра дѣмонъ ‘вложит это в ум брату ненавидящий добро демон’, сицевѣи вложить въ оумѣ лукавыи старцевѣ ‘лукавый вложит такое в ум старцу’.

С другой стороны, появляясь в роли движущегося субъекта при событии-локализаторе, мыслительная способность, напротив, предстает как динамичное начало, которое движется в направлении «изнутри – вовне» по отношению к личности-носителю и, выходя за ее пределы, локализуется в пространствах разнообразных событий. Таким образом, локализация интеллектуальной деятельности служит для метафорического выражения предмета мышления:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$: доколѣ свои оумѣ съставляемъ в сѣетныхъ похотѣхъ ‘до каких пор мы будем свой ум основывать в суетных мыслях?’, имѣи оумѣ въ вещьхъ ‘всегда имеющим ум в вещах’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} N_{Acc}^{Ob} \text{ въ } N_{Acc}^{Loc}$: не дасть помысла своего в печали земныхъ вещьи. но токѣмо в любовь ѿню ‘не даст помысла своего в земные заботы’, пригвожденъ бо есть оумѣ ихъ всегда въ тлѣмаи и малѣи ‘пригвожден их ум всегда в тленное и малое’, помысла же нашего въ плотскыи печали въвергъше ‘помысел же наш в плотские заботы ввергнув’

прочии языци ходѣти в сѣетѣ оума своего ‘другие народы ходят в суете своего ума > другие народы думают о том, что суетно’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ посредѣ } N_{Loc}^{Loc}$: посредѣ добротѣ [мысль] ‘[мысль] посреди доброго’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ на } N_{Loc}^{Loc}$: и пригвожденъ оумѣ есть нашѣ на земли слабостѣи нашѣи ‘и пригвожден ум наш на земле из-за нашей слабости’.

Во-вторых, оценочность как модусная категория не сводится лишь к объективной квалификации собственно информационного аспекта высказывания; она включает в себе также и передачу авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом

или к какому-то из его элементов – иначе говоря, различных типов эмоциональной оценки рассматриваемого события. В тексте «Паренесиса» мы находим два типа структур, кодирующих такой тип субъективной интерпретации.

1) Для синтезированного выражения ситуации и авторского отношения к ней в памятнике регулярно используется инэссивная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$, лексическое наполнение которой происходит по следующей схеме: в роли локализатора выступают существительные – свернутые наименования ситуаций, в то время как позицию субъекта замещают имена с оценочной семантикой (вина, чудо):

о чюдо братье в чюднѣмъ во его въздержаньи и во мнозѣмъ его бдѣнии і въ плачи і на земли лѣгании тѣла его ‘о, чудо, братья, в чудесном его воздержании, и в долгом бдении, и в плаче, и в лежании его тела на земле > о братья, чудесно то, что он был воздержан, и долго бдел, и плакал, и в том, что тело его лежало на земле’, во мнозѣ оубо страѣ вина бываєтъ ‘ибо в сильном страхе вина бывает > ибо достоин обвинения тот, кто сильно боится’.

В конструкциях такого вида событие играет роль контейнера по отношению к эмоциональному восприятию – последнее изображается как неотъемлемая часть ситуации, не привносимая в нее лицом, выражающим свою оценку, но имманентно присущая ситуации и порождаемая ей. Посредством устранения воспринимающего субъекта создается впечатление относительной объективности, однозначности оценки, имплицитно транслируется представление о том, что иное отношение к ситуации заведомо неверно.

2) Модусное значение передачи отношения субъекта к ситуации, в которую он вовлечен или потенциально может быть вовлечен, выражается при помощи суперлативных конструкций вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ на } N_{Loc}^{Loc}$:

ни на сварѣ мощи ‘на распри сильны’, на пѣнье раслаблени ‘на пение рассеянны’, на млѣвѣ дрѣмлюще ‘на молитву сонливые’, на словословіе насилви ‘на славословие настойчивы’, на покоренье роптви ‘на покорение склонны роптать’, не на трапезѣ тѣшви і на дѣла лѣнви ‘не на трапезу старательны, а на дела ленивы’, [на] ненавидѣне възтаниви ‘на ненависть усердны’, на бѣгоє омрачени ‘на благое заблуждающиеся’, на всакѣи вещь възтанивѣ ‘на каждую вещь трудолюбив’, на въздержанье неприлеженѣ ‘на воздержание неприлежен’, на клеветѣ готовѣ ‘на клевету готов’, на многоречье мѣжыственѣ ‘на многословие мужествен’, на досажение оудобнѣ ‘на досаждение легок’, на пѣнье немощенѣ ‘на пение немощен’, на слова дхѣна негѣивѣ ‘на духовные слова нем’, на дѣло прилѣженѣ ‘на дело прилежен’, на всако дѣло бѣго немощенѣ и неразѣмченѣ ‘на

всякое дело немощен и неразумен', на странных прилеженъ 'на странников прилежен', на целованные первый притѣкатель 'на целование первый приходящий'.

на бл҃гом не ревнѣю 'на благое не усердствую', на полезном всегда чинятсѣ 'на полезное всегда приготавливаются'.

Лексический состав приведенных контекстов идентичен лексическому составу конструкций, которые мы описали выше, характеризуя способы выражения пропозиций второго порядка: роль субъекта выполняет лицо, предикат имеет семантику характеристики (первый блок примеров) или состояния (второй блок примеров), в качестве локализатора употребляется девербатив с пропозициональной семантикой. Однако на базе этих ТСС, маркирующих две разновидности пространственных отношений, формируются вторичные модели, описывающие два разных типа сочетания ситуаций в реальной действительности.

Так, ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ въ } N_{Loc}^{Loc}$, употребляясь для выражения статических пространственных отношений, выражает уже сложившуюся локативную ситуацию. Субъект в реализациях этой структуры определяется как соппространственно расположенный по отношению к событию, обозначенному именем с пропозиционной семантикой, включенный в него, и это установление факта совпадения в пространственных координатах позволяет читателю интуитивно воспринять ситуацию как имевшую место в реальности. Соответственно, и побочная ситуация проявления субъектом некоторого признака также трактуется как разворачивающаяся в реальной действительности, а их соппространственность проецируется на временной план.

Напротив, типовая семантика структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$ в своем базовом виде подразумевает, что пространственная ситуация находится в процессе становления, пространственные отношения с локумом сформируются только по завершении движения. Как следствие, событие, обозначенное лексемой-локализатором, может трактоваться лишь как гипотетическое, относящееся к неопределенному моменту в будущем. Признак, называемый предикатом, также проявляется не в пределах конкретного события и не в связи с ним, но по отношению к намерению субъекта выполнить определенный набор действий, выражая его отношение к этой перспективе и принимая, таким образом, модусный оттенок.

Итак, в тексте «Паренесиса» Еврема Сирина на синтаксическом уровне эксплицитное выражение в статических и динамических структурах бытийно-пространственного блока получает только квалификативная категория. Нам представляется, что во многом это вызвано учительной направленностью сборника, которая требует концентрации внимания на ментально-эмоциональной стороне жизни и, в соответствии со своими функциями, предполагает насыщенность текста оценочными авторскими суждениями, которые могут излагаться в несколько категоричной, догматической форме.

3. Пространственные оппозиции в христианской картине мира

В предыдущей главе, говоря о неизосемических реализациях типовых структур, мы рассматривали контексты, в которых семантические трансформации происходят в результате применения сложившихся, регулярно воспроизводимых в языковой системе механизмов. Однако на материале выборки мы также можем проследить контекстуально и метатекстуально обусловленные процессы, вызывающие структурную перестройку и переосмысление конструкций с пространственной семантикой.

Отличительной особенностью «Паренесиса» как учительного сборника является его насыщенность отсылками к религиозным текстам, которые в рамках христианской картины мира рассматриваются как прецедентные: предполагается, что читатель осведомлен об их содержании и, как следствие, ему достаточно минимального обозначения параметров ситуации, описанной в библейских текстах, чтобы актуализовать всю необходимую информацию о ней. Как уже упоминалось, эта черта памятника может оказывать влияние на способы представления ТСС, позволяя повышать степень редукции конструкций без ущерба для транслирования общего смысла. Выше мы приводили контексты, в которых были опущены один или несколько обязательных компонентов ТСС, но в рассматриваемом в этом блоке примеров редукция происходит нетипично: в локализаторах, представленных именной группой с производным предлогом, усекается именная часть.

Так, во фрагментах текста, повествующих о Страшном суде, регулярно подчеркивается значимая оппозиция двух пространственных ситуаций: 'субъект находится вне рая / царства небесного' – 'субъект находится внутри рая / царства небесного'. Последняя ситуация мыслится

как желаемая и связанная с положительными коннотациями; ее противоположность, соответственно, приводится как отрицательная альтернатива. Исходным способом представления этих ситуаций являются конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внѣ} N_{Gen}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внѣтърь} N_{Loc}^{Loc}$.

$\text{внѣ} \text{прѣбывающѣ} \text{црѣства} \text{нѣбнаго}$ ‘пребывающий вне царства небесного’.

Но намного регулярнее они находят выражение в конструкциях вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$, где падежная форма подвергается редукции и предлоги внѣтърь и внѣ , как следствие, функционируют в качестве наречий:

и $\text{мнѣсѣ} \text{внѣтърь} \text{сѣще} \text{быти}$ ‘и меня, [что ему] внутри быть’, $\text{извънѣ} \text{оудѣ} \text{быти}$ ‘извне быть’, $\text{внѣ} \text{обращаетсѣ}$ ‘вне окажется’, и $\text{внѣтърь} \text{бывшемѣ}$ ‘и внутри бывшим’.

Ближайший контекст не предоставляет информации о локуме, с которым устанавливается пространственное отношение в этих структурах, однако сохраняет имплицитно выраженную оценку локализаций ‘внѣ’, ‘извънѣ оудѣ’ как негативной, а ‘внѣтърь’ – как позитивной. Коммуникативный фокус смещается на эти коннотации, вследствие чего наречия в позиции локализатора обретают добавочные смыслы, порожденные контекстом; их оппозиция переносится с ориентационного плана на онтологический.

Аналогичный процесс, также вызванный влиянием библейских текстов на христианскую картину мира, происходит и для оппозиции ‘справа – слева’. Представление о правой стороне как предпочтительной, по сравнению с левой, восходит к новозаветному отрывку, повествующего о Судном дне, на который автор неоднократно ссылается в тексте сборника:

«Тогда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец **по правую Свою сторону**, а козлов — **по левую**. Тогда скажет Царь тем, которые **по правую сторону Его**: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Тогда скажет и тем, которые **по левую сторону**: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» [Мф. 25].

Так как данный сюжет входил в культурный фон предполагаемого читателя, редуцированные конструкции, отсылающие к нему, употребляются в тексте еще более свободно – среди реализаций статических ТСС не было обнаружено конструкций с предложно-падежной формой в позиции локализатора:

ниже ошибкою обратится 'которые слева окажутся'; его рад шниагостомным осужени быша 'поэтому [они] были осуждены стоять слева'.

Соедугет отметить, что упоминание левой, предосудительной, стороны в тексте более частотно (63% от общего числа примеров) и особенно автономно по отношению к исходному контексту; в частности, с ней связан единственный пример максимальной редукции метафоры данного типа путем номинализации в сочетании со словосложением: его рад шниагостомным осужени быша 'поэтому [они] были осуждены стоять слева'.

Выводы

В данной главе рассматриваются реализации ТСС бытийно-пространственного блока со сложной смысловой организацией, которая не может быть сведена к пропозициональному значению.

Первая разновидность таких структур охватывает конструкции, значение которых заключается в установлении отношения между двумя ситуациями. Репрезентировать пропозиции второго класса могут ТСС как статического, так и динамического типа, однако за каждым блоком закреплён определённый тип передаваемых межпропозитивных отношений. Для ТСС статического блока наиболее характерна темпоральная семантика, для ТСС движения – целевая, для ТСС каузированного движения – причинно-следственная.

Также в тексте памятника частотно употребление ТСС с прототипическим инэсвиным, иллативным и суперлативным значениями для выражения модусных смыслов, относящихся к квалификативной категории, а именно: квалификации ситуации как принадлежащей ментальной сфере отдельного индивида или выражении авторского отношения к той или иной ситуации.

Наконец, третью разновидность конструкций данного типа составляет узкий круг построений с лексемами внѣ, внѣтри, ошибю, одѣнѣю, значение которых раскрывается только при обращении к метатекстуальному уровню. Подобные структуры содержат в себе отсылку к прецедентным христианским текстам, на основании которой читатель должен восстановить недостающую информацию о локуме и связанные с последним позитивные или негативные коннотации, которые переносят оппозицию с ориентационного плана на онтологический.

Глава 4

РЕАЛИЗАЦИИ ТСС БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В «ТВОРЕНИЯХ» ЕФРЕМА СИРИНА

Целью данной главы является сопоставление систем бытийно-пространственных моделей простых предложений церковно-славянского и современного русского языков на примере древних и современных переводов произведений Ефрема Сирина.

Материалом для исследования в данном разделе являются фрагменты из «Творений» Ефрема Сирина [Ефрем Сирин 2005] – переиздания сборника произведений богослова, впервые составленного в 1895-1901 гг., на современном русском языке. Перевод рассматриваемых нами произведений из томов №1-2 производился со славянских списков. Для максимально точного сравнительного анализа систем пространственных отношений и средств их выражения двух периодов развития языка мы рассматривали в первую очередь те поучения, которые входили в состав «Паренесиса», а именно: «Слово о добродетелях и пороках», «О страхе Божиим», «О бесстрашии», «О любви», «О не имеющих в себе любви», «О долготерпении», «О не имеющем в себе долготерпения», «О терпении», «О не имеющем в себе терпения», «О негневливости», «О вспыльчивости», «О кротости», «О лукавстве», «Об истине», «О лжи», «О послушании», «О непокорности и ропоте», «О том, чтобы не иметь зависти и соперничества», «О зависти и соперничестве», «О том, чтобы не быть злоречивым», «О злоречии и злоречивых», «О воздержании», «О невоздержании», «О небогобоязненности и нерадении», Поучения 29–31, 33, «О девстве и целомудрии», «О чистоте», «О том, что должно не блуждать туда и сюда глазами, но поникать взором долу, душой же стремиться горе, ко Господу», «О кротости», «О непослушных и о воскресении», «О страхе Божиим и о будущем Суде», «О благоговении», «О тех, которые отпадают по собственному нерадению и какими-либо предлогами извиняют свои грехи», «К отпадшему брату и о покаянии», «О том, что не должно клясться и говорить хулу», «О страхе Божиим», «Монаху, впадшему в уныние, который говорит: «Пойду, возвращусь в мир»», «О злонравии», «Слово на Второе Пришествие Господа нашего Иисуса Христа», «Слово о всеобщем Воскресении, о покаянии и любви, о Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа», «Слово на

Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово», «Увещение, или огласительное наставление, монахам», «Жизнь блаженного Аврамия и племянницы его Марии», «Слово о суде и об умилении».

В тех случаях, когда объем выборки оказывался недостаточным для иллюстрации тех или иных закономерностей, мы прибегали также к языковому материалу из других поучений первого и второго томов сборника. Такие контексты сопровождаются в тексте указанием на том и страницу; контексты из основной части выборки приводятся без ссылок.

При сопоставлении современного текста с церковнославянским мы будем сосредотачиваться преимущественно на том, как соотносятся конкретные структуры с различными пропозиционными значениями, оставляя в стороне те содержательные особенности, которые присущи христианской картине мира в целом и не затрагиваются изменениями в языковой системе. В частности, приводя примеры разных типов изосемических реализаций, мы не будем разграничивать контексты, реализующиеся в физической реальности и над-реальности. Описание осуществляется по той же схеме, что и в предыдущих главах, но менее дифференцированно: так как типология и семантические деривации моделей каузированного движения не обнаруживают самобытности по отношению к моделям собственно движения, мы будем характеризовать их как единый блок динамических конструкций, сопровождая каждое из общих положений двумя сериями примеров.

1. Изосемические реализации статических моделей бытийно-пространственного блока

Блок статических структур включает в себя следующие разновидности моделей: инэссивные, суперэссивные, субэссивные, антеэссивные, апудэссивные, интерэссивные и циркумэссивные.

1.1. Инэссивные модели

Группа контекстов, в которых описываются пространственные отношения инэссивного типа, сохраняет структурную вариативность и в современном переводе. В ее состав входят структуры трех различных типов:

$$\begin{array}{l}
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{в} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{среди/посреди} N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{внутри} N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}
\end{array}$$

Причем первая разновидность существенно преобладает над прочими (87% от соответствующего сегмента выборки). Основным средством выражения данного пространственного отношения следует считать форму местного падежа имени-локализатора в сочетании с предлогом *в*, в то время как употребление в этой позиции имени в родительном падеже с предлогами *среди /посреди* и *внутри* имеет целью выделение определенных параметров пространственной ситуации.

Базовое значение, передаваемое формой $\mathbf{в} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$, формулируется как ‘субъект пребывает в границах локума’; специфика, которую они приобретают в конкретных случаях, определяется, прежде всего, геометрическими характеристиками локума, фигурирующего в событии. Локумы, представленные в контекстах, различаются градациями детальности геометрии, материальной выраженностью и определенностью границ, синкретичностью и др. В самом общем виде они подразделяются на те же группы, которые мы выделяли для соответствующих моделей церковнославянского языка:

– артефакты и натурфакты с выраженными границами, содержащие в своей внутренней части полое пространство:

Взяв его, затворили в монастырской часовне; И не безмолвствуешь в келье своей; И вспомни о спящих во гробах; Представляй себе заключенных в темницах; С юного возраста проводил время в церквах; Иные, подобно плевелам, будут связаны на сожжение в печи огненной; Блаженный, как золото в горниле, несравненно более просиявал; Делают себе обители в вертепах и в пропастях земных;

– однородные массы и вещества:

Лето и зиму проводят за своей работой в воде;

– соматизмы, включая наименования физического облика человека в целом как вместилища духовного начала:

Но оставим ходящих во плоти; Так и монах, пока в теле сем...; И горечь подавит сладость меда в гортани;

– локумы с неопределенной геометрией, границы которых определяются условно:

Она низложила Божий народ в пустыне; Лот жил в Содоме; В некоторой стране жил один юноша; Она обольстила судей народных в

Вавилоне; Потому нет нам пользы в препровождении времени в селениях; Соблазнятся о тебе те, которые увидят тебя в городе и в селении делающим неугодное Богу; Возненавидел мир и все, что в нем; О, чистота, возвысившая боголюбца в земле чужой; Возненавидим мир и что в мире; Но будешь как орел, парящий в высоте; Много найдется тогда людей благоугодивших Богу, которым в горах и в местах пустынных можно будет спастись;

– локумы, замыкающие собой участок пространства:

И, изумленная, подобно камню, оставалась в руках его; Так и блаженный Авраамий путешествовал в чужом одеянии; Авраамий увидел ее в том наряде.

Появление предлога *среди / посреди* в инэссивных конструкциях, как правило, связано с усилительной функцией, необходимостью смыслового акцента на локации. Часто в коммуникативную цель входит указание на нетипичность разворачивания некоторой ситуации в малоподходящей для нее локации, экспликация нарушения пресуппозитивных ожиданий:

Апостолы, возвестившие миру спасение, как злодеи биты были среди города; Кто потерпел кораблекрушение среди моря; Умрет также и отец с женой и детьми среди торжищ; Но Ефрем, предложив совершить грех посреди города... [Т. 1, 2: 12]; Однажды, вооружившись камнями, они напали на него посреди города [Т. 1: 20].

Значительно реже эта предложно-падежная форма используется для указания на чисто геометрический параметр локализации – максимальную удаленность субъекта от границ локума:

Море перед ним пришло в колебание, разделилось и открыло путь посреди себя [Т. 2: 242].

Модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **внутри** N_{Gen}^{Loc} является наименее употребительной в тексте. Зафиксированные примеры в большинстве своем содержат противопоставление между внешним по отношению к локуму пространству и его внутренней полостью:

Но он не удовольствовался теснотой этой клетки и внутри ее устроил себе подобие гроба; А мы, и внутри затвора находясь, скитаемся помыслом вне [Т. 1: 220]; Должны же они быть внешней дверью во святилище, внутри которого Святое-святых [Т. 2: 286].

Таким образом, помимо фонетических трансформаций, в рассмотренном блоке примеров по сравнению с текстом памятника XIV в. модели по большей части не претерпевают изменений ни в структуре, ни в атрибуции к частным подтипам инэссивных пространственных ситуаций.

Однако мы должны отметить сокращение общего числа моделей (в выборке отсутствуют аналоги представленной в старославянском тексте модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \circ N_{Loc}^{Loc}$), упрощение плана выражения предлога **внѣтрѣ** **оуаѣ** за счет утраты незначимого элемента **оуаѣ**, а также более частотное употребление модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **среди / посреди** N_{Gen}^{Loc} для совмещения инэссивного значения с модусными смысловыми оттенками.

1.2. Суперэссивные модели

Основной массив контекстов данного семантического типа составляют реализации двух суперэссивных моделей – $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **на** N_{Loc}^{Loc} и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **над** N_{Loc}^{Loc} , смысловое соотношение между которыми практически идентично соотношению моделей $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **на** N_{Loc}^{Loc} и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **верхѣ/сверхѣ** N_{Loc}^{Loc} в церковнославянском сборнике.

Модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **на** N_{Loc}^{Loc} обладает широким семантическим спектром и описывает ряд пространственных ситуаций различной конфигурации, которые объединяет общий признак – наличие физического контакта между субъектом и локумом. Частные разновидности суперэссивного пространственного значения в этой группе включают:

– локализации типа ‘субъект находится в контакте с верхней гранью локума’:

Лежат на городских рынках и улицах; И золото, и серебро рассыпаны на улицах; Тот подобен созидающему дом свой на камне; Что диадема на главе Царя; Где возлежание на голой земле?; Итак, сидел он на ложе; Человека... который ради добродетели стоял на столпе; Спавший на одной рогоже, с какой готовностью воссел ты на постель; Тогда младенцы будут умирать на лоне матерей; Отрекшиеся от мира с великой готовностью поселяются на горах.

В тех случаях, когда позицию локализатора занимает существительное с невещественной семантикой, установление пространственного отношения становится условным и произвольным:

Крест первый опять явится на небе; Он на земле отвержен был всеми; А некоторые от многопития засыпают на месте;

– локализации типа ‘субъект соприкасается с поверхностью локума’:

Это дерево, на котором есть листья, но вовсе нет плода; Назнаменуем Животворящий Крест и на дверях своих, и на челе, и на персях, и на устах, и на всяком члене своем; ...принять печать зверя... и не

на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе; носящему на себе язву проказы [Т. 1: 170]; Изобразив черты свои на надгробии... [Т. 1: 165].

Часто в качестве субъекта в таких примерах выступают наименования предметов одежды:

Подосланный высмотреть город или страну носит на себе одеяние живущих там;

– локализации типа ‘некоторая часть субъекта проходит через верхнюю грань локума или части локума’:

За вас распят, вознесенный на древе; И диавол пользуется ими как приманкой на уде [Т. 1: 160].

Модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **над** N_{Loc}^{Loc} преимущественно применяется для репрезентации ситуаций, в которых субъект располагается выше верхней грани локума и на некоторой дистанции от нее:

Во время усердной молитвы возносился над землей; Солнце не раз и не два омрачалось над нами в полдень [Т. 1: 66].

В отдельных случаях структура может также передавать ситуации, в которых информация о наличии или отсутствии контакта нерелевантна:

Умрет и мать над своим детищем.

Помимо описанных примеров, в выборке встречается несколько однотипных контекстов вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **поверх** N_{Gen}^{Loc} . Во всех случаях в роли локума выступает водное пространство, по поверхности которого совершается ненаправленное движение:

Он – тростие, дрова, которые плавают поверх воды [Т. 2: 97];
Смотри, чтобы не плавать тебе поверх воды [Т. 2: 100].

Как и модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **на** N_{Loc}^{Loc} , структура предполагает ситуацию наличия контакта с поверхностью, однако дальнейшая детализация и дифференциация пространственного значения представляется затруднительной из-за недостатка материала.

1.3. Субэссивная модель

Предлог *под*, управляющий инструментальным падежом, является единственным средством выражения субэссивных отношений между субъектом и локумом в ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **под** N_{Instr}^{Loc} . Как и в соответствующих примерах из «Паренесиса», пространственная ситуация в таких контекстах подразумевает по преимуществу пребывание субъекта

под нижней гранью геометрически детализированного локума (во многих случаях соматизма):

И в мысли не удержишь, что внезапно может разверзнуться под тобой земля; Видит, что рогожка под ногами его горит; Буду иметь уже их у себя под рукой, как рабов [Т. 1: 150]; Иной вытирает и очищает мокроты у себя под носом [Т. 2: 342].

Однако в современном тексте мы находим отдельные случаи, когда модель передает пространственную ситуацию иной конфигурации, при которой положение субъекта определяется не относительно нижней грани, но какой-либо другой, функционально релевантной части локума:

Будь подобен человеку, который сидит под деревом [Т. 1: 223].

1.4. Антеэссивные модели

Группу антеэссивных конструкций объединяет общее типовое значение ‘субъект находится перед передней частью локума’, которое выражается двумя различными моделями – предложной и беспредложной.

В первой из них в качестве показателя пространственного отношения выступает предлог *перед* в сочетании с формой инструментального падежа существительного-локализатора:

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}}$ **перед** $N_{\text{Instr}}^{\text{Loc}}$: *И обрели милость перед лицом Его в оный день; и был бы как прах перед лицом ветра; Если у кого сын злодей, то по закону наказывают его перед глазами родителей; Все бесы, подобно Ангелам, вознесутся перед мучителем; Юноша, отскочив, встал перед блаженным; Потом увидит, что дела его – и добрые, и худые – стоят перед ним; Не стоят пред ними льстецы.*

В другой группе функцию определения типа пространственного отношения несет на себе не именная группа в позиции локализатора, а предикат – глагол с приставкой *пред-*, которая и заключает в себе антеэссивное значение:

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} N_{\text{Dat}}^{\text{Loc}}$: *Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, предстоя же Ему со страхом и трепетом; поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы, Представь, что кто-нибудь, предстоя царю и беседуя с ним, Посему вразумимся, возлюбленные, кому предстоим; Кому будут предстоять с услугами евнухи? [Т. 2: 70]; Как предстану престолу страшного Судии?; Вся тварь со страхом и с великим трепетом предстанет судилищу Божию.*

Как можно видеть из приведенных групп контекстов, в беспредложных конструкциях фигурируют предикаты *предстать* и *предстоять*, причем последний более частотен. В современном русском языке эти два глагола рассматриваются не как видовая пара, но как две лексемы различной семантики. Так, в словаре В. И. Даля глагол *предстать* / *представать* определяется как лексема бытийно-пространственной семантики ('стать, явиться') [Толковый словарь живого великорусского языка 1863–1866], в то время как лексема *предстоять* не включена ни как форма глагола *предстать*, ни как самостоятельный глагол. В словаре С. И. Ожегова видовая пара *предстать* / *представать* получает подобное толкование, конкретизированное и осложненное смыслами фазисности, – 'появиться, оказаться перед кем- / чем-нибудь' [Толковый словарь русского языка 1996: 580], но значение глагола *предстоять* 'о том, что может или должно осуществиться: быть в неопределенном или близком будущем' [Там же] не содержит в себе пространственного элемента.

Словарные материалы показывают, что использование глагола *предстоять* в качестве антеэссивного предиката ненормативно и представляет собой целенаправленное заимствование элемента церковнославянской языковой системы. Подчеркнем, что в тексте формы заимствованного глагола сосуществуют с омонимичными им формами лексемы *предстоять* в современном ее понимании:

Кто с безмерной скорбью не восплачет при мысли о предстоящем Суде? [Т. 2: 313].

Приведенные примеры, однако, не являются изолированными случаями возрождения архаичной сочетаемости глагола *предстоять* в современном русском языке – небольшое количество подобных контекстов зафиксированы в литературном и публицистическом подкорпусах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ; www.ruscorpora.ru):

В этом мраморном изваянии предстоял им обоготворенный человеческий образ, в котором сосредоточилось все высочайшее достоинство, все внушающее поклонение и любовь; одухотворенный человеческий образ, возвысивший человека до божества [В. П. Боткин. Стихотворения А. А. Фета (1856)]; *Однажды старцы сидели за трапезою, а авва Алоний предстоял им и прислуживал* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]; *Не их лики расположены перед зрителем – но человек, созерцающий эти иконы, предстоит им, находится перед*

ними [Андрей Убогий. Русский путь Чехова (2004) // «Наш современник», 2004.07.15].

В контекстах такого рода используется разрушение сочетаемостной нормы для того, чтобы сообщить высказыванию торжественный оттенок, передать возвышенный характер предмета речи. Архаизация, порождающая ассоциации с древними, богословскими текстами, становится, таким образом, стилистическим приемом, приметой особого функционального стиля.

Появление в тексте форм глагола *предстать* в беспредложных конструкциях с локализатором в дательном падеже является менее выразительной иллюстрацией того же стилистического принципа. Подобная сочетаемость также не соответствует современной норме, согласно которой данный предикат требует именной формы **перед** N_{Instr}^{Loc} , однако, как свидетельствуют данные НКРЯ, в большей степени поддерживается узусом. Репрезентации конструкции $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$ безусловно доминируют (2001 вхождение), однако репрезентации структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **перед** N_{Instr}^{Loc} также регулярно функционирует в текстах различной стилистической окраски:

Бог знает, что они разглядели в представшем им энергичном малом $\bar{I}$ возможно, кого-то я им напомнил [Леонид Зорин. Восходитель (2005-2006) // «Знамя», 2006]; *Третьим вошел он в рай Хозяина, и предстал ему рай ярмаркой в захолустном городке* [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Семеро праведных в раю господина (2004)]; *Он предстал Собору как подсудимый, и только когда он согласился анафематствовать Нестория (что он отказывался сделать в течение двадцати лет), отцы Собора сочли, что он отказался от своих ошибок, и он, как раскаявшийся, был принят в число отцов Собора* [Вселенский Собор (2003) // «Журнал Московской патриархии», 2003.12.29]; *Почти все центральные фигуры двух команд $\bar{I}$ спортсмены с многомиллионными контрактами $\bar{I}$ предстали зрителям в образе ковбоев* [Ужасная история, приключившаяся с одним американским цирюльником (2003) // «Лесное хозяйство», 2003.05.01].

1.5. Апудэссивные модели

Несмотря на немногочисленность апудэссивных конструкций в тексте, данный сегмент выборки включает в себя более широкий круг структур, чем все прочие. В общей сложности мы выделяем пять апудэссивных моделей:

$$\begin{array}{l}
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ у } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ при } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ близ } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ вблизи } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \\
N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в окрестностях } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}
\end{array}$$

Каждая из структур представлена небольшим количеством контекстов, что осложняет сопоставление частных семантических признаков моделей и выделение вариаций типового значения ‘субъект находится рядом с локумом’. Однако мы можем с определенностью выделить синонимичные модели $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ близ } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$ и $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ вблизи } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$, в которых эксплицируется малое расстояние между субъектом и локумом в противоположность остальным, в которых факт малой удаленности подразумевается, но не маркирован особо:

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ близ } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$: *Пойду, поселюсь близ братьев, уединенно безмолвствующих; Бог воспретил насаждать дубравы близ алтаря Своего* [Т. 1: 35].

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ вблизи } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$: *Он сказал ее имя и местопребывание в другом селении, вблизи села той, другой женщины* [Т. 1: 116].

По всей видимости, данные модели связывают отношения либо полной синонимии, либо формальной, но не семантической вариативности. В пользу последней версии говорит сходство в фонемном составе предлогов *близ* и *вблизи* и их принадлежность к одному словообразовательному гензду.

Определяющей чертой модели $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в окрестностях } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$ является ее специфическая атрибуция. Предлог *в окрестностях* употребляется в сочетании с локумами с определенным набором геометрических характеристик: крупными участками пространства с невыраженными, расплывчатыми границами. Чаще всего локализаторы в таких конструкциях – наименования населенных пунктов:

В окрестностях города находилось весьма большое селение; Инок посоветовал ему вступить в один из монастырей в окрестностях Едессы [Т. 1: 11].

Что касается структур типа $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ у } N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$ и $N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{ при } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$, в них апудэссивное значение находит свое выражение в наиболее чистом виде. Семантика ‘субъект находится рядом с

локумом' в них не дополняется имплицитной информацией о разновидности локума или специфике пространственного отношения:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} у N_{Gen}^{Loc}$: Или женщину, стоящую у кельи его; Но буду сидеть у твоей кельи; Тех останавливают стражи у врат.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **при** N_{Loc}^{Loc} : Но при том пламени, который некогда примет в себя грешников, нет водоема; Сие оружие будем, христиане, носить при себе во всяком месте; Не только сегодня, когда стоишь при дверях и спрашивают тебя, говорить: «Все буду терпеть»; Ни отец не хлопочет о нем, ни мать не сидит при нем и не утешает его.

В приведенных примерах отсутствует смысловая специфика, которая позволила бы дифференцировать типовые значения – в тексте «Творений» они предстают идентичным.

Отметим, что, в противоположность антеэссивной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$, модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **при** N_{Loc}^{Loc} присутствует в тексте исключительно в предложной вариации: заимствование такого рода оказывается окказиональным, а не систематическим. Подобная нерегулярность позволяет предположить, что привнесение в русскую языковую систему архаичной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$ поддерживается частотностью употребления структур, в которых глагол *предстать* антеэссивной семантики, сохраняя реликтовую сочетаемость, управляет формами дательного падежа без предлога. Напротив, среди глаголов положения в пространстве, в структуре которых содержится апудэссивная приставки *при-*, подобных случаев двойственной сочетаемости при сохранении пространственной семантики зафиксировано не было.

1.6. Интерэссивные модели

Интерэссивная семантика 'субъект располагается в пространстве, заключенном между элементами локума, представленного совокупностью нескольких объектов' передается двумя структурами:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посреди** N_{Instr}^{Loc}
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **между** N_{Instr}^{Loc}

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посреди** N_{Instr}^{Loc} : Дикие же звери, видя пророка посреди себя, с покорностью преклонились перед ним [Т. 1: 257]; Будьте строго внимательны к себе, зная, что Господь посреди вас [Т. 1: 205];

Обетованием Своим вселил Он силу Свою в приявших Его и соделал их источником жизни посреди смертных [Т. 2: 358].

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **между** N_{Instr}^{Loc} : *Между ними было окно; У них было в обычае при совершении клятв проходить между рассеченными трупами со светильниками в руках.*

В приведенных контекстах пространственные ситуации различаются только тем, относительно какого количества частей расчлененного локума определяется положение субъекта. Если локум представляется как двухчастный, ситуация репрезентируется моделью $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **между** N_{Instr}^{Loc} (напр., *Между ними *двумя было окно*); если же локум состоит из большего числа фрагментов, равно допустимым оказывается употребление любой из структур (ср.: *Дикие же звери, видя пророка посреди себя, с покорностью преклонились перед ним; У них было в обычае при совершении клятв проходить между рассеченными трупами*). Таким образом, основное различие между структурами заключается в их семантическом объеме: модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **между** N_{Instr}^{Loc} применяется для описания более широкого круга пространственных ситуаций.

1.7. Циркумэссивные модели

В выборке нами были отмечены две структурные разновидности циркумэссивных конструкций, которые различаются только предлогом при форме родительного падежа:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **вокруг** N_{Gen}^{Loc}
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **окрест** N_{Gen}^{Loc}

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **вокруг** N_{Gen}^{Loc} : *А горы и холмы, которые вокруг них, так же им приятны; Птицы во множестве летали вокруг рассеченных трупов [Т. 1: 35]; Пусть стены будут вокруг нас [Т. 1: 302]; Не привлекла ли бы его к себе, обвинившись вокруг его выи? [Т. 1: 372].*

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **окрест** N_{Gen}^{Loc} : *И все вельможи пошли впереди и вокруг Иосифа увидим бесчисленные воинства, со страхом стоящие окрест Престола; тысячи тысяч и тмы тем (множество) Ангелов будут окрест Его, и все окрест хвалят победителя [Т. 2: 50]; Окрест Его – великая буря, землетрясения и страхи, и молнии [Т. 2: 58]; Судия восседает на огненном Престоле, окрест Его море пламени [Т. 2: 246].*

В тексте эти модели встречаются с приблизительно одинаковой частотностью и, по всей видимости, обладают одним и тем же типовым значением – ‘субъект окружает локум со всех сторон’; при этом субъект может быть синкретичным или несинкретичным, статическим или динамическим, повторять форму локума с большей или меньшей точностью. Наборы референтных ситуаций в двух блоках разноструктурных примеров не обнаруживают систематических различий, что подводит нас к выводу о контекстуальной синонимичности предлогов. Об избыточности подобного употребления говорит и то, что предлог *окрест* на современном этапе развития литературного языка относится к пассивному словарю, являясь архаичной лексемой [Толковый словарь русского языка 1996: 448]. Использование его в тексте наравне с соответствующей лексемой активной части словарного состава *вокруг* является нетипичным: так, материалы НКРЯ содержат только 460 вхождений предлога *окрест* против 45 724 вхождений предлога *вокруг*.

Данный случай представляет собой другой пример сосуществования в тексте двух альтернативных моделей, передающих одно и то же пространственное значение, одна из которых калькирована из церковнославянской языковой системы и, как следствие, входит в конфликт с действующей литературной нормой или узусом.

В выборке не было обнаружено структуры, подобной церковнославянской $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Loc}^{Loc}$, выражающей соппространственность синкретичного субъекта и локума, которые обладают похожей геометрической формой. Подобные контексты передаются в тексте при помощи суперэссивной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ на N_{Loc}^{Loc} (*Представляй себе заключенных в темницах, которые... железо носят на вые (шее)*), что выводит на первый план факт соппространственности, оставляя в стороне циркумэссивную составляющую семантики конструкции.

2. Неизосемические реализации статических пространственных моделей

2.1. Неизосемические реализации статических пространственных моделей в ЭПП

2.1.1. ЭПП с семантикой социального отношения

Перенос семантики ЭПП в социальную сферу в конструкциях вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} y N_{Gen}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} c N_{Instr}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ при N_{Loc}^{Loc} происходит при заполнении обеих непредикатных позиций именами лексико-семантической группы 'лица' или 'сущности'.

При подобном употреблении модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} y N_{Gen}^{Loc}$ подразумевается, что базисное апудэссивное значение сопровождается дополнительной информацией о длительности и относительной стабильности местонахождения на территории, с которой лицо в позиции локума имеет определенную связь социального характера. В некоторых случаях значение конструкции среди прочих элементов формирует и глагол-предикат, в семантике которого содержатся указания на продолжительность локативной ситуации (напр., глагол *жить*):

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} y N_{Gen}^{Loc}$: *Раав, принявшая у себя соглядатаев, твердо уверовала в Бога отцов; И не в беспечности проводил жизнь, живя у чужеземцев* [Т. 1: 404].

Эта группа примеров обнаруживает смысловую близость с реализациями модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} c N_{Instr}^{Loc}$, за тем исключением, что в последней пространство, в котором локализуются оба участника ситуации, не маркировано как являющееся принадлежностью одного из них. Содержание социальной ситуации здесь может быть описано как 'два индивида в течение длительного времени находятся в относительной близости друг от друга, вследствие чего между ними устанавливаются социальные связи':

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} c N_{Instr}^{Loc}$: *Кто не в сообществе со злоречивыми, тот водворится с Ангелами; Не остается вместе с женщинами, и особенно нескромными; Не верим, что Бог жил с человеками как Человек* [Т. 1: 127].

$N_{Nom}^{Ag} N_4^{Obj} V_f^{Ex} c N_{Instr}^{Loc}$: *С ними положите меня* [Т. 1: 30].

Наконец, в типовой семантике модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ при N_{Loc}^{Loc} передается представление не только о существовании некоторого социального отношения, но и присущей ему иерархичности. Индивид,

выступающий в роли локума, относительно которого устанавливается фигуративное местоположение лица-субъекта в социальной сфере, осознается как главенствующий, более значимый с точки зрения общественного положения:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ при N_{Loc}^{Loc} : *Святой Паисий, созвав всех учеников своих, при нем находившихся, сказал...; Старец же имел при себе троих братьев; двое из них были слепые, третий – простец.*

Помимо наименования лица, позиция локализатора может также содержать существительное, обозначающее учреждение как локацию со всеми относящимися к ней лицами и предметами и присущими ей функциями. В таком случае конструкция обретает семантику профессиональной деятельности:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ при N_{Loc}^{Loc} : *Царь приказал отобрать отроков царского и княжеского рода, красивых видом и понятливых, для служения при царском дворе [Т. 1: 374].*

Как следует из примеров, семантика социального состояния репрезентируется, прежде всего, апудативными структурами, базовое значение которых расширяется, а также моделями, не имеющими пространственного компонента в своей прототипической семантике. Для прочих разновидностей инэссивных структур перенос в социальную сферу без осложнения семантики не характерен; так, неупотребительной оказывается распространенная в церковнославянском языке модель $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } (В) N_{Loc}^{Loc}$.

2.1.2. ЭПП с семантикой духовного состояния

В продолжение традиции христианского символического изображения гармоничного духовного состояния как взаимопроникновения человека и Бога текст современного перевода изобилует реализациями инэссивной модели, в которых позицию субъекта занимает лексема *Бог* или ее синонимичные замены, а позицию локализатора – именные и местоименные наименования лиц:

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$: *Потому что носит он в себе Бога; Чтобы возрадовать Духа Божия, живущего в нас; Да возрадуется о доблести твоей и живущий в тебе Дух Святой; Да не оскорбляй Духа Божия, живущего в нас; И уготовал из себя сосуд святой, чтобы вселился в нем призвавший его Бог; Побеждаешь и вводишь в заблуждение, потому что нет в них Бога.*

2.2. Неизосемические реализации статических пространственных моделей в неЭПП

2.2.1. НеЭПП с семантикой состояния

Осложнение плана содержания в неизосемических реализациях связано с появлением в одной из непредикатных позиций абстрактного имени с семантикой состояния; конкретные же схемы заполнения позиций определяются тем, какая из образных ассоциаций лежит в основе смысловой трансформации:

1. Метафорическая модель ‘человек представляет собой контейнер для происходящих с ним процессов’ – 32% от общего числа неЭПП данного типа.

Структурный тип: реализации инэссивной модели
 $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} B N_{Loc}^{Loc}$.

Субъект – наименование лица или его части.

Локализатор – наименование состояния, деятельности или результата деятельности.

Внутри данного блока контекстов мы выделяем ряд семантических подтипов, принадлежность к которым определяется тем, к какой лексико-семантической группе относится существительное-субъект.

а) Для конструкций со значением физиологического состояния референтной ситуацией, как правило, является акт артикуляции. В роли субъекта выступает продукт артикуляционной деятельности – наименование речевого произведения; в роли локализатора – органы артикуляции:

Да будет неотступно в устах ваших псалом; Восплачут земля и море, потому что в устах человеческих прекратится вдруг глас псалма и молитвы.

б) Конструкции с семантикой эмоционального состояния имеют в позиции субъекта наименование эмоциональных состояний, в позиции локализатора – личные местоимения и имена, входящие в лексико-семантическую группу ‘лица’. Конкретизация местоположения субъекта, отнесение ее к какому-либо аспекту личности в данной группе не частотны.

Блажен тот человек, который имеет в себе страх Божий; В ком нет любви Христовой, тот враг Христу; Троекратно блажен тот, в ком

есть терпение; Подлинно блажен и троекратно блажен человек, в котором есть кротость; В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовью; В таком человеке нет даже и доброго расположения; А в ком нет зависти и соперничества, того не печалит успех других; В злоречивом все есть, – и клеветничество, и ненависть, и наушничество; Но есть и такой смех, который возжигает в другом гнев; Ужели враг до того расхитил у нас помысел смиренномудрия, что так сильно восстают страсти в нас?; Да не гнездятся же в недрах твоих упрямство, губительность, зависть, гордыня и тому подобное; Она в египтянке возбуждала неистовую любовь к целомудренному Иосифу; Уничтожил он во мне воздержание немощами чрева моего; Так и памятозлобие в душе монаха.

в) В контекстах, реализующих семантику интеллектуального состояния, субъектом является существительное *помысел* – продукт мыслительной деятельности. Вместилищем для интеллектуальных процессов является душа или личность человека в общем:

Возбуждая в них бурю помыслов; Что доброе и отменное семя в земле хорошей и добротной, то благие помыслы в душе монаха; Что терния и волчцы в добром посеве, то лукавые и скверные помыслы в душе монаха.

г) Субъекты в структурах с семантикой духовного состояния наиболее разнообразны по форме выражения: они включают в себя производные имена, девербативы и деадъективы, а также словосочетания, описательно выражающие оценку внутренней жизни человека с точки зрения ее соответствия христианским канонам. Подобные процессы осмысляются как локализуемые в таких виртуальных отсеках человеческой личности, как *душа, сердце*:

И в ком есть один из этих пороков, в том оба они; Долго ли будем носить в себе похоти ветхого человека?; Ты ничего не собрал в себе, кроме пищи для червей; И станет осквернять души, не благоговение уже в себе показывая; Внезапно, подобно некоему свету, воссияла в сердце его благодать; О, чистота, расцветающая как роза среди души и тела и весь дом наполняющая благоуханием.

2. Метафорическая модель ‘состояние выступает в качестве вместилища для участников, которых оно затрагивает’ составляет 51% от общего числа реализаций неЭПП данного типа.

Структурный тип – реализации инэссивных моделей

$$\begin{array}{l} N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{B} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}} \\ N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{среди} N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}} \end{array}$$

Субъект – наименование лица.

Локализатор – наименование состояния или деятельности.

Различные семантические типы локализаторов обеспечивают смысловые вариации внутри модели.

а) В контекстах, реализующихся в физической сфере, можно выделить две смысловые разновидности:

– структуры с семантикой деятельности и соответствующим локализатором – девербативом от глагола, означающего активное действие, не предполагающее других участников ситуации или совокупность таких действий, составляющих определенный образ жизни (напр., *подвиг, нерадение*):

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{B} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$: *Чтобы не быть тебе в борении, удовлетвори однажды похоть; Будем трезвиться перед Господом в молитвах и милостынях; Итак, умоляю тебя, живи в безмолвии; И скрежещете зубами, жалея, что время покаяния утратили в нерадении; Ты же и это время, данное тебе на покаяние, прожил в грехах и удовольствиях; И преуспевал он в совершеннейшем житии своем; Провела же она с ним в подвиге двадцать лет; Наконец приходит Господь его и находит его в занятиях, Ему не угодных.*

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{среди} N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$: *И среди беспрестанной брани никогда не приходил он в робость;*

– существительные пропозиционной семантики, обозначающие события, происходящие с пассивным субъектом:

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \mathbf{B} N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$: *До трех лет пребывал Авраамий в тех великих скорбях и нуждах.*

$N_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} V_f^{\text{Ex}} \text{среди} N_{\text{Gen}}^{\text{Loc}}$: *Среди такого множества скорбей и бедствий, какие причиняли мы ему, не ушел он отсюда.*

б) Пропозитивные имена, обозначающие внутренние процессы человеческого организма, связанные с ними привычки или образ жизни, а также физические ощущения, формируют семантику физиологического состояния:

Он выказывает свою храбрость в многоядении и многопитии; Можешь скончать в мучении последние дни свои; Даже и во сне [дьявол] представляет предмет сердцу; А вы, грешные, плачете в муках; Тогда и мы в глубоких воздыханиях воззовем с горьким плачем; Которые все время

жизни своей иждивают в объедении, пьянстве...; Подвизались и ныне подвизаются в посте и девстве; Если постится или пребывает во бдении...

в) Контексты, выражающие идею социального состояния, имеют в своем составе локализаторы-деадъективы разнообразных типов – наименования социальных положений (*супружество*), имущественных состояний (*нужда*), социальных классов, учреждений (*общежитие*) и др.:

Не презирает брата в нужде; Столько-то лет я в монашеской жизни; Состарился ты в монашеском образе?; Живущим в супружестве приобретаешь ты почести; Живешь ли в общежитии?; Поскольку каждый в чине своем тщательно соблюдал Владычные заповеди.

г) Большое количество реализаций зафиксировано для конструкций со значением эмоционального состояния, в которых роли локума выступают названия положительных и отрицательных эмоций:

Долготерпеливый всегда в радости, в веселии, в восхищении; Он всегда бывает в мире; Вселяется в долготерпении; Всю жизнь проводит он в смятениях; Со всеми живет в тишине; Смиримся под державной рукой Господа, служа друг другу в страхе Божиим; Тяжело же и опасно оставаться в огорчении; Потому и мы, находясь в скорби, не будем малодушествовать; Подумай, каким ты был, когда пришел к вратам монастырским, горя духом в страхе Господнем; И рассеется в мысли твоей вождение наслаждения; И чтобы не постыдиться мне в чаянии своем...; Ибо в каком, думаете, страхе и трепете будет душа в тот час?; Соблюдая непорочность тела своего в любви Божией...; Ужели не помнишь, возлюбленный, в каком сокрушении был ты прежде?; Горе тем, которые губят время покаяния и обращения (к Богу) в рассеянности и смехе!; Никто да не остается в неверии; Он увидит, что весь мир в смятении; И скоро утвердится царство его, и во гневе поразит он трех великих царей; Множество монахов, вкупе украшенных любовью Христовою и утвержденных в ней...; И в веселии сердца своего прославлял Бога; Этот «мудрый» в своей злобе зверь сыскал змия.

д) Семантика интеллектуального состояния связана с абстрактными существительными, характеризующими способ мышления человека с точки зрения его соответствия принятым нормам:

Он проводит дни свои в сонном бреду; Видишь, возлюбленный, как праведные в смиренномудрии служили Господу?; Не сказать в неразумии...

е) Наконец, для структур, характеризующих духовное состояние личности, характерно появление абстрактных оценочных имен (истина,

добро, тьма и др.), символизирующих соблюдение присущих христианину обязанностей или небрежение ими:

Кто пребывает в истине, тот подлинно и Богу всегда благоугоден; Но злополучен и жалок тот, кто коснеет во всякой лжи; И кто не станет плакать о человеке, который проводит жизнь во лжи?; Он умеет низлагать языком своим и тех, которые твердо стоят в добре; И не знает, что во тьме ходит; Блажен, кто утвердился во всякой добродетели; А я хожу во тьме; Не оставайся в своем падении; Только не извращай Божиих словес, написанных в вере и истине; В чистоте соблюдая неуклонную веру Христову, соделаем шаткой силу мучителя.

3. Метафорическая модель ‘состояние как бессубъектная принадлежность определенной локации’ составляет 17% от общего числа релазий неЭПП этого типа.

Структурный тип: реализации инэссивной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$ и суперэссивной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ на } N_{Loc}^{Loc}$.

Субъект – девербатив (наименование состояния).

Локализатор – имя с вещественной семантикой или обозначение физического пространства.

Специфической чертой данного механизма метафоризации является частичное сохранение базового пространственного значения (событие разворачивается в локации, названной именем-локализатором); соответственно, выбор тип пространственного отношения не является фиксированным и определяется конфигурацией конкретной пространственной ситуации. Это обстоятельство объясняет большую структурную вариативность в данном блоке по сравнению с двумя описанными выше.

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$: *Ибо ропот в монастыре – великая язва; Опять же, в пустыне – и страх, и труд безмерные.*

$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ на } N_{Loc}^{Loc}$: *В то время, когда придет змий, не будет покоя на земле; Будет же великая скорбь, смятение, замешательство, смерти и глады во всех концах; Ибо будут... различные смерти на земле.*

2.2.2. НеЭПП с акциональной семантикой

Данная группа неЭПП значительно уступает по объему предыдущей: контексты с акциональной семантикой составляют лишь около 17% выборки. Все они являются реализациями инэссивной модели $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$, причем существительное с событийной семантикой,

осложняющее смысловую структуру конструкции, стабильно занимают позицию локализатора.

Для редукции акциональной структуры используются методы, основанные на номинализации:

– собственно номинализация:

Воспитывал ли он их в наказании и учении Господни;

– номинализация в сочетании со словосложением. Данный метод используется в тех случаях, когда объект воздействия не совпадает ни с субъектом, ни с локумом бытийно-пространственной конструкции, и в некоторых случаях приводит к возникновению окказионализмов:

С ним проводила она время во бдении и псалмопении.

В отличие от церковнославянских материалов, в тексте на современном русском языке не было отмечено случаев свертывания акциональной конструкции до имени несобытийной семантики, выступающего в исходной структуре роли объекта.

3. Изосемические реализации моделей движения и каузированного движения

3.1. Модели адлокативного типа

3.1.1. Иллативные модели

Основным инструментом выражения типовой семантики ‘субъект движется во внутренние пределы локума’ является предлог *в*, управляющий формой винительного падежа имени.

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: *Возвращается он в келью свою; Не входил ли ты когда в баню; Как утес, выдавшийся в море; Как они бросаются в воду; И отбыл в дальнюю сторону; Брат еще удерживается и не ходит в город; На что нам, монах, ходить в селения?; Тот из дома вышел, но в город не взошел; С великой поспешностью побегут в пустыни; Каждый день приходили они в церковь; Тайно удалился в другое место; Одна власяница, в которую облекся он, постоянно служила ему; И вошли они в опочивальню.*

Модель каузированного движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: *И князь века сего отошлет его в тюрьму; Поэтому с весельем примут тебя в вечные кровы; И некому будет похоронить и положить их в гроб; Долготерпелив Он и всех нас влечет в Царство Свое; А вы, грешники,*

отданы в геенну огненную; Корабль господина своего завел в пучину и погубил; Что будешь делать, когда все тело, вместе с душой, ввергнуто будет в геенну огненную?; А я по недеятельности своей скрыл сребренники в землю; И не была ты предана в руки врагов своих; Но предал Учителя и Господа славы в руки беззаконных; Или забиты в колоду.

Однако тенденция к формально-смысловой дифференциации в структурах типа ИН- прослеживается и в данной группе на примере немногочисленных контекстов, в которых позицию локализатора занимает имя в предложной форме родительного падежа:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **в** N_{Gen}^{D-F} : *Иди в глубь пустыни.*

В подобных конструкциях прототипическая семантика конкретизируется: так, в приведенном контексте иллативное значение осложняется указанием на продвижение субъекта от границы локума к его центру.

3.1.2. Суперлативные модели

Данную группу составляют реализации лишь одной модели – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **на** N_{Acc}^{D-F} и производной от нее модели перемещения. Эти структуры репрезентируют пространственные ситуации типа ‘субъект движется к поверхности локума’, включая их частную разновидность – ситуации типа ‘субъект движется к верхней грани локума’.

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **на** N_{Acc}^{D-F} : *Вдруг упадет на землю; И, сев на коня, отправился в путь; Бог кающихся, пришел на землю ради злостраждущих; Юный по своей воле восходит на небо; Тогда богатство его тотчас восходит на небеса; И все, живущие на востоке земли, от великого страха бегут на запад; Но он воротился и пришел на свое место.*

Модель каузированного движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **на** N_{Acc}^{D-F} : *Иногда и руки налагают один на другого; Прежде, нежели отданы мы на место мучений; И не пускай свиней своих на возделанное трудами твоими поле; Крест водружен был на лобном месте; И потому кладет свою печать на правую руку человеку; И посыплют землю и пепел на главы свои; Приняв на себя, вместо Животворящего Спасителя Креста начертание скверного и богоборного...; Надев на себя воинскую одежду и на голову высокий клобук...; Они накидывают веревки на келью.*

3.1.3.Сублативные модели

Аналогичным образом структура $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ под N_{Acc}^{D-F} является универсальным средством выражения сублативных значений ‘субъект движется к нижней грани локума’ и ‘субъект движется под нижнюю грань локума’, не разграничивающихся на уровне означающего:

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ под N_{Acc}^{D-F} : *Если кого опалят лучи солнечные, бежит он под тень.*

Модель каузированного движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ под N_{Acc}^{D-F} : *Кто все покорил под ноги его?*

Смещение форм инструментального и винительного падежей среди имен в позиции локума, которое мы отмечали в тексте церковнославянского памятника, в данной группе не наблюдается – винительный падеж, маркирующий адклокативную семантику, полностью вытесняют инструментальный, которого предлог *под* требует при себе в статических конструкциях.

3.1.4. Антелативные модели

Напротив, в структурах с антелативной семантикой, которая передается по преимуществу формой инструментального падежа в сочетании с предлогом *перед* или его фонетическим вариантом *пред*, смещение вариативных форм частично сохраняется. Конструкции с локализатором в форме инструментального падежа преобладают в соответствии со сложившимся на современном этапе развития языка узусом:

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ перед N_{Acc}^{D-F} : *С дерзновением предстанут тогда перед Судией; Всякая душа предстанет [перед престолом] со страхом; И не останется ни одной пылинки, которая бы не явилась пред Судией; Всякий с трепетом предстанет тогда пред Ним.*

Модель каузированного движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ пред N_{Instr}^{D-F} : *Положи слезы мои пред Тобою [Т. 1: 81]; Приходят Ангелы взять душу от тела и представить ее пред страшным престолом [Т. 2: 185].*

Однако параллельно с ними для передачи антеэссивного пространственного значения в тексте также употребляются структуры типа $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ пред N_{Acc}^{D-F} :

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **пред** N_{Acc}^{D-F} :
Мучитель со всеми демонами, связанный Ангелами, а также и все, принявшие печать его, все нечестивые и грешники связанные будут приведены пред судилище.

Как показывают данные НКРЯ, последние вышли из употребления к середине XX в., но встречаются в текстах, созданных ранее:

У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и молю господа Бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти» [Н. М. Карамзин. Бедная Лиза (1792)]; *Сейчас представлю её перед суд, как нарушительницу гражданского спокойствия* [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]; *Похоронили тело, и жалел народ своего правителя, который сначала гордым был, а после кротким стал. Ангел же явился перед лицо господа* [Вс. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее (1886)]; – *Это сказал я! – произнёс солдат Иван, выступая перед самое лицо короля* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)].

Соответственно, в данном случае мы наблюдаем еще одно проявление стилистического принципа, согласно которому взаимозаменяемые нормативная и архаичная формы сочетаются в пределах текста.

3.1.5. Апудлативные модели

Апудлативные конструкции в тексте единообразны: значение движения в направлении одушевленного или неодушевленного локума, геометрические характеристики которого оказываются нерелевантными из-за малой детализованности пространственной ситуации, находит выражение в форме датива имени-локализатора с предлогом *к*.

Модель собственно движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} к N_{Dat}^{D-F}$: *Каким ты был, когда пришел к вратам монастырским; И, придя к двери братней...; Со тщианием приближаясь к его честному и святому телу; Пришли вы к человеку; Насыщенные пришли к истаивающему от голода; Не пришли ко Мне, когда был Я в темнице; Все же поверившие лютую зверю и принявшие на себя печать его, злочестивое начертание оскверненного, приступят к нему вдруг; И, не медля, пошли к епископу; Он весьма тщательно хаживал к блаженному; Подойди ко мне ближе, госпожа моя Мария; Но к тебе припадаю.*

Модель каузивированного движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \kappa N_{Dat}^{D-F}$: *И с поспешностью послал в город к искреннему другу своему; Знакомые ее, взяв ее, привели к дяде ее; Кладет голову свою к ногам блаженного; К одержимому какой бы то ни было болезнью приближал взятое им; Ибо каждый понесет свои дела и слова к Престолу правосудного Судии; От стыда не могу обратить к тебе лица своего.*

В противоположность соответствующим церковнославянским структурам, модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \kappa N_{Dat}^{D-F}$ и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \kappa N_{Dat}^{D-F}$ не функционируют в тексте в беспредложном варианте.

3.1.6. Циркумлативные модели

Как и в церковнославянском тексте, циркумлативное значение реализуется прежде всего морфологическим показателем пространственной ориентации – приставкой *о-* / *об-*, входящей в словообразовательную структуру глагола-предиката. Существительное в позиции локализатора при этом принимает форму винительного беспредложного падежа.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{В} N_{Acc}^{D-F}$: *Иначе окружит тебя множество диких зверей и волнение вод многих; Подобно диким зверям, окружит совершивших путь жизни.*

3.2. Делокативные модели

Делокативные модели подразделяются на три семантических подтипа – инаблативные, супераблативные и апудаблативные, каждая из которых обладает своей уникальной системой показателей. В этом заключается их существенное отличие от церковнославянской системы делокативных моделей, в которой помимо структур, предающих специфические пространственные значения, имелась также синкретичная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{из} N_{Gen}^{D-S}$, передающая делокативную семантику в целом, вне зависимости от конкретной ее разновидности.

3.2.1. Инаблативные модели

В группе инаблативных конструкций показателем специфического пространственного значения ‘субъект движется из пределов локума

наружу' является форма генетива локализатора и сопутствующий ей предлог *из*.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ из } N_{Gen}^{D-S}$: *Прежде всего и не выходя еще из кельи своей...; Тот из дома вышел, но в город не вошел; Если случится им в таком состоянии переселиться из тела; И каждый пойдет в преселение, из которого нет возврата > из которого не сможет вернуться; И, совершив молитву, вышел из церкви; не выйдет ли из окна огонь; Как серна из тенет, вышел он из тленного сего чертога; змий этот выходит из места своего.*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ из } N_{Gen}^{D-S}$: *Да еще была у него чашка, из которой вкушал пищу; Епископ, выведя его из кельи, взял с собой в город; И бичами выгнали его из селения; Исхитила ее из пасти змия; Поправ змия, исхитил из зубов его вождеденную свою голубицу.*

3.2.2. Супераблативные модели

Супераблативная семантика 'субъект разрывает контакт с поверхностью локума' находит выражение в локализаторе – именной форме генетива с предлогом *с*.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ с } N_{Gen}^{D-S}$: *Тогда Царь царствующих, восстав с Престола славы Своей, сойдет посетить всех обитателей вселенной; И не боишься, что может сойти с неба огонь и пожрать тебя; Придет, наконец, Господь, подобно молнии, блещущей с неба; Любовь Божия есть бессмертный огонь, который поджигается с земли.*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ с } N_{Gen}^{D-S}$: *К чему такая утрата – совлечь с себя одежду славы; Дай, господин, сниму с тебя обувь.*

3.2.3. Апудаблативные модели

Данная группа ЭПП состоит из реализаций двух моделей. Семантический объем первой из них ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ от } N_{Gen}^{D-S}$), как упоминалось выше, сужается в сравнении с соответствующей церковнославянской моделью: в тексте современного перевода структура предназначена для трансляции пространственных значений апудэссивного типа ('субъект движется в направлении от локума'):

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ от } N_{Gen}^{D-S}$: *Итак, несомненно знай, монах, что не отойду от тебя; У кого есть добрые дела и добрые плоды, те отделятся от бесплодных и грешных; Потому удалитесь от Меня, делатели*

неправды; Увидит смешение народов, которые от концов земли придут увидеть мучителя; Дерзновенно отторглись от земного.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **от** N_{Gen}^{D-S} : *Не по злобе или не по человеконенавистничеству гонишь от себя женщину; Обесчестив меня, отсылаешь от себя?; Кто, взяв персть от земли, создал человека?; И Господь отвратит от тебя восстающих на тебя; И отгони от нас ядоносных зверей.*

Другая, несколько менее распространенная в тексте модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-S}$ выстраивается вокруг глагола *оставить*, сочетаемость которого предписывает употребление в позиции локализатора имени в форме винительного падежа, нетипичного для делокативных конструкций:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-S}$: *И ради этого хочешь оставить обитель?; Иной оставил отца и мать, другой – жену, детей, друзей, имение; Ему-то последуя, оставил он город; Оставил он ложе и вышел из дома; По зову подобного ему раба, оставляет царя; Знал я одного, двух и трех братьев, которые оставили обитель.*

3.3. Модели транслокативного типа

Небольшой по объему блок транслокативных конструкций представлен единичными реализациями многочисленных моделей, из чего мы можем заключить, что и в системе современного русского языка сохраняется широкий спектр средств выражения различных смысловых оттенков транслокативного значения. Однако недостаточность материала препятствует составлению полной, детальной характеристики и классификации системы моделей данного блока.

Опираясь на данные выборки, мы можем лишь выделить три подгруппы моделей, опираясь на то, какие способы реализации локализации включены в базовое транслокативное значение:

1. Собственно транслокативные модели:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Trns}$
 $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{Trns}$
 $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **через** N_{Acc}^{Trns}

Способы реализации локализации у них невычленимы или варьируют в зависимости от ближайшего контекста, конкретизирующего пространственную ситуацию:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Trns}$: *Переходишь реку; Плаваем по морю, переходим реки.*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{Trns}$: *Так что проходящие тем местом...*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **через** N_{Acc}^{Trns} : *Ужели не помышляешь о том огне, через который будем проходить?; И не оставляй скважины в ограде, чтобы враг, войдя через нее, не разграбил дом твой [Т.1: 86]; Меня она выпустила уже через окно [Т. 1: 116].*

2. Транслокативные модели типа ИН-: базовая семантика в них дополняется информацией о том, что субъект в процессе движения прошел внутреннюю часть локума. Данная группа представлена двумя моделями: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **сквозь** N_{Acc}^{Trns} и омонимичной иллативной структуре модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **в** N_{Acc}^{Trns} .

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **сквозь** N_{Acc}^{Trns} : *Молитва сия... прошла сквозь бездну.*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **в** N_{Acc}^{Trns} : *Загородив дверь, заключился в келье, оставив одно небольшое окно, в которое принимал пищу; Между ними было окно, в которое учил ее Псалтири и прочим Писаниям.*

3. Модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **по** N_{Dat}^{Trns} , относящаяся к типу СУПЕР- и описывающая ситуации, в которых движение происходит по поверхности локума-трассы:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **по** N_{Dat}^{Trns} : *Мокрота и слюна текли у него по бороде; Мореходцы в странствиях по морям разве не бедствуют?; Будет летать по воздуху.*

4. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения

4.1. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения в ЭПП

4.1.1. ЭПП с семантикой физиологического процесса

Как и в исходном тексте, в рассматриваемом переводе регулярно встречаются конструкции, в которых процесс рождения описывается при помощи апудаблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **от** N_{Gen}^{D-S} . В таких контекстах обе позиции заполняются одушевленными именами, в качестве предиката всегда используется глагол *родиться* и на первый план выходит отделительный аспект движения в направлении от локума:

Поскольку Спаситель, вознамерившись спасти род человеческий, родился от Девы...; От оскверненной девы рождается орудие дьявола.

4.1.2. ЭПП с семантикой психического восприятия

Метафорические механизмы, лежащие в основе данной трансформации прототипического значения, базируются на первичном опыте взаимодействия человека с миром и, следовательно, отличаются устойчивостью. Как показывают материалы сборника, на современном этапе развития языка семантика слухового и зрительного восприятия также кодируется различными моделями движения, сохраняя противопоставление по степени целенаправленности или произвольности получения впечатлений из окружающей действительности.

Так, значение зрительного восприятия передается суперлативными конструкциями вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} с глаголом-предикатом из лексико-семантической группы 'глаголы зрительного восприятия' (*смотреть, взирать* и т. д.), локализатором – вещественным объектом и лицом в позиции субъекта-агенса, осознанно осуществляющего виртуальное зрительное движение к поверхности локума:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} : *Не устремлять взор или не смотреть внимательно на все приятное и на что-либо неприличное; Не любит смотреть на женские лица; на Бога Вседержителя, на Которого не смеют взирать Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы...; Или мог ли кто когда достаточно насмотреться на почтенное и ангелоподобное лицо его?; Каждый день приходили они в церковь не молиться, но смотреть на красоту здания и на украшения в нем; Не смею более взирать на небо; Слышал я, друг, что есть у тебя прекрасная девица, с удовольствием бы посмотрел на нее; Не смотрел, как делают обыкновенно многие, на лицо человеческое.*

Большая часть контекстов представляет процесс формирования зрительных образов как ситуацию собственно движения, не осложненного дополнительными участниками. Однако в отдельных случаях пропозиция может находить выражение и в структурах каузированного движения – тогда лицо сохраняет за собой позицию активного субъекта, в роли же движимого объекта выступают его органы чувств или, в результате метонимизации, обособленная способность к восприятию:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **на** N_{Acc}^{D-F} : *Возведя же очи свои на небо, сказал...; Не могу более обращать взоров на это окно.*

Напротив, конструкции с семантикой слухового восприятия имеют вид иллативной структуры – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **в** N_{Acc}^{D-F} , причем в роли локума-емкости, в которую попадает субъект движения – слуховое впечатление, предстает часть человеческого организма или часть его личной сферы, пространство, на который распространяются его слуховые возможности. Ситуация слушания, таким образом, представляется как нечто не инициирующееся воспринимающим субъектом и не подлежащее его контролю:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **в** N_{Acc}^{D-F} : *Уши свои запечатлеваю крестным знаменем, чтобы яд слов твоих не вливался более в слух мой [Т. 1: 169]; Для того, чтобы горькая речь не западала в чистый слух [Т. 1: 355].*

Как и в случае с пропозициями зрительного восприятия, при условии расщепления воспринимающего субъекта данное значение может реализоваться также и в суперлативной модели каузированного движения:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **в** N_{Acc}^{D-F} : *Тогда недро слуха твоего приемлет в себя смерть, которую износит он своими устами [Т. 1: 355].*

В тех случаях, когда контекст порождает необходимость определить акт слухового восприятия как умышленное действие, связанное с волеизъявлением субъекта, в тексте используется также модель каузированного движения, но апудлативного типа – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **к** N_{Dat}^{D-F} , в которой субъект и объект аналогичным образом состоят в отношениях целого и части:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **к** N_{Dat}^{D-F} : *Приклоните ко мне слух, и внимайте теперь; Приклоните ко мне слух, братья возлюбленные, поведаю вам прекраснейшую повесть; Итак, преклони ухо свое, возлюбленный; Рассказывает о ком-либо вор, и ты преклоняешь к нему ухо свое.*

В подобных контекстах желание субъекта слышать и воспринимать речь передается посредством образа физического приближения к его источнику – действия, которое предполагает активное участие формального субъекта и тем самым маркирует его как инициатора события.

При дальнейшей метафоризации ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **к** N_{Dat}^{D-F} в позиции локализатора появляются пропозитивные имена – наименования речевых произведений, и семантика слушания осложняется, а в некоторых случаях и подменяется модусными смыслами благоприятного отношения, заинтересованности:

Склоняем слух свой к нелепой молве и блудным песням, не причиняем ли себе вреда? [Т. 2: 56]; Приклони ухо Твое к молению моему [Т. 2: 210].

4.1.3. ЭПП с семантикой духовного состояния

Если в статическом блоке идея оптимального душевного состояния передается через образ единения, вхождения в пределы, в данной группе реализуется другой метафорический механизм. Динамика внутренней жизни человека определяется как положительная или отрицательная в терминах его удаленности от Бога и дьявола; как следствие, практически все конструкции с семантикой изменения духовного состояния являются реализациями апудлативной и апудаблативной моделей $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ к N_{Dat}^{D-F} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ от N_{Gen}^{D-S} соответственно.

Активным, движущимся участником ситуации, как правило, предстает человек, что подчеркивает его ключевую роль в ситуации, в то время как наименование сущности выступает в роли неподвижного локума:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ от N_{Gen}^{D-S} : *Или какое место примет тебя, когда побежишь от лица Господа.*

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ к N_{Dat}^{D-F} : *Припадем к Нему всем помышлением, прося терпения у благости Его; Если приступишь к нему, не пощадит и погубит тебя; Оставь лукавого, прилепись к Человеколюбцу Богу; Если прогневаем Господа, – к кому прибегнем во время скорби и нужды?; Потому прошу тебя, брат, воспрянь к Господу; Приступи, наконец, к человеколюбивому и непамятозлобивому Богу; Ныне припадаю к Тебе, умоляя.*

Реже и только в апудаблативных структурах позицию субъекта может занимать наименование сущности:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ от N_{Gen}^{D-S} : *Не отвергай благодати Покровителя своего, чтобы не удалился Он от тебя; и Не отступи от меня, чтобы не погибнуть мне!*

Иллативные конструкции, напротив, составляют незначительную долю в данном блоке примеров. Во многом это связано с развитием вариативной сочетаемости у глагола *вселиться*, который преимущественно употребляется в тексте в статических структурах. В зафиксированных ЭПП – реализациях модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ в N_{Acc}^{D-F} – функцию локализатора выполняет форма *в руки* с зависимой формой. Таким образом, использование иллативной структуры скорее связано с применением конкретной структурной метафоры, чем механизма, описанного ранее:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} B N_{Acc}^{D-F}$: Таким образом передается он в руки искусителя; Другой же, по Божью поущению, передается в руки врага.

4.2. Неизосемические реализации моделей собственно движения и каузированного движения в неЭПП

4.2.1. НеЭПП с семантикой состояния

В основе семантической трансформации конструкций данного типа лежат следующие типы метафорических механизмов:

1) Активный участник условной ситуации – лицо, пассивный – его состояние.

а) Метафорическая модель ‘удаленность означает непричастность’.

Структурный тип: реализации апудаблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} OT N_{Gen}^{D-S}$ в ее предложном и беспредложном вариантах и аблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} K N_{Dat}^{D-F}$.

Субъект / движущийся объект – наименование лица.

Локализатор – наименование состояния или деятельности.

Типовая семантика конструкций: базовая семантика ‘состояние субъекта меняется’ осложняется дополнительными модусными оттенками, как например: ‘субъект стремится к изменению состояния’, ‘субъект становится более или менее склонен к изменению состояния’ и др.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} OT N_{Gen}^{D-S}$: Как можно дальше бегите от зависти; отвращается от плотского вождения; Итак, восстань, препояшься и не падай от помыслов; чистота, ненавистница дорогих яств, бегающая пьянства!; Беги от него прочь, возлюбленный брат, чтобы не положило оно на тебя уз своих; Истинное же покаяние состоит в том, чтобы удалиться от греха.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} OT N_{Gen}^{D-S}$: Совершенно удалил ум свой от мысли о Божией помощи и ожидания святых; Ужели сатана воздвигает гонение на Святую Церковь и многих отвратит от веры; Потому будем бегать всякого злого вождения, возлюбленные братья, отгоним оное от сердца своего.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$: Бегают злостраданий; Поэтому, братия, слыша, каковы плоды воздержания, и какова жатва невоздержания, будем бегать последней; Но знаю, что, если победишь, не избегну печали; А трудов, за которые и почесть, бегаем; И ты бежал сего, но опять тому же хочешь работать?; о том заботься, как бы возмочь тебе избежать

гнева; Итак, постараемся, возлюбленные братья, избежать мучений; Постараемся избежать того стыда и наказания вечного; Потому будем бегать всякого злого вождения; Бегай вольности и смеха, ибо это неприлично душе твоей; То есть соблюдай заповедь, – но бегай греха, как уст змеиных.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ к } N_{Dat}^{D-F}$: И прилипимся к воздержанию; Чтобы нам не бедствовать, прилепившись к зломудренному помыслу; О, чистота, отвращающая лукавства и прилепленная к добру!; Долго ли возвращаться тебе к тем же злым делам?

Круг предикатов в блоке конструкций с прототипической семантикой собственно движения крайне узок, что говорит о высокой степени фразеологизации конструкций. На это же указывает и реликтовый беспредложный тип управления у глаголов *бегать* и *избегать*, который мы не встречаем в изосемических реализациях моделей. В особенности это относится к конструкциям с глаголом-предикатом *избегать*, который не употребляется в апудлативных структурах предложного типа, канонического для современного русского языка, и не вызывает пространственного образа при метафорическом употреблении.

В тексте также отмечены отдельные случаи реализации данной метафорической модели в структурах типа $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$, содержащих в качестве предиката глагол *склониться*:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$: Не склоняться на помысел обольстительный и воспламеняющий; Склоняется на нечистые помыслы.

б) Метафорическая модель ‘состояние выступает в качестве вместилища для участников, которых оно затрагивает’.

Структурный тип – реализации иллативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$ и инаблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ из } N_{Gen}^{D-S}$.

Субъект / движущийся объект – наименование лица.

Локализатор – наименование состояния или деятельности.

Типовая семантика конструкций – ‘состояние субъекта изменяется’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ из } N_{Gen}^{D-S}$: На что тебе этот укор – называться бежавшим из монашества; И непамятование об исшествии из этой жизни...

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ в } N_{Acc}^{D-F}$: Блажен человек, который нелегко приходит в гнев, или в раздражение; в скорбях впадает в беспечность; Поспешите войти во светлость этой добродетели; от оскорблений не приходит в воспламенение; Поэтому истинно блажен тот, кто не впал в эти пороки; не должно, братья, тому дивиться и приходить оттого в изумление; Не

досаду на это и не приходи в движение умом; Какой воин, увидев, что товарищ его взят в плен противниками, не вступает в борьбу; пока только слушаем, то приходим в сокрушение; Итак, войди в себя, возлюбленный, и возвратись в покой твой; Но восстань только и не вдавайся в погибель до конца; вникай, как вел ты себя в прошедшее время, с тех пор, как вступил в монашескую жизнь; Кто помышляет о дне Суда и не приходит в трепет?; Если же в болезнь кто впадет...; Если и впал в какое прегрешение, не оставайся в своем падении; Она винит Благого Бога, Который хочет, чтобы всякий человек спасся и пришел в познание истины; Все ли же пойдут в одну муку или мучения различны?; Горе тем, которые сквернят святую веру ересями и входят в согласие с еретиками!; Никто из вас да не приходит в страх, потому что он скоро будет приведен в бездействие; Чтобы, преуспев, не впасть кому в самонадеянность...; А пришла ночь – погружаюсь в сон.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} B N_{Acc}^{D-F}$: Гнушается плотоугодием, как чем-то, погружающим в тень; Дети людей сильных отведены в плен, проданы в рабство; О, чистота, узда для очей, все тело из тьмы приводящая в свет!; Приводится в бездействие демон блуда; А богатый [будет] – ввергнут в мучение; Но не только самих себя ввергли в пучину зол, а увлекли с собой и других; Они, закрыв ей глаза, вторгаются в страсти бесчестия; Ненавистник добра, демон, влагает в него помысел уныния; На что тебе эта смерть – увидеть себя ввергнутым во тьму кромешную; Старается весь род человеческий вринуть в пучину нечестия; Не мог прогнать его или ввергнуть в нерадение; Если сильнее обыкновенного блеснет молния, то всякого человека приводит она в ужас; Дьявол не мог привести в робость ум его.

Напротив, данный метафорический механизм представляется живым и продуктивным – об этом говорит и их высокая частность, и построение структур в соответствии с языковой нормой, и разнообразие глаголов-предикатов, некоторые из которых осложняют пространственную метафору дополнительным элементом образности (так глагол-предикат *погружать* вызывает представление о состоянии как однородной субстанции).

в) Метафорическая модель ‘трасса движения подразумевает образ действия’.

Структурный тип – реализации транслокативной модели
 $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{Trns}$.

Субъект – наименование лица.

Локализатор – наименование состояния или деятельности.

Типовая семантика конструкций – ‘состояние субъекта остается неизменным в динамике’.

Водясь смиренномудрием (смирением), требует слова на пользу у меня; Тот не ходит лестью; и водится только добродетелью.

Единичные случаи репрезентации данного механизма переноса в тексте, по-видимому, унаследованы из оригинала в качестве окказиональных метафор. В современном русском языке, несмотря на то, что одним из производных значений инструментального падежа является образ действия (напр., *Уже ничего товарищеского – смотрят волками и дергают резко* [Сергей Таранов. Мстители (1999)]), подобные структуры не входят в корпус узуальных пространственных метафор.

2) Активный участник ситуации условного движения – состояние, пассивный – лицо.

а) Метафорическая модель ‘удаленность означает непричастность’.

Структурный тип – реализации апудаблативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} от N_{Gen}^{D-S}$.

Субъект / движущийся объект – наименование состояния или деятельности.

Локализатор – наименование лица.

Типовая семантика конструкций – ‘внутреннее состояние субъекта изменяется’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: *Прогоняя от себя духа раздражительности и гневливости.*

б) Метафорическая модель ‘контакт с поверхностью равнозначен установлению отношению’.

Структурный тип – реализации супераблативной и суперлативной моделей.

Субъект / движущийся объект – наименование состояния или деятельности.

Локализатор – наименование лица.

Типовая семантика конструкций – ‘внутреннее состояние субъекта изменяется’, инкорпорированы припропозитивные значения фазисности и, во многих случаях, интенсивности.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} на N_{Acc}^{D-F}$: *Насколько же неискусен буду, когда придет на меня большее искушение?; тогда на всякого человека, братья, придут теснота и страх, и исступление от вопля и звука трубы; Увидит ту*

неизреченную скорбь, отовсюду приходящую на всякую душу; А с наступлением утра находит на меня лень.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **на** N_{Acc}^{D-F} : Что бы ты ни делал, если враг во время дела наводит на тебя уныние...; Наводит тем боязнь на сражающихся подле него.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **с** N_{Gen}^{D-S} : Ибо многие, свергнув с себя зломудрие в самом начале и не приобщившись его нравам, почтены были от варваров.

Данная метафорическая модель получает в современном тексте более широкое распространение по сравнению с церковнославянским памятником. Помимо припропозитивного смысла фазисности, ее отличительной чертой, прослеживающейся во всех без исключения реализациях, являются негативные коннотации, связанные с ситуацией: в роли субъекта или движущегося объекта выступают только наименования нежелательных, отрицательно оцениваемых духовных и эмоциональных состояний. Это обстоятельство не позволяет рассматривать приведенные примеры как аналогичные с точки зрения смыслового наполнения описанным в предыдущей главе конструкциям вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **на** N_{Acc}^{D-F} , в которых суперлативные структуры используются, в частности, для создания образа соединения небесного и земного. Возможно, данный метафорический механизм в большей степени органически связан с неупотребительной в тексте «Творений» церковнославянской моделью 'направленность на поверхность означает враждебные намерения', изначально реализовывавшейся в ЭПП.

в) Метафорическая модель 'человек являетсяместищем для происходящих с ним процессов'.

Структурный тип – реализации иллативных моделей.

Субъект / движущийся объект – наименование состояния или деятельности.

Локализатор – наименование лица или его части.

Типовая семантика конструкций – 'внутреннее состояние субъекта изменяется'.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **в** N_{Acc}^{D-F} : Оба испросим щедрость у Господа, чтобы послал Он благодать Свою в сердца наши; А в сердца человеческие вложит боязнь, малодушие и страшное неверие.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj}$ **внутри** N_{Gen}^{D-F} : Введи внутри себя страх Божий.

г) Метафорическая модель 'пребывание в окружении со всех сторон равнозначно высокой степени вовлеченности'.

Структурный тип – реализации циркумлативной модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$.

Субъект – наименование состояния или деятельности.

Локализатор: наименование лица или его части.

Типовая семантика конструкций – ‘внутреннее состояние субъекта изменяется’, инкорпорирован припропозитивный смысл ‘интенсивность’.

Ужас объял родителей его и родных после того; [Кого-то] обыдет порочность этой жизни.

Выводы

Приведенные нами материалы иллюстрируют специфику функционирования языка церковнославянских памятников в диахронном аспекте. Проведенный анализ показывает, что, в противоположность однородному языку «Паренесиса», в тексте «Творений» Ефрема Сирина последовательно и органично смешиваются черты языковых систем двух различных периодов.

С одной стороны, представленные в нем реализации моделей бытийно-пространственного блока отражают процессы модернизации языка: многочисленные изменения прослеживаются как в отдельных элементах системы (появление новых ТСС, развитие вторичных значений у моделей), так и на более фундаментальном уровне (исчезновение вариативности, унификация форм), затрагивая в том числе и неизосемические конструкции (фразеологизация отдельных метафорических моделей). Вместе с тем в тексте сборника прослеживается явное влияние церковнославянской языковой системы, которое проявляется в сохранении ряда ее элементов, избыточных и ненормативных для современного русского языка – архаичных структур, непродуктивных метафорических механизмов.

Композитность языка «Творений» объясняется, прежде всего, устойчивостью христианской картины мира, сохранением базовых пространственных концептов (онтологические оппозиции ‘верх-низ’, ‘внутри-вне’; виртуальные пространства как часть мироустройства), которые находят отражение в языке, тем самым сближая церковнославянскую и современную русскую языковые системы. С другой стороны, появление в тексте избыточных архаичных структур, возможно, следует считать приметой функционального стиля, проявлением принципа

соборности, который «обеспечивает одновременное функционирование текстов, созданных (переведенных) в разное время и отражающих разные синхронные срезы языка» [Панин 1996: 65] на синтаксическом уровне.

Заключение

Проанализировав элементарные предложения с пространственной семантикой в тексте «Паренесиса» Ефрема Сирина, мы выявили широкий круг моделей, на базе которых они строятся – в общей сложности 57 единиц. Из них 16 обладают статической прототипической семантикой, 41 предназначены для описания динамических пространственных ситуаций (16 из последних осложнены введением дополнительного актанта – лица, каузирующего движение). Внутри каждого из этих двух классов наблюдается структурно-семантическое расщепление в соответствии с предложенной И. А. Мельчуком классификацией способов реализации локализации. Наиболее частотны в выборке конструкции, реализующие локализации типа ИН-, СУПЕР-, АПУД- и АНТЕ-. Дальнейшая смысловая дифференциация каждого их подтипов связана, как правило, с деталями взаимного расположения субъекта и локума относительно друг друга (удаленность субъекта от границ локума, наличие или отсутствие контакта с поверхностью локума). Специфические геометрические характеристики субъекта и локума, напротив, редко маркируются средствами синтаксического уровня.

Характерной чертой христианской картины мира является то, что в терминах пространственных отношений организуется не только физическая реальность, но и над-реальность – виртуальная надстройка действительности, на которой размещаются невоплощенные, высшие сущности (Бог, ангелы, бесы). Действующие на ней реалии представлены ограниченным списком одушевленных сущностей (высшие силы, души, овеществленные, антропоморфные абстрактные понятия) и виртуальных локумов (рай, ад, место суда), геометрические характеристики которых неопределенны, а также немногочисленных объектов материального мира с более определенной геометрией (облако, ложе, престол). В связи с этим пространственные отношения, устанавливающиеся между ними, отличаются меньшим разнообразием и, соответственно, для описания пространственных ситуаций в над-реальности вышеупомянутый структур, находит выражение в редуцированном виде: так, нехарактерным оказывается употребление нескольких структур для описания пространственных ситуаций одного класса.

Для церковнославянского языка характерен смешанный глагольно-именной тип выражения пространственных значений. Тип выражаемого в предложении пространственного значения определяется семантикой

глагола, формой имени, выступающего в роли локализатора, и, как правило, значением сопутствующего ему предлога. Частотны морфосинтаксические процессы – распространенный метод редукции в тексте памятника, – в результате которых предлог встраивается в словообразовательную структуру глагола в виде приставки. Редуктивные процессы в целом крайне распространены в тексте памятника: тенденция к опущению субъекта, который находится в теме, прослеживается во всех типах структур, в статических конструкциях во многих случаях не получает выражения предикат.

Внутри семантических классов между пространственными моделями складываются парадигматические отношения структурной вариативности и синонимии. Структурная вариативность обусловлена, во-первых, ненормированностью графического облика отдельных предлогов ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ *посредэ/посредэ* N_{Gen}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ *внутрь/внутрь*), во-вторых, функционированием ряда моделей в предложном и беспредложном вариантах ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ *къ* N_{Dat}^{D-F} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Dat}^{D-F} , $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ $\bar{w}$ N_{Gen}^{D-S} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ $\bar{w}$ N_{Gen}^{D-S}). Последнее наиболее характерно для структур, где имя-локализатор стоит в форме дательного или родительного падежа, которые, по всей видимости, достаточно однозначно маркируют делокативную и апудлативную разновидность адлокативного типа отношений и в меньшей степени нуждаются в уточнении пространственного значения посредством приставки.

Структуры бытийно-пространственного блока регулярно употребляются в тексте для выражения непространственных значений. Для статических структур характерны вторичные значения состояния, действия, эмоционального и социального отношения, ситуативного тождества; для динамических – вторичные значения состояния, действия, психического восприятия, эмоционального отношения и трансформации. Некоторые из перечисленных значений (духовного и социального состояния, психического восприятия, эмоционального отношения) могут реализовываться в элементарных простых предложениях, прочие же связаны с осложнением плана содержания.

Наиболее подвержены семантическим трансформациям пространственные структуры инэссивного, иллативного, инаблативного, суперлативного и апудлативного типов, а также структуры с семантикой следования и транслокативные структуры. Нам представляется, что это связано с укоренившимися в картине мира носителей языка метафорическими концептами:

- ‘человек представляет собой контейнер для происходящих с ним процессов’;
- ‘состояние выступает в качестве вместилища для участников, которых оно затрагивает’;
- ‘физическое расстояние определяет степень причастности’;
- ‘направленность – это цель’;
- ‘следование – это подражание/уподобление’;
- ‘трасса – это образ действий’.

Активное применение ориентационных метафор для осмысления абстрактных состояний, разворачивающихся вне физической сферы, указывает на принципиальную важность локативности как когнитивной категории в сознании носителей церковнославянского языка. На это же указывают и живые, не закрепившиеся в языковой системе процессы переосмысления пространственных оппозиций ‘справа-слева’, ‘вне-внутри’ как аксиологических противопоставлений грешного и праведного, близкого и чуждого.

Помимо передачи пропозиционных значений, неЭПП, реализующие структуры бытийно-пространственного блока, используются в целях установления отношений между событиями, причем каждый из крупных блоков соотносится с конкретным типом отношения: так, статические конструкции передают темпорально-соотносительное значение, структуры с неосложненной семантикой движения – целевое, если же динамическое пространственное значение осложняется семантикой каузации, последняя выходит на первый план в плане содержания. Кроме того, инэссивные структуры регулярно реализуются в неЭПП, семантика которых двухслойна: наряду с диктумным пропозиционным значением в них находят эксплицитное выражение квалификативные категории модуса (оценка и авторизация).

Анализ текста современного перевода позволяет заключить, что язык «Творений» отличается неоднородностью, сочетая в себе черты двух синхронных срезов литературного языка. Это объясняется, во-первых, устойчивостью христианской картины мира и связанных с ней пространственных концептов, во-вторых, характерным для религиозных текстов принципом соборности. Подобное аккумулятивное усложнение языковой системы представляется специфической особенностью функционирования языка христианских текстов в диахронии.

Список использованной литературы

Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // *Ceskoslovenska rusistika*, XI. 1966. № 2.

Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. 1. (Однобазовые предложения). Прага, 1973. 136 с.

Апресян Ю.Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // *Вопросы языкознания*. 1965. № 5. С. 51–66.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1980. Т. 39. № 4. С. 347–358.

Арутюнова Н.Д. Пропозиция // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 401.

Арутюнова Н.Д. Пропозиция // *Большой энциклопедический словарь: Языкознание*. М., 2000. С. 401.

Аюпова Е.И. Греческие грамматические конструкции в славянских переводах «Паренесиса» Ефрема Сирина XIII–XIV вв. (http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=446).

Бабенко Л.Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм*. Екатеринбург, 1997. С. 30–45.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.

Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // *Вестник МГУ*. 1981. № 2.

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.

Белошапкова В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. высших учеб. заведений / В. А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / Под. ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1999. 928 с.

Богуславская О.Ю. Пространство и перемещение // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность*. М., 1999. С. 161–172.

Богуславская О.Ю. Динамика и статика в семантике

пространственных прилагательных // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 20-29.

Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 212–216.

Болотина Ю.Н. Модели русских элементарных простых предложений пространственной семантики с локативным компонентом в форме винительного падежа без предлога: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 271 с.

Брандт Р.Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка, читанные ординарным профессором Имп. Моск. ун-та Романом Брандтом. Вып. 1. Фонетика. М., 1892. 146 с.

Брандт Р.Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1894. С. 291–308.

Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта). Воронеж, 2004. 212 с.

Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1967. 332 с.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. 552 с.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955. 482 с.

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. 320 с.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993. 196 с.

Востоков А.Х. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863. 135 с.

Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842. 911 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000. 502 с.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.

281 с.

Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 349–372.

Гжегорчикова Р. Понятийная оппозиция «верх – низ» (пол. «WIERZCH» – «SPOD») и языковая модель пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 78–83.

Гошев И. Монашеско храбро «воюване» и «черноризецъ Храбъръ» // Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933. С. 639–644.

Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956. 149 с.

Грабе В. Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Ceskoslovenska rusistika*, XI. 1966. № 2. С. 44–49.

Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть 1. М., 1954. 703 с.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.

Данеш Ф., Гаузенблас К. К семантике основных семантических формаций // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 90–97.

Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. 296 с.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1–337.

Жолобов О.Ф. Древнейшие списки славянского Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные по орфографии, фонетике и грамматике // *Rozprawy Komisji Językowej*. 2007. Tom LII. С. 297–306.

Жолобов О.Ф. Древнерусская книжность: «Паренесис» Ефрема Сирина // Православие в поликонфессиональном обществе. Казань, 2006. С. 296–301.

Жолобов О.Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 51–75.

Жолобов О.Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38 // *Russian Linguistics*. 2007. Vol. 31. No. 1. С. 31–59.

Жолобов О.Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина XIII XIV веков: лексические разночтения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4. С. 128–138.

Жолобов О.Ф. О немецком издании славянского «Паренесиса Ефрема Сирина» // Русская и сопоставительная филология / Казан, гос. ун-т, филол. фак. Казань, 2005. С. 98–104

Жуковская Л.П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение рус. языка и источниковедение. М., 1969. С. 3–26.

Зимек Р. Семантический аспект синтаксической трансформации // *Ceskoslovenska rusistika*, XI. 1966. № 2. С. 79–87.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.

Золотова Г.А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 350 с.

Золотова Г.А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Вопросы русского языкознания. М., 2000. С. 11–23.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Истрин В.М. Начало русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова о древнерусской летописи // Начала. Журн. истории литературы и истории общественности. Пб., 1922, № 2. С. 43–63.

Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). Пгр.: «Наука и школа», 1922. 248 с.

Катенин П.А. Избранное. М., 1989. 240 с.

Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981. 374 с.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек. М., 1970. С. 110–156.

Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. 1980. № 4. С. 309–317.

Козловский М. Исследование о языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1. С. 1–127.

Кокорина С.И. О реализации структурной схемы предложения // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 73–78.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. 296 с.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 2009.

512 с.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. 312 с.

Колосова Т.А., Черемисина М.И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 10–32.

Колосова Т.А., Черемисина М.И. К проблеме моделирования предложений наличия / отсутствия в русском языке // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. С. 3–9.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. 107 с.

Кошкарева Н.Б. Пропозиция и модель (на материале предложений перемещения в языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 4. С. 70–80.

Кошкарева Н.Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Отв. редактор д-р филол. наук Н. Н. Широбокова. Новосибирск, 2005. С. 74–119.

Кошкарева Н.Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 3. Вып. 1: Филология. Новосибирск, 2004.

Кошкарева Н.Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.

Кубрякова Е.С. Парадигма // Большой энциклопедический словарь: Лингвистика. М., 2000. С. 366.

Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. 275 с.

Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. 76 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.

Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. 368 с.

Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое

значение. М., 1947. 499 с.

Лихачев Д.С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к семидесятипятилетию акад. Н. И. Конрада. М., 1967. С. 302–307.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. 372 с.

Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М., 1962. 605 с.

Ломтев Т.П. Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 104–115.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 200 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979. 197 с.

Макариоска Л. За Лесновскиот паренезис од аспект на преведувачката постапка // Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 2004. С. 413–427.

Марков В.М. Заметки по исторической стилистике русского языка // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Ижевск, 1978. С. 67–76.

Марков В.М. Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962. 143 с.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М., 1998. 544 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974. 346 с.

Москалева Л.А. Графико-орфографические и фонетические особенности Паренесиса Ефрема Сирина по рукописи РНБ, погод. 71а ок. 1289 г. Казань, 2006.

Москалева Л.А. К бытованию сочинений Ефрема Сирина в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики: Материалы III Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М., 2005. С. 70–71.

Москалева Л.А. О поучениях Ефрема Сирина в древнерусской книжности // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии (Материалы V ежегодной научно-практической конференции «Богословские науки: традиции и новая парадигма» (7-8 ноября 2005 г.)). Вып. 1(11). 2006а. Казань, 2005. Ч. 1. С. 142–151.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от

семантических структур к языковым средствам. М., 2006б. 512 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005.

Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.

Новак М.О. О рецепции греческого текста в славянском переводе поучений Ефрема Сирина // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 29 ноября – 1 декабря 2005 года). Казань, 2005. С. 186–188.

Новак М.О. О цитировании текста Апостола в Паренесисе Ефрема Сирина // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. Материалы V ежегодной научно-практической конференции «Богословие и гуманитарные науки: традиции и новая парадигма» (Казань, 7–8 ноября 2005 г.). Вып. 1(11). Ч. 1. Казань: Казанская духовная семинария, 2006а. С. 162–168.

Новак М.О. Паренесис Ефрема Сирина: отношение славяно-русских списков XIII–XIV вв. к параллельному греческому тексту // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006б. Т. 1. С. 177–179.

Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. 354 с.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902. 312 с.

Огрен И. Паренесис Ефрема Сирина. К истории славянского перевода. Uppsala, 1989. 146 с.

Огрен И. К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов. На примере славянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина. Uppsala, 1991. 134 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. 272 с.

Падучева Е.В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 87–107.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

609 с.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974. 291 с.

Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. 217 с.

Панин Л.Г. Церковнославянский язык и русская словесность // Слава вам, братья, славян просветители. Новосибирск, 2002. 70 с.

Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. С. 57–98.

Попова З.Д. Структурная схема предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 255–268.

Попова З.Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. М., 2001. С. 215–219.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М, 1990.

Распопов И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 92–101.

Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения? // Вопросы языкознания. 1976. №2. С. 65–70.

Русская грамматика. Т. I. Praha, 1979.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Сахаров И.П. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности. Тула, 1879. 248 с.

Седельников Е.А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филол. науки. 1961. № 3. С. 66–77.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–157.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. М., 1990. 151 с.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 959 с.

Семенова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. науч. тр. М., 2000. С. 117–126.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 284 с.

Соболевский А.И. Заметки о малоизвестных памятниках юго-западно-русского письма XVI–XVII вв. Киев, 1894. 24 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907. 309 с.

Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды IX археологического съезда в Вильне 1893 г. Т. II. М., 1897. С. 59–60.

Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Том 1. Очерки из истории русского языка: лекции по истории русского языка. М., 2004. 712 с.

Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1888.

Современный русский язык: Учебник для филологических специальностей университетов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. 800 с.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997.

Современный русский язык: Учебник: Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.: Лань, 1999. С. 592–826.

Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики. Пер. со 2-го фр. изд. А. М. Сухотина, ред. пер. Н. А. Слюсарева. М., 1998. 256 с.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1882а. 391 с.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1882б. 391 с.

Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. Вып. I. 86 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. 656 с.

Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006. 560 с.

ТФГ: Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. 230 с.

Успенский В.М. Толковая Палея / [Соч.] В. Успенского. Казань, 1876. 134 с.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. 328 с.

Филин Ф.П. Очерк истории русского языка до XIV столетия // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 27. Л., 1940. 172 с.

Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 12–54.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 369–495.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 496–530.

Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990. 296 с.

Хабургаев Г.А. Становление русского языка: Пособие по исторической грамматике. (Для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов). М., 1980. 192 с.

Хабургаев Г.А. Старославянский язык: Учеб. пособие. М., 1974. 432 с.

Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе. Л., 1969.

Храковский В.С. Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика. М., 1998. С. 141–154.

Черемисина М.И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках народов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56–61.

Черемисина М.И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Вып. 11. Новосибирск, 2003. С. 3–29.

Черемисина М.И., Озонова А.А. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение: Тр. гуманит. фак. Сер. 5: Учеб-метод. пособия / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 168 с.

Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. 205 с.

Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.

Черемисина М.И., Скрибник Е.К., Сэрээдар Н.Ч. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации и

отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996.

Черных П.Я. Происхождение русского литературного языка. М., 1950.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002. 424 с.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. 288 с.

Шахматов А.А. Разыскания о Древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. 539 с.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. 624 с.

Шведова Н.Ю. К понятию вариативности предложения (на примере лексического множества) // Изв. АН СССР. 1983. Т. 42. № 6.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М., 1973.

Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973. № 4.

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 168–202.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994. 47 с.

ЭСС: Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь. М., 2002.

Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895. Т. 1. С. 287–1070.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. 367 с.

Fillmore C. The case for case // Universals in linguistic theory. New York, 1968.

Landau B., Jackendoff R. «What» and «where» in spatial language and cognition // Behavioral and brain sciences. 16. 1993.

Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Stanford, 1987.

Levinson S. Language and space // Annual review of anthropology. 1996.

Levinson S., Wilkins D. (Eds.) Grammars of space. 2001.

Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of

Slavists. The Hague; Paris, 1973. Vol. 2. P. 439–467.

Talmy L. Towards a cognitive semantics, vol. I: Concept structuring systems. Cambridge MA, 2000.

Talmy L. Towards a cognitive semantics, vol. II: Typology and process in concept structuring. Cambridge MA, 2000.

Voss Ch. Zum lexikalischen Bestand des Textes der altbulgarischen Paraenesis von Ephraim dem Syrer // *Palaeobulgarica*. VIII (2). 1994. S. 50–65.

Voss Ch. Die Handschrift Nr. 137(69) der Nationalbibliothek Bukarest: eine bisher kaum bemerkte Neuübersetzung der Par&nesis Ephraims des Syrsers // *Palaeobulgarica*. 1995. XIX (2). S. 27–44.

Voss Ch. Die Paranesis Ephraims des Syrsers in stidslavischen Handschriften des 14.

Voss Ch. Die altbulgarische Übersetzungstechnik in der friihen symeonischen Epoche. Zu vier (angeblichen) Patristikübersetzungen Konstantins von Preslav // *Palaeobulgarica*. 2001. XXV (4). S. 49–63.

Worth D.L. The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages // *American contributions to the V International congress of slavists*. Sofia, 1963.

Worth D.S. Omega, especially in Novgorod // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка*. М.: Изд-во «Индрик», 1996. С. 70–82.

Список источников

Ефрем Сирин. Творения. Том 1-2. Барнаул, 2005.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. М., 2004. 511 с.

Троицкий список «Паренесиса» Ефрема Сирина сер. XIV в. (цифровая фотокопия рукописи): <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php>

Список словарей

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. А–К. Т. 1. СПб, 1893.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Л–П. Т. 2. СПб, 1902.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по

письменным памятникам. Р–Я. Т. 3. СПб, 1912.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. 842 с.

Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. 4-е изд., доп. М., 1999. 943 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список синтаксических символов и сокращений

1. Морфологические символы

N_{Nom}	имя в форме именительного падежа
N_{Gen}	имя в форме родительного падежа
N_{Dat}	имя в форме дательного падежа
N_{Acc}	имя в форме винительного падежа
N_{Instr}	имя в форме творительного падежа
N_{Loc}	имя в форме предложного падежа
V_f	финитная форма глагола
ADV	наречие

2. Семантические символы

Ag	агенс
D-F	директив-финиш
D-S	директив-старт
TrLoc	трасса
Stat-Orient	статический ориентир
Dyn-Orient	динамический ориентир
Ex	экзисциенс
Instr	инструмент (средство передвижения; инструмент помещения; инструмент воздействия)
Loc	локатив
Obj	объект
Orient	локализатор-ориентир
V^{Ex}	глагольный предикат со значением местонахождения (существования)
V^{Loc}	глагольный предикат со значением помещения
V^{Mot}	глагольный предикат со значением движения